Наталья ЖЕЛНОРОВА

МИР И ВОЙНА ВЛАДИСЛАВА СТАРКОВА

Москва
Издательский дом «Время жить»
2010

УДК 323/324(470+571)+070+929Старков
ББК 66.3(2Рос)+76.01
М63

М63 **Мир и война Владислава Старкова** : книга воспоминаний / Наталья Желнорова — Москва : Время жить, 2010. — 296 стр. — ил.
ISBN

Эта книга будет интересна не только для журналистских коллективов, которые могут почерпнуть из нее что-то важное для себя, но и для любого человека, желающего заглянуть на «кухню четвертой власти»...

Эту книгу можно было не писать: ни к чему ворошить прошлое, показывать свои проступки, выворачивать свое белье... Но память о нашем Главном не соглашается с забвением, даже ради того, чтобы умолчать, скрыть какие-то страницы его необыкновенной жизни. Можно было бы взять только созидательную часть этой биографии и сделать из нее для народа «лаковую миниатюру», однако и коллеги, и друзья, и родственники сошлись в едином мнении: нужна правда.

На сломе эпох от социализма к капитализму мы, активные участники происходящих в обществе процессов, пережили такие яркие картины, так много души вложили в свое дело, питали такие надежды на будущее, что столкновение с «богатой» действительностью было похоже на столкновение роскошного «Титаника» с холодным айсбергом...

УДК 323/324(470+571)+070+929Старков
ББК 66.3(2Рос)+76.01

В книге использованы стихи В. С. из сборника «Услышь меня! Я рвусь к тебе...».

На цветных вкладках использованы фото из архивов Старковых и Натальи Желноровой, а также фотоработы Бориса Кремера, Владимира Сварцевича, Валерия Христофорова, Сергея Хальзова, Геннадия Усоева и коллажи Андрея Дорофеева.

ISBN

© Желнорова, Н. Н., 2010
© Оформление. ООО Издательский дом «Время жить», 2010

Автор-составитель этой книги выражает огромную благодарность жене и дочери Владислава Старкова — Юлии Федоровне и Елене, за большую помощь в подготовке издания.

А также благодарит за воспоминания:

Николая Зятькова
Дмитрия Макарова
Людмилу Новикову
Ирину Солганик
Галину Волчек
Наталью Бояркину
Андрея Угланова
Анатолия Мамциса
Владимира Суичмезова
Татьяну Зелеранскую
Дмитрия Иванова
Виталия Игнатенко
Авангарда Леонтьева
Елену Кореневу
Андрея Дорофеева
Елизавету Штайгер
Викторию Андреянову
Николая Солдатенкова
Всеволода Богданова
Ирину Крейнгель
Тамару Фатееву
Марию Варденгу
Олега Желтова
Геннадия Ариевича
Марину Мурзину
Тамару Виркунен
Викторию Шкаровскую
Виктора Перушкина
Светлану Егорову
Николая Попадьина
Владимира Воинова
Ларису Хлебникову
Игоря Моржаретто
Владимира Торопова
Александра Минкина
Лидию Ершову (Скрябину)
Сергея Касацкого
Николая Головко
Аллу Пугачеву
Андрея Бинева

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не в том суть жизни, что в ней есть.
А в вере в то, что в ней должно быть.
Иосиф Бродский

...Когда я призналась одному знакомому, что мы хотим написать книгу памяти о нашем Владиславе Андреевиче Старкове — создателе и главном редакторе еженедельника «Аргументы и факты», этот собеседник неожиданно поразил меня таким укором: «Мы, читатели, никогда ничего о вас, журналистах, не знаем! В ваш «дом» практически никто «не вхож»! Но вы сами — непонятно, по какому праву — лезете к нам в душу и не пускаете нас в свою! «Четвертая каста» выливает на нас все, что ей заблагорассудится! Вы морально калечите наших детей, доводите некоторых до суицида. Вы поднимаете людей на пьедесталы и низвергаете их в пучину страстей. Вы даже сами не представляете, какой идеологической «кибермашиной» управляете и куда на ней двигаетесь! И часто забываете, какая у прессы сила и власть над человеком и страной!»

От автора

СМИ меняют ориентацию

В стране появилось огромное количество изданий, их главной темой стали бандиты и их разборки; гадалки и пророки всех мастей; скелеты в шкафу новоявленных «звезд»; «секса» столько, сколько, наверное, не «производится» во всей России. «Барахло» из всех «кладовок» вывернуто на обалдевший народ. А политикой и ее новыми вершителями судеб обильно, как острой приправой, сдобрено все это «варево».

Неслучайно СМИ раньше называли «четвертой властью» — она соединяла первые три «ветки» с народом, транслировала их наме-

рения и деяния. Анализировала эти намерения, чтобы они как можно меньше вреда принесли народу. И общество ценило эту роль прессы, оно опиралось на нее, когда надо было выровнять первые три власти. Конечно, нередко случалось, что по заказу властей и она травила неугодных, и возвышала угодных. Но сейчас неугодным стало все российское общество.

Общество оказалось задавлено пошлостью, криминалом. Как по заказу (а может и так?) идет восхваление героев преступного мира. Наркоманы, проститутки, бандиты, ворье, самоубийцы — все это с помощью СМИ вывалилось на головы читателей, зрителей. Пороки красочно расписываются и подаются под глянцевой оберткой. На ней написаны как будто безобидные для нашего слуха иностранные слова: рейдеры, путаны, киллеры, педофилы, коррупционеры, гомосексуалисты, некрофилы, скинхеды... Однако в нашем родовом подсознании нет от них такой сильной защиты, как от слов «вор, разбойник, казнокрад, убийца, растлитель». Закамуфлированные иностранные слова подчас воспринимаются почти так же спокойно, как и ранее неизвестные нам «маркетолог», «пиарщик», «диджей». Просто профессии. Ну что в них плохого?

Журналисты говорят, что все факты берут из жизни. Но любой единичный случай пресса своим тиражированием, а по сути, рекламой, превращает в серийное производство. Почему рекламой? Потому что за негативным фактом нет комментария, в котором порицание, отпор, возмездие, нет общенародного клейма порока, нет оценки, и это сразу превращает факт в рекламу, особенно, когда бездействуют все другие «воспитательные центры». Кроме того, в большинстве случаев мы слышим: «Киллера, скорее всего снова не найдут» или «нет закона, чтобы наказать работорговцев за то...» — уверенно заключает свой кровавый рассказ обозреватель. Словом, гуляй, бандит, тебя не тронут.

Некоторые журналисты, к огромному сожалению, превратились в «помойщиков», которые роются среди трупов, пороков, ищут па-

даль, тянутся туда, где гниение и распад. Вытаскивают их и провоцируют трагедии, стравливая и народы, и политиков, и корпорации. Вся страна оказалась задавлена, замордована прессой страшнее, чем любым кризисом. Она идет за людьми по пятам, разлагает детей.

СМИ стало страшнее даже самой действительности: очевидно, что не в каждой семье отец насилует двухлетнюю дочку, но когда это повторено по семи телеканалам и приведены данные, что якобы такое случается в каждой двадцатой семье — ясно, что семейная жизнь во ВСЕХ молодых семьях уже отравлена подозрением!

Результат — журналист оказался не лучше преступника: если разбойник совершает преступление против одного человека или группы лиц, то журналист с помощью своей электронной или печатной «дудки» выступает уже против всего народа, угнетая его дух, подавляя волю и убивая надежду.

ОПГ (организованные преступные группировки) не прикидываются «белыми и пушистыми», хотя и не против того, чтобы с помощью денег, затраченных на кинематограф и художественную литературу, приукрасить свой образ. А вот СМИ по-прежнему претендуют на какой-то особый в стране «властный» статус. Напрасно. Когда СМИ метнулись за деньгами, получаемыми от пиара и рекламы, они забыли о своем долге перед обществом. Сами выдумали себе две порочные цели: развлекать народ и зарабатывать на нем. Отсюда появились и разрослись «раковые опухоли» финансовых и прочих пирамид, которые превратились в памятники на могилах наших обманутых соотечественников.

Отдельными СМИ позабыты и честь, и совесть, и милосердие. И вскрывать проблемы, как гнойники, надо руками умелых хирургов, то есть давать на них комментарии умных и порядочных людей. И нужно постоянно убеждать общество, что порок непременно будет наказан (вот вам факты). Добро обязательно должно торжествовать над злом. Поэтому необходим показ достойных выходов из наших проблем. Только таким путем мы не оставим людей наедине со стрессом и хоть как-то поможем им.

Если раньше при словах «это журналист» людям хотелось познакомиться, узнать что-то новое, посоветоваться или пожаловаться, то теперь появилось новое желание — посторониться, избежать общения.

Нынешний журналист уже не раз совершил перед народом свое иудино предательство, когда допускал к эфиру не мыслящих и добрых, а тех, кто хуже и «страшнее». Поэтому так мало «ниш», где можно было бы проявиться добру. Даже довод придуман соответствующий: «У доброты нет рейтинга». А нет рейтинга — значит, в кассе СМИ нет денег от такой теле или радиопередачи или от публикации в газете. А так как деньги сейчас у «плохишей», то именно им «мы вынужденно послужим». Вот так было взято равнение на антигероя, на низменные потребности людей и потворство этому.

«Кривое зеркало»

СМИ изменило весь наш жизненный уклад.

Подобное происходит и в канун выборов, когда с помощью СМИ в кресла высоких чиновников попадают неправильные для страны люди. Но тридцать сребреников кем-то уже получены... Руководителям массмедиа наплевать, какие чудовища придут к власти, и как потом мы будем страдать от их неумелости, воровства. Да и сами медийщики попадут когда-нибудь в эту яму-клоаку, кто тогда услышит их стоны...

Однако в будущее они, похоже, и не пытаются заглядывать — лишь бы урвать свое в эту минуту. Игнорируют то, что они «глас народа». Помните, как заклинание внедрялось в сознание масс: «Да-да-нет-да»? Одно «нет», и то для других — для оппозиции! А если бы мы, в первую очередь, журналисты, почаще говорили своим «избранникам» золотые слова «нет!», «нельзя!», «не поддержим!» — разве народные слуги не опомнились бы в своем безумстве?! Именно на нашем страхе и холуйстве вырастали большие и маленькие тираны. Разве могли бы они без угодливо согнутых спин вскарабкаться на вершину власти? Почему мы тогда упрекаем тиранов в... тиранстве?

И в то же время сколько искренних, настоящих журналистов погибли за свое правое дело! Когда они не смирялись с «давиловкой» власти, не боялись ярости бандитов, когда «лезли на рожон», лишь бы только обнародовать обнаруженные доказательства чьей-то вины или, наоборот, чьей-то неугодной кому-то правды.

Они забывали о том, что их могут скоро забыть, что у них есть обязательства перед семьей и детьми, что все равно их сил в борьбе с большим злом скорее всего на сегодня не хватит... Но что-то тянуло их к выполнению профессионального долга, и этими поступками, даже своими жизнями, они очищали слои грязи и со своих расчетливых коллег.

Печать по своей сущности, которую никто отменить не может, является коллективным агитатором, пропагандистом и организатором. Достаточно показать один порок, как он сразу же, словно в тысяче зеркал, отразится в тысячах судеб. Но покажи настоящего героя — и сколько людей, подростков захотят быть похожими на него!

Несомненно, что СМИ — это опаснейшее оружие, если оно оказывается в равнодушных или циничных руках. И в то же время это — лекарство, если общество получает его с любовью, из рук разумных руководителей масс-медиа. Право, жаль, что нет у журналистов такой же клятвы Гиппократа «Не навреди!», как у врачей. Но разве от этого наш долг перестает быть нравственным?

Плата за успех

...Размышляя над всем этим, я поняла, что в книге воспоминаний о Владиславе Старкове будет и о том, какие превращения произошли с «АиФ» — этим популярнейшим изданием, которое благодаря таланту, смелости и проницательности главного редактора превратилось из социалистического «ничто» в капиталистическую медиаструктуру, живущую по законам жесткого бизнеса. Причем во многом вопреки принципам прежнего «АиФа» — «Все для читателя и во имя интересов читателя!»

Под впечатлением этого я мысленно вернулась на несколько лет назад. Помню, было не по себе. Предчувствие говорило, что этот день

может стать одним из самых неприятных в моей жизни. Слава Богу, что он уже подходил к концу. Оставалось всего несколько часов до полуночи, до сна, а там уже и следующий день с его очередными заботами.

Мелькали новостные сюжеты по Первому каналу, и среди них прозвучало: «Скончался известный журналист...» Кто же? — мелькнуло в голове. А на экране телевизора тем временем появилось его лицо. Наш Главный, наш Старков! Так рано! Да, болел, ну так что же? Промелькнула мысль: «Быть может, он просто не захотел жить?»

А уже на следующее утро газеты пестрели заголовками статей о кончине Старкова и некрологами. Вот лишь один из них.

«Он придумал «АиФ» — писали «Новые известия»

В субботу после продолжительной болезни на 65-м году скончался Владислав СТАРКОВ, основатель еженедельника «Аргументы и факты».

Благодаря тому, что в 90-е годы тиражи «АиФ» превысили 33 миллиона экземпляров, газета попала в Книгу рекордов Гиннесса. Количество в данном случае было прямым следствием качества издания.

«АиФ» — единственная газета, которая менялась на протяжении четверти века, сохраняя свое лицо. Старков уже в конце 70-х сумел из желтоватого по замыслу кураторов из ЦК партии еженедельника сделать в полном смысле демократическое издание.

Вот еще факт для Книги рекордов Гиннесса: неизвестно, как в мире, но у нас точно нет второго такого Старкова, основавшего и четверть века (!) возглавлявшего популярнейшее издание. Из «АиФ» — как русская литература XIX века из гоголевской «Шинели» — вышли все нынешние «толстушки» и «уикенды», по своим тиражам уже сопоставимые с детищем Старкова. Но по качеству, корректности освещения даже самых «жареных» тем и по доброй репутации — это надо еще крепко подумать».

Все следующие дни были гнетущими, пасмурными. Случившееся тяготило так, будто я не выполнила перед Старковым какое-то обязательство. И, может быть, поэтому, провожая его в последний путь, я, повинуясь какому-то порыву души, сказала своим друзьям и коллегам по еженедельнику «Аргументы и Факты», что надо напи-

сать о нем книжку. Все согласились: да, книга необходима. И как-то так получилось, что это нелегкое дело возложили на меня: мол, вы долго вместе работали, много общались...

Когда я настраивала себя на это не простое (в виду отсутствия писательского опыта) дело, то приходила к выводу, что необходимо рассказать не только о нашем главном, но и об атмосфере в стране, в нашем коллективе, о его команде, о друзьях-товарищах и даже о себе...

Вспоминалось разное. Например, как однажды, в поисках газеты для разведения огня, я взяла пачку старых наших номеров. Только хотела поднести к ним спичку — огонек выхватил какую-то статью, и я тут же вспомнила, как она всколыхнула общественное мнение, сколько и радостных, и возмущенных откликов она вызвала, сколько писем пришло в редакцию, как бурно мы обсуждали их и как намечали следующие свои «гвозди». А на другой странице я увидела черно-белое лицо писателя, за которым мы долго-долго «охотились», и вот, наконец, он появился у нас. И откровенно говорил, как его давило ГПУ, как он прятал свои рукописи и жил в изгнании... Суматошные дни нашей аифовской жизни. Они пристально глядели на меня со страниц этой газеты.

Перед глазами всплывают картины застойных 70-х и начала 80-х годов. Страна еще не бурлит, не пенится, гейзеры народного возмущения не пробиваются в разных сферах, не выносят на поверхность гнойники накопившихся нерешенных проблем... Но где-то уже появляются новые личности, почти гуру, готовые повести взбудораженные массы — хоть на баррикады, хоть сразу в счастливое и светлое будущее, так как им одним якобы ведома дорога туда. Возвращаясь к тем годам, я вспоминаю, как страна одновременно и вздыбилась, и окрылилась новыми возможностями. И очумевшие вместе со страной граждане буквально заглатывали свежие, необычные новости «Огонька», «Литературки» — тем более, что других «продвинутых» изданий еще не было...

Казалось бы, что мог на этом фоне какой-то «боевой листок» под нелепым названием «Аргументы и факты»? И почему в обществе

вскоре появляется такой же, если не больший, интерес к новому изданию? Этот черно-белый листок на восьми небольших полосках, разделенный на модули, тогда еще и не назывался «газетой». Это был «бюллетень для лекторов, пропагандистов и агитаторов». И, на самом деле, это был бюллетень, вроде того голубенького больничного, который выдавался заболевшим людям, и назывался он честно — «о нетрудоспособности».

Это определение «АиФа» было верно по всем показателям. Но парадокс был в том, что этот бюллетень выдавался одряхлевшими «эскулапами» из Политбюро ЦК уже неизлечимо заболевшему обществу. Нетрудоспособному, с убийственным диагнозом — хронический застой. Назревали, как оказалось потом, шоковые методы лечения, за которые принялись невесть откуда взявшиеся гиппократы. Шок был в том, что они не лечили, а разрубали зашлакованные узлы огромного советского организма. Менялось все. И надо было уходить от рецептов Политбюро ЦК к другим рецептам, к другой информации, в которой так жадно нуждалось заболевшее общество.

Я его сохранила, этот маленький листок, на котором обозначена дата — **1 января 1978 года. «Аргументы и факты», Издательство «Знание».** Смотрю на него и вновь поражаюсь тому, что в те годы было таким привычным. Как жестко обозначены границы и возможности этого бюллетеня! Он мог давать только под определенной окраской и только строго цензурированные **материалы из выступлений советской печати по вопросам критики буржуазной идеологии и пропаганды**. На первой полосе, под названием, обращение:

«Лекторы, пропагандисты, политинформаторы и агитаторы!

В этом выпуске читайте: Развитие экономики СССР и других стран социалистического содружества. Кризис капитализма: два полюса благосостояния, забастовочная борьба растет. Мирные инициативы Советского Союза в центре внимания прогрессивной общественности. Гонка вооружений. О правах человека: советская демократия в действии, «свободы» в странах капитала. Идеологические диверсии

против стран социализма. Нравы буржуазного мира: пропаганда культа насилия, антигуманные эксперименты».

Думала ли я тогда, во что он превратится через какие-то десять лет? И сколько усилий будет положено на это Главным и его командой?

Но одно я точно поняла: все самое удачное в жизни так и рождается — порывом души ради какой-то важной идеи и, главное, плотным единением на почве первых вдохновляющих успехов. Они закрепляют результат. Сложи вместе эти составляющие, добавь к ним необходимое звено — уверенного в правоте своего дела капитана, и — вперед! Расправляй свои паруса, команда!

...С зарождением «АиФа» началась и звездная карьера Владислава Старкова. Сегодня можно прямо сказать, что этот человек — загадка, один из немногих главных редакторов наших СМИ, кто умудрился практически без потерь пройти через всю перестройку. И в то же время, почему ему, имеющему в запасе такие чудесные способности, не удалось мирно прожить до своей кончины рядом со своим детищем?

И почему у нас почти всегда удачливые, талантливые люди, у которых было все, о чем им первоначально мечталось — власть, деньги, популярность, интересное дело — все-таки становятся в какой-то степени отверженными? Что это? Плата за успех? Ведь умирал он в страшных муках, почти без друзей, и в этом состоянии депрессии совсем не был похож на баловня судьбы. Кто таким роковым образом повлиял на весь его жизненный путь? Кто помешал ему до конца дней своих прожить умиротворенно и счастливо?

Не будем, да и не можем сразу раскрывать все карты этой непростой, честнее даже сказать, драматической судьбы, а лучше обратимся к первоисточнику — рассказам его друзей, коллег, жены и дочери. Этим воспоминаниям мы посвятили десять вечеров. На них мы говорили о том, как судьба неординарного человека переплелась с трагической судьбой огромной страны.

Но вначале все было просто.

Глава первая

ТРАНЗИТ «ЛАСПИ – МОСКВА»

Я думал о происхожденьи
Века связующих тягот.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.
Борис Пастернак

Справка: Владислав Старков родился 28 февраля 1940 года в Томске, в семье военного офицера. Тихая сибирская жизнь закончилась для него в 5-летнем возрасте, когда после войны отца отправили на службу в оккупированную Австрию. Вся семья провела там почти три года. А с 1948 года Ростов-на-Дону становится родным для Владислава. Впоследствии его многие считали настоящим донским казаком — один кудрявый чуб чего стоил! Здесь же он окончил машиностроительный институт.

Наша первая беседа началась с того, что мы перенеслись в лето после окончания Старковым института, в солнечную негу Ласпи...

Вспоминает друг юности Старкова **Владимир Суичмезов**: «...Это местечко в Крыму нам открыли местные ребята. Рассказывали, если нырнуть глубоко, можно найти подводные декорации к фильму «Человек-амфибия», говорили, что там безлюдно, повторяли на все лады: «В Ласпах хорошо». «Ласпами» оказалась бухта Ласпи, что недалеко от известного теперь Фороса. Все, о чем говорили ребята, оказалось правдой.

Вспоминается черное до жути южное небо, усыпанное яркими звездами, догорающий костер и мы, притихшие, слушаем нашу «Спидолу». Этот замечательный приемник рижского радиозавода ВЭФ после наших конструктивных доработок легко принимал зарубежные станции, которые угощали нас хорошей музыкой, песнями Далиды, Пола Анка, Элвиса Пресли, Эллы Фицджеральд. Советское радио музыкальным разнообразием нас тогда не баловало, репертуар строго соответствовал «текущему политическому моменту».

Владик Старков меньше других в нашей странной компании был склонен к ленивому, бездумному и такому приятному разбазариванию времени. Даже на отдыхе он запускал в наши разнеженные массы свои новые идеи. Приемник у Владика в руках; он понемногу пробирается через радиопомехи, иностранную речь, шум «глушилок», заунывные восточные мелодии и лихие ритмы рок-н-ролла. Вот «Голос Америки», слышна злобная «Немецкая волна», «Свобода», а вот «Би-би-си». Среди «вражеских голосов» Би-би-си была, пожалуй, самой спокойной. Передачи на русском вел некто Гольдберг, который не забывал каждый раз представляться по имени и отчеству. Позже Би-би-си читала нам главы из рукописей Солженицына. А первая его книга попала к нам в руки, если не ошибаюсь, в 1971-м году. Это была рукопись «В круге первом». Помню такое напутствие, переданное мне вместе с рукописью: «Если тебя спросят, откуда эта книга, скажи, что нашел ее за батареей парового отопления в подъезде. И никаких имен».

Наш обеденный стол в Ласпи был «сервирован» без излишеств. Более того, «инструмента» не хватало. Три алюминиевых ложки, похищенных в общепите, доставались самым проворным, остальные пользовались подручными средствами. Питание, не считая всякой мелочи, разнообразием не отличалось — один раз в день макароны с тушенкой, иногда в виде супа. Однако мой день рождения отметили неплохо. Пили замечательный местный портвейн, много хохмили, совершили ночной заплыв.

Надо заметить, что ночлег иногда проходил по очень упрощенному варианту: мы просто влезали в разложенную на траве палатку, как в большой спальный мешок, и засыпали под теплым крымским небом. Но вот из нашей берлоги появляется весельчак, жадный до утренней свежести. Его выгоревшая на солнце шевелюра напоминает развороченную скирду соломы. Он обходит потухший костер, закопченную кастрюлю с остатками макарон и подсаживается рядом. Закурили. Как-то незаметно завязался разговор «за жизнь». Говорили простыми и, как казалось, точными словами. «Герцен с Огаревым на Воробьевых горах» образца 70-х. Хорошо помню его фразу: «Надо жить так, чтобы, в первую очередь, было интересно тебе самому».

«Да, Владик всегда старался жить интересно, — говорит **Юлия Кузнецова**, жена Старкова. Он был специалистом по редким в то время ЭВМ. Со временем он мог сделать хорошую карьеру в металлургии. Но Липецкий металлургический завод, куда его распределили, так и не увидел молодого специалиста.

Его увлекала не только электроника, он интересовался и балетом, и театром, и литературой. Ему хотелось быть как можно ближе к культурной жизни столицы. И поэтому он очень хотел в Москву. А как попасть туда? Прописки нет, а посему нет ни жилья, ни работы, ни даже знакомых. И тут Владислав пошел своим оригинальным путем. Посещая столицу, он объезжал все окрестности Подмосковья. Ездил на электричках по разным направлениям и прикидывал, куда можно было бы пристроиться с его специальностью электронщика (это были 1962–1963-й годы). Он понимал, что у него есть единственный путь завоевания Москвы — это работа в каком-нибудь «почтовом ящике».

А где найти этот «ящик»? Они же все засекречены! Верно. Однако пути подъезда к ним могут быть и не засекречены! В электричках он рассматривал людей, сидящих в вагонах. А там были военные, серьезные, подтянутые инженеры... Старков потихоньку прислушивался и к тому, о чем они говорили. Действовал, ну, точно, как настоя-

щий шпион. И вот он заметил, что многие военные чаще всего выходят на станции Подлипки. (А там как раз находился известный центр ракетостроения). Преодолев стеснение, он тоже вышел вместе с военными. Они сели в служебный автобус и благополучно отчалили от станции. А он остался, грустно глядя им вслед. Что же делать? Когда он в следующий раз окажется в Подмосковье? А потому Старков набрался духу и, без всякой веры в успех, спросил у первой встречной бабули: «Слушай, дорогая, ты не подскажешь, где здесь «почтовый ящик?» Бабулька, как несознательный элемент, без раздумий указала ему дорогу, да и благословила еще, сказав: «Иди туда, сынок, с Богом!».

Благословение старушки подействовало. Старков пришел к проходной, и в бюро пропусков начал отважно спрашивать, не нужны ли там молодые специалисты? Стоящий рядом симпатичный мужчина бдительно поинтересовался: «А кто вы, откуда, чего хотите? Расскажите о себе». Старков «открылся». «Зачем вам работать в Подлипках? Поедемте лучше к нам, в Москву, в мировой метеорологический центр. Вы — электронщик, а у нас новая техника, только что пришли новые машины ЭВМ, нам нужны такие специалисты, как вы (по счастливому стечению обстоятельств это оказался будущий директор Гидрометцентра). У нас есть аспирантское общежитие, и вы там будете жить, — говорил он, — потом мы вам, как молодому специалисту, дадим жилье». Такое предложение было невероятной удачей для Владислава. Это было просто фантастикой! И первым звеном в цепи дальнейших старковских везений.

После университета меня распределили туда же, в этот метеорологический центр. На физфаке МГУ я изучала атмосферу земли, а это оказалось близко к задачам Гидрометцентра. Шел 1963 год. Владислав работал инженером-электронщиком на вычислительной машине, а я была математиком. Мы обрабатывали информацию, поступающую с метеорологических мирных спутников Земли. Всего в мире было два таких центра — в Вашингтоне и в Москве. Нам надо было знать английский, так как мы должны были переводить специаль-

ную литературу. Вычислительных машин в Москве еще не было, и мы ездили в Минск на завод имени Орджоникидзе. Там отлаживали такую технику.

— Юлия Федоровна, но вы уже были замужем! Зачем вам нужен был этот настырный провинциал?!

— Я сразу обратила на Старкова внимание, он был очень симпатичным. К тому же нас сразу сблизили общие увлечения. Тогда интеллигенция, студенчество, молодежь увлекались и музыкой, и театром, бредили поэзией. Это все было наше. Мы с ним просто дружили. Я действительно в то время уже была замужем. Браком сочеталась еще в университете, и мой муж, очень красивый мужчина, Александр, был журналистом. Однако ужасно ленивый, как и многие мужья, он часами лежал на диване. Я все-таки, в отличие от него, «крутилась», видимо, поэтому и оценила целеустремленность Старкова. Мы старались не пропускать ни одной премьеры. Занимали очередь в театральную кассу в пять-шесть часов утра. И были счастливы, потому что слушали Марию Каллас, Вана Клиберна, видели спектакли Мориса Бежара, Юрия Любимова, молодого Олега Ефремова. Владислав обожал оперу. Мне кажется, какими мы были, когда нам было по двадцать три года, такими и остались. Да, нам вдвоем было интересно. Все московские переулки были наши, везде мы гуляли. В 1968-м году я рассталась с мужем. Детей у нас не было. Через год мы с Владиком начали встречаться уже серьезно. А в 1970 сыграли свадьбу».

— Удивительно, сколько же в нем, молодом, было намешано! Возможно, у него были какие-то особенные родители, коль привили парню такую тягу к искусству? У простых людей на это обычно нет времени, они заботятся только об одном — лишь бы выжить...

Рассказывает **Лена**, дочь Старкова: «О его матери, о своей бабушке, я могу говорить много. Звали ее Мария Михайловна. У нее

была очень красивая девичья фамилия — Баженова. Ее не стало, когда мне было семь лет. Это была самая мудрая женщина, которую я знала. У нее не было особого образования, но была внутренняя женская мудрость от природы. Бабушка была очень сильной и властной. Именно из-за этого папа рано уехал из родительского дома. Она была гораздо сильней, чем он, была женщиной такого формата, как Галина Борисовна Волчек и Алла Борисовна Пугачева. Но она не ставила себе в жизни больших целей. Если бы у нее был хотя бы один шанс как-то реализовать себя не в семейной сфере, а в общественной, то она, наверное, стала бы кем-то вроде министра культуры.

Но это могло произойти, если бы у нее был другой муж, не такой, как мой дедушка. А он был маленьким и очень вредным. Дядечка, который все время хотел ее согнуть в бараний рог. Он был везунчик — с бабушкой ему повезло на сто процентов, это его самая большая удача. Но и после бабушки у него была прекрасная жена, которая не так давно скончалась. Дедушка умер, когда мне было 20 лет. После его смерти появился Ваня, его правнук. Шел 2001-й год. Душой отец был больше привязан к матери. А потом, после ее смерти, он помогал отцу, лечил, полностью его обеспечивал. Так что с сыном ему тоже повезло.

Мой отец был очень щедрым человеком, особенно по отношению к родным людям, друзьям. Думаю, это из-за того, что он родился в Сибири, а вырос в Ростове. В провинции люди более открытые. Там с детства прививаются такие духовные качества, как семейственность, помощь близким. Это впитывается с молоком матери. Вспоминаю, как бабушка очень интересно рассказывала о семье. К сожалению, никто не записал ее рассказов. Мне было семь лет, а другие члены семьи были заняты собой. Она умерла рано, ей было всего 68 лет. Если бы она пожила еще какое-то время, то оставила бы мне свои воспоминания, потому что очень меня любила. Будь она со мной на несколько лет дольше, я уверена, у меня бы по-другому пошла жизнь».

ДРУЗЬЯ НАВЕК

Что истина, мой друг, скажи?
В чем правда этой бренной жизни?
Что в ней построено на лжи,
И что достойно укоризны?

В.С.*

Справка: Редко можно встретить такого человека, для которого друзья значили бы все! По жизненной шкале ценностей они у Старкова, без сомнений, были на первом месте.

В дальнейшем многие его коллеги склонялась к мысли, что трудовые подвиги совершались Старковым не только ради себя и семьи, но и ради товарищей. Как же собралась вокруг него эта дружеская компания?

«Мне запомнилась, — рассказывает его друг **Анатолий Мамцис,** — наша первая встреча. В конце 60-х годов я часто ходил в консерваторию. Он тоже частенько там бывал, и мы вроде как примелькались друг другу. Потом как-то сидели рядом и заговорили. У нас оказалось много общих интересов. Например, Мария Каллас — тогда у нас никто о ней не слышал, никаких записей не было. И только очень маленькая горстка людей знала, кто такая Каллас. И это тоже нас сблизило, у него была пластинка с ее записью, а у меня было восемь комплектов. Мы ее слушали. Однажды я его пригласил к себе домой, мы жили на Арбате. И моя теща угостила его домашним, настоящим украинским борщом. Он был в полном восторге. В то время у него из москвичей никого знакомых не было. И он был очень рад, что попал в московский дом. Мы были молоды: ему — 27 лет, а мне — 30. К тому

* В. С. — не инициалы Владислава Старкова. Автор стихов пожелал остаться неизвестным.

времени, когда мы познакомились, он уже перетащил всех своих друзей из Ростова: Женю Рогова, Борю и Иру Павловых. Мы стали достаточно часто встречаться у него в 7-метровой комнате в районе Коптево. Называли ее кубриком, потому что стол, шкаф и кровать собирались в стенку, и вся площадь оставалась свободной. Мы устраивали там вечеринки с танцами и песнями. Было очень весело.

А потом, уже где-то в 70-м году, он решил жениться на Юле Кузнецовой. И меня взял свидетелем. Свадьбу отмечали на родительской даче жены в Переделкино, на огромной террасе. За столом сидело человек тридцать во главе с Юлиным отцом, а напротив — молодые. Погуляли на славу! Так началось наше совместное общение».

«С Владиком и Юлей мы познакомились в 1972 году в Мисхоре, — вспоминает актер **Авангард Леонтьев.** — Случайное знакомство переросло в дружбу на всю жизнь. Я не особо любил «жариться» на пляже, а Старковы там пропадали. Но вечером, когда жара спадала, мы вместе гуляли по «царской тропе» — от Мисхора до Ливадии. По легенде, этой тропой прогуливался еще Николай II.

Во время этих прогулок я, тогда еще молодой артист «Современника», взахлеб рассказывал Владику и Юле о театре, об Олеге Ефремове и Олеге Табакове, Галине Волчек и обо всех наших закулисных делах. Это были рассказы в лицах, которые Владику очень нравились. Он хохотал и просил по нескольку раз повторить ту или иную байку. Я имел успех у Старковых, и это подогревало нашу дружбу. К нашей компании иногда присоединялась Нина Афанасьевна Сазонова, знаменитая артистка Театра Советской Армии, а также — кино.

После отдыха в Крыму Старковы пригласили нас с Ниной Афанасьевной к себе домой, на Арбат, в генеральскую квартиру Федора Федотовича Кузнецова, Юлиного отца. Было очень хлебосольно и просто. И мы поняли, насколько это гостеприимный дом, и какие это сердечные люди, так умеющие расположить к себе. И еще они оказались очень любопытными, даже жадными до новых знаний. Была масса вопросов со стороны прекрасной хозяйки дома, Марии Нико-

лаевны, Юлиной мамы. Мы частенько бывали в их доме. Они очень любили приглашать гостей, были роскошные застолья. А самое главное, та атмосфера, которая устанавливалась за столом, была для всех привлекательна своим добродушием...»

«Я это тоже хорошо помню. Когда мы поженились и стали жить вместе, то столкнулись с большими сложностями, — говорит **Юлия**, жена Старкова. — Владислав оказался лидером. В семейной жизни от этого всегда и у всех бывает не просто. Но я с удовольствием признала его лидерство. Спорила иногда. А он говорил, вот ты, мол, споришь, а все равно прав буду я. Авторитет его в моих глазах был очень большим. Однако мои родители (а сначала мы жили у них) не всегда соглашались с такой постановкой вопроса. Это был мой второй брак. Первый мой муж был осетин, восточный человек: услужливый, внимательный к моим родителям. На Востоке всегда все почитают родителей. Например, встают, когда входит женщина. А когда в нашу семью пришел русский мальчик из Ростова, получился явный диссонанс.

Вскоре у нас обострились отношения с моими родителями: Владик и с ними тоже пытался быть лидером (а мой папа тоже лидер, да еще какой!). Он был боевым генералом, во время войны был членом Военного Совета Воронежского фронта, а в 1944 году его назначили начальником Военной разведки Генерального Штаба (ГРУ). Тогда мы решили (чтобы окончательно не испортить с ними отношения) переехать в Коптево. Там у мужа уже была комната площадью 7,7 кв.м., которую ему дали на работе.

В нашей комнате он, будучи электронщиком, все автоматизировал. Там был раскладной автоматический стол, пульт управления телевизором — тогда ведь еще не было этих пультов, он сделал все сам, ведь муж — талантливейший инженер. Стенку, какие-то панели привез из Таллинна, все сам смастерил. Получилось очень комфортно. Несмотря на маленький объем комнаты, там умещалось абсолютно все. Многие удивлялись такому таланту дизайнера у Старкова. В той комнате у нас все было откидное: откидная двуспальная кро-

вать и откидной стол, встроенная в стену полка для книг. Так что мы жили, можно сказать, в американизированной квартире. Когда, много позже, мы въехали в кооперативное жилье, муж предложил обить стены не обоями, а темно-красным с золотым орнаментом ситцем: необычно, дешево и отдаленно напоминает зал Большого театра».

Тамара Иванова, жена брата Старкова: «Первая встреча с Владиславом состоялась в сентябре 1966 года. После свадьбы с Юрием мы посетили Москву, жили в гостинице «Балчуг». Встретились два брата, оба были молоды, здоровы и счастливы. Владик прекрасно выглядел — загоревший, подтянутый, очень стильно одетый. Мы пошли в уютный ресторанчик с хорошей кухней. Владик интересовался родственниками, нашими планами на будущее. Наши отношения стали теплее и ближе, когда мы переехали из родного города Томска в Москву. У Владика уже появилась семья, мы часто собирались на их даче в Переделкино. Вспоминается чайный стол — огромный, круглый, с вышитой скатертью, и необыкновенно ароматный чай (фирменный Юлин) с пирогами, которые пекла мама Владика. Начинались беседы, обмен новостями. Владика всегда слушали внимательно — времена были сложные, и его мнение очень ценили. Информацией он обладал огромной. Часто давал нам читать ксерокопии новых книг, статей. При всей своей занятости он всегда помнил о брате, о нашей семье. Оплачивал лечение, из зарубежных поездок всегда привозил милые сувениры, которые мы бережно храним... Умел слушать. На его короткий вопрос: «Какие моменты?» ты выкладывал ему все, что есть на душе».

Владимир Суичмезов, друг: «Помню, как я, пройдя через бюро пропусков и строгую охрану, первый раз вошел в машинный зал Гидрометеоцентра и оторопел: среди жужжащих ЭВМ и мигающих лампочками пультов управления шагал разномастный строй молодых сотрудников. «Куда идем мы с Пятачком» пели они с большим подъемом. Первым в этой веселой команде, высоко поднимая колени, вышагивал начальник смены Владик Старков. Здесь все было по-

домашнему. Девчонки-операторы заваривали чай, кто-то колдовал над пультом, следил за поведением широкой магнитной пленки в вычислительной машине «Минск — 12», тут же кто-то пыхтел, надувая резиновый матрац (смена была ночной) — короче, работа кипела. В этом вычислительном центре уже трудились двое из нашей ростовской студенческой компании».

РАДИЙНЫЙ МАРАФОН

Ты в тупике непониманья.
И в лабиринте суеты.
В потугах псевдосозиданья.
Куда, к чему стремишься ты?
В.С.

Справка: В 1968 году Владислав понял, что техническое образование — лишь страница в биографии. Главная дорога должна была привести в гущу общественной жизни. Интуиция подсказывала: нужно стать журналистом и с помощью этой профессии попробовать реализовать свой огромный творческий потенциал.
Следует заочная учеба в университете, и в 1973 году бывший электронщик становится профессиональным журналистом.
После окончания университета (окончил его с красным дипломом) Старкова взяли в промышленный отдел московской редакции Всесоюзного радио.

Сейчас уже очевидно, что этот сплав был не случаен — в нем замысел относительно его дальнейшей судьбы, в которой ничего не бывает «просто так». Мы все для чего-то «запрограммированы». Какая же программа ожидала нашего непростого героя?

Юлия Кузнецова, жена: «Владислав был интеллектуалом и всегда хотел работать в редакции — эта работа открыла бы перед ним

двери почти всех кабинетов и концертных площадок, не говоря уже о том, что еще больше он мог бы сделать для своих друзей. Поэтому он поступил на заочное отделение филологического факультета Ростовского университета, на отделение журналистики, на котором и учился, причем очень увлеченно. Он специально поступал в родном городе, чтобы, приезжая сдавать очередную сессию, встречаться со своими родителями, которых очень любил.

Вспоминает его радийная наставница **Татьяна Зеленанская**: «...Бегу, как всегда, в цейтноте. Марафон по длинным коридорам Радиодома на Пятницкой, километры в день. Маршрут один: студия, монтажная, редакция, снова монтажная, редакция, студия. Бегу, прижимая к себе гору отмонтированных пленок. Тороплюсь. И все-таки краем глаза замечаю в коридоре возле редакционных дверей приятного молодого человека, в хорошем сером костюме. Особенно разглядывать некогда, влетаю в редакцию, скидываю пленки на тумбочку. Телефонный звонок. «Алле». — «Таня, зайди!» Главный редактор, Королева Александра Васильевна. Вот некстати, думаю я, через несколько минут надо быть в студии. Но... Снова в коридор, мимо того парня, в кабинет к Королевой. «Слушаю, Александра Васильевна». Она протягивает стопку машинописных листов. «Парня рекомендовали на работу, мне читать некогда его опус, готовлюсь к бюро горкома, прочти, пожалуйста, если годится, то возьмем».

Беру листы и уже не бегу, а медленно прохожу мимо парня, понимая, что это он кандидат в сотрудники. Светлые волосы, голубые глаза, очень аккуратный. Захожу к себе, начинаю читать — и увлекаюсь, совсем забыв про студию. Сейчас не помню фамилию того архитектора, о котором был очерк, но написан интересно, сочно, с какими-то милыми деталями, порой с юмором. «Вкусно» написан. Иду к Королевой. Говорю: «Берите парня, хорошо пишет». Королева: «Ну, так давай сразу в эфир». — «Нет, — говорю, — в эфир нельзя, это ж абсолютно нерадийный материал». Королева удивлена: «А что ж ты тогда говоришь «берите». — «Потому что пишет очень хорошо,

интересно выстраивает, находит какие-то удивительные детали, не сомневайтесь». Королева смеется: «Под твою ответственность».

Вот так Владислав Старков стал специальным корреспондентом Московской редакции Всесоюзного радио. Первое инженерное образование ему во многом помогло. Помню наше всеобщее удивление, когда он сообщил нам, что для того, чтобы выпустить программу в эфир, надо проделать 24 операции. Никто никогда не считал — носились, как «павловские» собаки, все на рефлексах. А он сразу увидел, как сократить эти операции, минимизировать простую беготню. Радио — это ведь не только творческая работа, это сложный технологический процесс, производство. И вот в этом производстве он освоился очень быстро. А как инженер, сразу полюбил сложные в техническом отношении передачи, так называемые «переклички».

Через год работы в Московской редакции Всесоюзного радио его избрали Председателем профбюро Главной редакции, я стала его заместителем. Просто народ почувствовал, что он именно тот человек, который сумеет что-то сделать для коллектива. А что тогда входило в его обязанности — пробивать через головной профком Гостелерадио жилье для нуждающихся, обеспечивать сотрудников путевками в санатории, а их детей — в пионерские лагеря, в детские сады.

У него было очень развито чувство прекрасного, ему всегда хотелось даже самый официозный праздник превратить в красивое и незабываемое событие, сделать людям какой-то сюрприз. А времена были такие, что сделать это все было очень непросто: требовалось даже самую малость «доставать». Вот грядет Восьмое марта. Ну, что обычно? Каждой женщине веточка мимозы. Он этого не хотел. Он долго договаривался с Измайловским цветоводством, устанавливал контакты, в результате — победа. Те соглашались продать редакции дефицитные тюльпаны. И накануне праздника мы ехали с ним в Измайлово и покупали эти тюльпаны. Но и этого ему было мало. Шли долгие переговоры с кондитерской фабрикой «Красный Октябрь», в результате к тюльпанам прибавлялась роскошная коробка шоколада каждой женщине. Но ведь еще нужен был сюрприз, момент неожи-

данности, и он решал, что все это нужно отвезти каждой женщине накануне праздника, т.е. 7 марта. И мы снова садились в машину и ехали по домам наших сотрудниц. И надо было видеть не столько их удивление, сколько восторг самого Владика, что удалось, что люди по-настоящему рады».

НА ПОРОГЕ СОБЫТИЯ

Какую миссию содержит это чудо?
В чем смысл его земного бытия?
С душой ли жил Искариот Иуда?
С какой душой живу сегодня я?

В.С.

Справка: На Всесоюзном радио Владислав Старков проработал недолго. Будучи творческим человеком, он предлагал множество идей, но руководство не поощряло новаторство, предпочитая не создавать себе трудностей и придерживалось привычного курса. Поняв, что эту рутину не изменить, Старков ушел из редакции вещания на Москву.

Встречи, встречи, встречи... Их было много, но одна из них дорогого стоила. Она еще раз демонстрирует, что ничего случайного в нашей жизни не бывает. Вроде бы все просто: стоит парень у картины на многолюдной выставке, вдруг к нему неожиданно подходит другой, чуть старше по возрасту, и они начинают мирно беседовать на тему живописи. Естественно, еще никто из них не знает, что ждет впереди, и насколько их судьба будет зависеть друг от друга. Они еще ничего о себе не знают...

Николай Зятьков, главный редактор: «Как-то раз, оказавшись в Москве, я пошел в Манеж, на выставку, представленную членами Академии художеств, впитывать в себя столичную культуру, посколь-

ку сам я из небольшого городка на Смоленщине. Случайно задержался у одной из картин академика Трапезникова, произведение называлось «Покорение Северного полюса». Ко мне подошел молодой человек, чуть постарше меня, с венгерским магнитофоном с бобинными кассетами, и хотя он считался «мини магнитофоном», но, тем не менее, весил килограммов пять (кто бы мне тогда сказал, что я сам буду с ним бегать по разным предприятиям и улицам Москвы!) И вот этот молодой человек спросил о моих впечатлениях от выставки, нравится ли мне эта картина и почему. Выключив магнитофон, он сказал мне, что работает на радио. Потом спросил мои данные, чтобы проинформировать, когда пойдет в эфир эта радиопередача.

Затем он мне позвонил, мы встретились, причем, помню, это было интересно и мне, и ему. Старков, наверное, почувствовал, что я в Москве один, и в каком-то смысле меня опекал. Приглашал к себе на дачу, познакомил с супругой, дочерью, родственниками, родителями, тестем, тещей. Я всегда с большим удовольствием бывал у них в гостях, потому что семья у него необычная. Мама была очень строгая и волевая, а отец, бывший военный, прошел войну и служил в спецвойсках. Многого он не рассказывал, но и то, что говорил, было очень интересно. Тесть, Федор Кузнецов, был политическим деятелем. Жили они в Переделкино под Москвой, попасть в этот заповедник вождей и талантов простому смертному было невозможно. Рядом была дача Микояна, а они об этом говорили так, будто это были просто соседи. А сама квартира была в Москве, где жили эти «спецлюди». Меня, конечно, все это потрясло. Сейчас этим уже не удивишь, но тогда — гигантская квартира в центре Москвы!

Как-то у нас с Владиславом зашел разговор, не хочу ли я заняться журналистикой. Я сказал, что у меня есть небольшой опыт: в институте писал статьи в газету и еще работал в прогрессивной газете «Советская молодежь» в Риге. Распространяли ее по всей стране, потому что она позволяла себе больше, чем все остальные, была такая «крутая». Старков сказал: «Вот и хорошо, давай попробуем на радио, тебе будет интересно». Так я стал его внештатным корреспон-

дентом. Я должен был делать передачи из сферы искусства, брать интервью у людей известных и не очень, таких как победители соцсоревнования. Это было увлекательно. До мастерства было еще далеко, поэтому он учил меня навыкам радиожурналиста.

В общем, дошло до того, что Старков даже рекомендацию дал мне в Гостелерадио — там у них вакансия была. У меня были неплохие характеристики. Но, к сожалению, меня туда не приняли, потому что в тот момент я не был членом КПСС. А в отделе кадров мне сказали, что ты, мол, еще молодой, иди, поработай на завод, вступи в партию, а потом — какие твои годы — к нам и вернешься. Собственно, я так и сделал: поработал на заводе, потом в «Строительной газете».

Юлия Кузнецова, жена: «Радио Владику очень помогло. Познакомился с разными людьми, знал все предприятия столицы, ловил ошибки, допущенные другими. Потом муж перешел на работу завотделом истории в издательство «Международные отношения», входящее в структуру общества «Знание», которое подчинялось отделу пропаганды ЦК КПСС. Здесь они издавали брошюры, книги работников МИДа. Муж очень хорошо зарекомендовал себя на этой работе. Поэтому, когда в 1979 году в ЦК КПСС возникла идея издавать бюллетень для советских пропагандистов и агитаторов на основе дайджестов прессы, и встал вопрос о главном редакторе, выбор пал на Старкова. Оригинальных материалов в газете не было, поэтому после нескольких номеров его отозвали обратно. Да он и сам тяготел к авторским текстам. Но как только была изменена концепция газеты, мужа позвали снова.

Мы с ним долго обсуждали, следует ли делать этот шаг: как же он уйдет из международного отдела Всесоюзного общества «Знание» — в какой-то листочек, маленький, тоненький? Да и зачем? Но все же муж склонялся к тому, что, возможно, это будет его дело, и здесь, может быть, удастся сделать что-то самому. В международном отделе он все-таки только редактировал чужие материалы...».

Глава вторая

БЮЛЛЕТЕНЬ С «ПАРТИЙНЫМИ УШАМИ»

Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловил в далеком отголоске
Что случится на моем веку.
Борис Пастернак

Справка: Когда в ЦК КПСС задумали издавать бюллетень для партийных пропагандистов — «Аргументы и факты», то его приписали к обществу «Знание», чтобы не торчали «партийные уши». И вот, после нескольких пробных номеров, в маленькой комнате в Сокольниках, где тогда располагалась редакция «АиФ», появился ее начальник — Владислав Старков.

И зачем вообще он туда пошел? Ведь вначале эти восемь маленьких полос состояли из дайджестов, перепечаток материалов из разнообразной периодики СССР — то есть, это был орган партийной пропаганды, совсем не примечательный для целеустремленного, амбициозного человека... Более того, это было закрытое издание, на него можно было подписаться только по разнарядке партийных органов. Идея закрытости заключалась в опровержении «голосов закордонных радиостанций» и в то же время в стремлении не разглашать «пасквили», которые сыпались на головы советского народа из антисоветских публикаций и радиорепортажей, дабы не потакать их диверсионной деятельности.

Кому и почему нужна была вся эта затея с бюллетенем? Ответ прост: советские идеологи считали, что «какой-то процент населения» все равно услышит эти «радиоголоса» и из душевной подлости задаст лектору каверзный вопрос на очередной политинформации. (А их обязаны были посещать все трудящиеся). Так вот, чтобы лектору не попасть в неловкое положение, он должен быть готов отбить все атаки идеологического противника. Главной задачей «АиФа» стало вооружить его до зубов этими неопровержимыми фактами. Здесь требовался человек умный, преданный и в то же время толерантный. Таким и был Владислав Старков.

Николай Зятьков, главный редактор: «Когда Владиславу предложили работу в бюллетене, он долго думал, советовался со всеми, потому что трудно было решиться променять хорошую жизнь с прекрасной зарплатой в одном из ведущих издательств, где печатались наши и зарубежные «шишки», на полную неизвестность. В итоге он рискнул, пришел, начал создавать и укреплять команду. Поскольку мы дружили, он предложил мне перейти из «Строительной газеты» к нему. Мы раньше дружили как приятели, товарищи, а теперь уже и на работе общались ежедневно по 8 и более часов, и даже выходные проводили вместе, домой приходили друг к другу».

Владимир Суичмезов, друг: «Никогда не думал я, что буду главным редактором. Ну, в крайнем случае, может быть, редактором какого-то отдела», — так говорил о себе Старков, когда речь шла о его карьере журналиста. Его постоянный, иногда непонятный интерес к новому человеку, первой попавшейся книге, ко всякой мелочи, что попадалась на глаза, давали ему тот дорогой багаж, которым не располагали многие довольно успешные его коллеги. «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...», — часто цитировал он любимую поэтессу. Этот неуемный ген любопытства заводил его постоянно, никогда не давал передышки».

Геннадий Ариевич, журналист: «Когда я появился в «Аргументах», как было ему сказано «сверху», «для усиления», приход в малоизвестный бюллетень журналиста уже вполне «оперившегося» и даже известного слушателям Всесоюзного радио, действительно, мог показаться Старкову подозрительным. Видимо, поэтому наши отношения с Владиславом Андреевичем вначале складывались не просто и однозначно. В них почти всегда присутствовал элемент некоей ревности, что ли. Вскоре, однако, все встало на свои места, подозрения отпали, мы подружились. Авторитет лидера — Старкова — никем не подвергался сомнению. И он умел и любил быть лидером. Не припомню случая, когда у него по затронутому вопросу не было бы вполне определенного, продуманного и довольно категоричного суждения».

Людмила Новикова, журналист: «Пришла устраиваться на работу и сразу познакомилась с Владиславом Андреевичем. Он оказался очень похож на одного моего знакомого, сибиряка. Я у него сразу спросила: «Вы из Сибири?». Он ответил: «Да, я родился в Томске». Это было еще на Малой Бронной. Тогда там были две квартиры — совершенно маленькие, обшарпанные. Он сидел в крохотном кабинетике. Дали мне задание, что-то про научно-технический прогресс. Я поехала в библиотеку, порылась там — и ничего, написала. Так меня и взяли на работу.

В общем-то, газета мне понравилась. Она маленькая тогда была. Естественно, иллюстраций не было. О рекламе тогда вообще никто не знал, потому что это был 1984-й год. В ней печаталось много материалов из западной прессы, то, чего не было в отечественной печати практически нигде. Внутренние материалы были явно «коммунистической пропагандой».

Николай Попадьин, сотрудник: «Мы с Владиславом утром покупали центральные и местные газеты, журналы и делали вырезки самых интересных, на наш взгляд, материалов. То есть собирали дайджест на актуальную тему. Вырабатывали контрпропагандистскую

направленность издания. Это было новое явление в журналистике, специалистов в этой области еще не существовало. Саму идею продвигали, расширяли, и искали поддержку в ЦК КПСС».

Тамара Фатеева, секретарь: «Прошло время, и Владислав Андреевич навестил свой прежний радийный коллектив, дал нам прочесть небольшой бюллетень. Запомнилось то, как необычно по тем временам были сделаны статьи (например, ноу-хау заключалось в том, что некоторые материалы начинались с конца). Владислав Андреевич предложил мне работать с ним. Я согласилась. Когда я пришла в коллектив будущего знаменитого еженедельника «АиФ», шеф представил меня коллегам как профессионала высшего класса. К удивлению коллектива, я не сразу оправдала рекомендации Владислава Андреевича, но понемногу пообвыкла, и в скором времени была назначена секретарем главного редактора. График был плотнее некуда, но все думали о деле, и никто не замечал усталости».

ЧТО МУСОЛЯТ «ВРАЖЬИ ГОЛОСА»?

Не плакалась, а пела вьюга. Чуть не
Как благовест к заутрени средь мги,
Раскатывались снеговые крутни,
И пели басом путников шаги.
Борис Пастернак

Справка: Первый номер «АиФа» — январь 1978 года — вышел тиражом всего 3000 экземпляров. При населении в СССР под 300 миллионов человек!

На первом этапе сотрудники газеты под руководством отдела пропаганды ЦК КПСС должны были определять, какие темы и проблемы из нашей счастливой жизни «мусолят» зарубежные ра-

диостанции: «Немецкая волна», «Голос Америки», «Би-би-си», вещающие на Союз. И для этого (обратите внимание на первое взрывное действие в развитии газеты!) аифовцев ОБЯЗАЛИ читать зарубежную прессу, а по ночам слушать «вражеские» голоса, формулировать вопросы (якобы от пропагандистов) и с аргументами и фактами в руках их ОПРОВЕРГАТЬ!

Радиоголоса не щадили советский политический строй и по ночам, когда заглушка хуже действовала, рубили всю правду-матку. Прильнувший к приемникам электорат сравнивал имеющуюся у него информацию об окружающей жизни с той, которую выдавал радиоголос, и у него возникали многочисленные и весьма нежелательные для властей вопросы: «Где наше золото?», «Почему партия не отвечает за свои ошибки?», «Сколько парней полегло в Афганистане?», «Почему в магазинах пусто, если мы так лихо выполняем свои пятилетки?», «Зачем мы так активно своими ресурсами поддерживаем другие страны?», «Сколько они нам должны и отдадут ли свои долги?»... Вопросов было не счесть! А с ответами приходилось туго.

Геннадий Ариевич, журналист: «Главный принцип, заложенный Старковым в фундамент всей деятельности еженедельника, это то, что каждый материал должен быть в форме доверительной беседы с читателем. А это достигается в основном наличием заинтересованности читателя, выраженной в его вопросе. Поскольку на самые серьезные вопросы у нас еще не было ответов, то приходилось самим придумывать вопросы попроще и подписывать их именами своих знакомых... Постепенно вопросы становились все острее и интереснее. А потом уже редакцию завалил мощный поток таких писем, которых никак не выдумать.

И еще. Желание увидеть свою фамилию в известном на всю страну издании, да еще под каким-нибудь хитрым и заковыристым вопросом, для многих оказалось привлекательным стимулом. Эта-то постоянная двусторонняя связь, главным образом, думаю, и обеспечила «АиФ» его сумасшедшую популярность.

Ну, представьте себе (беру конкретный пример из практики). Вопрос из письма: «Почему из магазинов пропал сахар? С. Пупкин, г. Воронеж». Ответ (не дословно, но по существу): «А кто его знает... Наш корреспондент обратился с этим вопросом в министерство торговли. Большой чиновник сказал нам: «Не лезьте с глупостями. Других комментариев от нас не будет». Вот так. Никакого ответа по сути, а попытка защитить интересы людей и намекнуть на виновников — налицо... Шутка, конечно, но принцип работает безотказно».

Ирина Солганик, журналист: «Старков, сей дирижер, вдохновитель и ваятель, восседал в небольшом кабинете за прибранным столом со стопками многочисленных ежедневно пролистываемых газет, из которых не выбивался ни один неаккуратный листик; чертил генеральную линию.

Редакцию озадачивала почта. «Какова численность КГБ?», — спрашивал из Мурманска пенсионер Крылов; «Что означает атомная энергетика для народного хозяйства Венгрии?», — тревожился в Брянске ветеран Черноусов; «Не могут ли капстраны собственными подрывными лекарственными препаратами покосить поголовно все социалистическое население?», — интересовался Усонов из Смоленска... (Кандидаты медицинских наук Крышкин и Покрышкин отвечали, что вопрос вполне обоснованный и что советский Фармакологический комитет в данном случае им противостоит и все обеззараживает).

Наталья Желнорова, журналист: «Мой бывший коллега Николай Иванович Зятьков предложил мне сделать какой-нибудь материал для его газеты «Аргументы и факты»: очень нужны высказывания, мнения секретарей райкомов, обкомов партии. (Эти материалы сразу подняли бы газету на другой уровень развития).

Позвонила в Куйбышевский райком партии, попросила об интервью с первым секретарем. (Шел 1985 год). Вскоре состоялась наша встреча. Я спросила его об ответственности партийных деяте-

лей за все их решения (несут ли они их); о назначении их на высокие посты (не по номенклатуре), а за реальные заслуги; о зарплате партсекретарей; о привилегиях. Секретарь удивлялся этим неожиданным, «не принятым» в то время вопросам, даже порой терялся, но все-таки отвечал. Старков прочел текст и спросил Николая Ивановича, где он нашел такого смелого журналиста. В то время подобного рода интервью не было в советской прессе. Вроде все просто: беседуют на равных два человека, и как будто нет никакой дистанции между ними. Один — простой смертный, другой — из партийной верхушки. Но все понимают, что дистанция-то есть! Куда же она подевалась?

При встрече Старков много и живо расспрашивал меня о жизни. Потом о его газете: нравится ли? Какие вижу недостатки? На этот вопрос я ответила, что их газета представляет наших людей намного глупее, чем они есть на самом деле. Старкову это замечание, как мне показалось, понравилось, и он продолжал допытываться: «Как вы осмелились задавать такие вопросы партсекретарю? Ничего внутри не дрожало?» — «Не дрожало, — ответила ему. — Если собеседник думающий — значит, он находка, тогда он прост, доступен, а если «чурбан», чего его бояться?» Так я оказалась в команде Старкова».

Дмитрий Макаров, журналист: «В первый раз я встретился со Старковым в 1986-м году. Меня привел в редакцию Александр Мещерский. То, что я там увидел, для меня было просто потрясением. Главный редактор сидел в комнате три на четыре, а где я буду сидеть, мне трудно было даже представить. Но Старков сказал: «Это все решим». И я понял, что он сделает. Он сразу производил впечатление надежного и решительного человека, которому можно верить. В 1987-м году я пришел в газету, как мы и договорились. Поскольку я сам по профессии востоковед, то Владислав Андреевич наставлял меня в журналистике, он говорил, что писать нужно объективно, а самого журналиста должно быть мало в материале».

РАСПРАВЛЯЙ ПАРУСА, «АиФ!»

Жить и сгорать у нас в обычае,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к свету и величию
Своею жертвой путь прочертишь.
Борис Пастернак

Справка: В ЦК и не подозревали, что красивый, молодой парень сделает из невзрачного бюллетеня грозное оружие против самих консервативных идеологов. Тогда, в начале 80-х, они сидели на Старой площади и молча наблюдали, как страна погружается в застой и старческий маразм. Читатели, как глоток свежего воздуха, ловили любое слово правды.

Для того, чтобы тысячи лекторов не несли «отсебятину», было решено давать им «домашние заготовки». Как секретное оружие против массового любопытства. Дело было политически тонкое и небезопасное. Однако, вместо того, чтобы умело заткнуть это назойливое любопытство народа о своей жизни, получилось наоборот. Сотрудники приникли к ночному трескучему вещанию и услышали такое, что самим захотелось разобраться: почему мы так плохо живем, если нам говорят, что живем мы очень хорошо, даже лучше других? Куда, так сказать, девается «маржа» между тем, что вещают с высоких трибун, и тем, что мы видим и ощущаем вокруг себя?

Людмила Новикова, журналист: «Наш главный собирал свою команду по личному принципу. Кто ему нравился — того он брал. А вот — как и почему ему кто-то нравился, я не знаю.

Я, например, хорошо помню, он просил меня ходить на факультет журналистики и приводить оттуда ребят на практику. Еще он любил профессионалов из других сфер жизни. Романенко, например,

врачом был, к журналистике никакого отношения не имел, писать не умел. Старков и его учил».

Николай Солдатенков, журналист: «Я пришел в «АиФ» — еще маленькую газетку — в июне 1986 года. Сюда меня привел сотрудник газеты Николай Попадьин, привел как журналиста, пишущего на молодежные темы. Старков поговорил со мною, почитал мои статьи и сказал: «Готовь документы, начинай работать». Конечно, он производил огромное впечатление своим желанием получше узнать человека. Выспрашивал об интересах, о семье, о родителях. (Потом он все это умело использовал и как рычаг давления на человека, и как информацию против него). И этим сразу же располагал к себе. Мои материалы он правил, переписывал поначалу нещадно. Кстати, мог и надиктовать всю схему будущей статьи. Он чувствовал, что надо, что интересно народу».

Тамара Фатеева, секретарь: «Конечно, Владислав Андреевич, выкладывался на работе больше всех остальных. Он вникал во все детали выпуска каждого номера и руководил общим процессом. У него была уйма энергии, он обладал потрясающими способностями, феноменальной памятью и всеми качествами, какие должны присутствовать в характере лидера. Он говорил, что не бывает мелочей, что даже свидание с девушкой — это целый проект, к осуществлению которого нужно подготовиться тщательнейшим образом. Благодаря логике и интуиции шеф с точностью подбирал кадры на всех уровнях».

Авангард Леонтьев, актер: «Наша дружба продолжалась. Мы стали видеться все чаще. Иногда я даже заходил к Владику на работу, на Малую Бронную, где он уже был главным редактором «Аргументов и фактов». Я помню, как Владик принимал людей, приходящих наниматься на работу. Иногда он разрешал мне оставаться в кабинете. Наши отношения были настолько доверительными, что я давал ему рекомендации: этого человека надо взять, а этого не надо,

с моей точки зрения. «А на чем ты основываешься?» — спрашивал он меня. «Я основываюсь только на своей интуиции, — отвечал я. — Для меня в этом смысле важно лицо. Я расшифровщик лиц. И обращаю внимание на то, как человек себя ведет. Мне кажется, что могу таким образом составить характеристику внутренней сути этого человека». Владик тогда очень удивился. Не знаю, по-моему, он меня в том случае «ослушался» и к моим рекомендациям всерьез не отнесся.

Однажды он мне сказал: «Ты помнишь, у меня была одна дама, пришла наниматься на работу, и ты был в кабинете и не рекомендовал с ней связываться. А я все-таки взял ее в редакцию, и она испортила мне «всю малину». Какие интриги плела, Боже мой! Я не раз тебя вспоминал».

Так что Владик, опасаясь ошибиться, старался брать на работу своих друзей, или тех, кого он хорошо знал. Такой способ подбора кадров не нов, и он достаточно надежный. Потом Владик сам учил их тому делу, которым они все вместе занимались. В этом смысле он был, на мой взгляд, и талантливым менеджером, и учителем, и наставником».

ПРИЛЬНЕМ К ТЕПЛОЙ ГРУДИ НАРОДА

И русская судьба безбрежней,
Чем может грезиться во сне,
И вечно остается прежней
При небывалой новизне.
Борис Пастернак

Справка: Коллектив «АиФ», выпускавший многотиражную газету в коммунальной квартире на Малой Бронной, встретил новую эпоху — Горбачева, гласность, перестройку — с радостью, но и по-деловому. Владислав Старков знал, что любая политическая оттепель в СССР кончается если не плахой, то тюрьмой. Поэтому в каждом новом номере спешил раскрыть... «запретные» темы!

И если первые номера «Аифа» были наполнены официальной «баландой», то по мере насыщения коллектива эксклюзивной информацией стали появляться все более честные материалы. И с каждым номером газета раздвигала границы этой честности. Вот тут-то и началась охота. Дееспособные люди искали «АиФ», чтобы глотнуть уже не заморской, а своей свежей правды. Было желание своими глазами увидеть, что это написано по-русски и — главное — В СОВЕТСКОЙ ГАЗЕТЕ! «Что это значит? Что «уже можно»? Но «кто разрешил и насколько?» Что им «за это» будет? Или кто-то «заказал» советский строй? Но кто? А что будет «потом»? Что будет «потом» — этого не знал никто.

Все здесь жили надеждой, верой, что пройдет небольшое время, и худшее останется позади. А впереди будет только правда и справедливость... Только они и могли вывести многочисленный народ к счастливому будущему. И нам, журналистам, казалось, что мы в этом жизненном спектакле — не пешки, не безмолвные рабы, а действительно кузнецы своей судьбы и судьбы народа.

Геннадий Ариевич, журналист: «У Старкова было определенное представление о том, что он хочет от того или иного материала, от освещения той или иной темы. Он делал замечания содержательного плана, которые зачастую выворачивали статью наизнанку или перекраивали ее до неузнаваемости. С первого взгляда рекомендации его казались невыполнимыми. Однажды после такого рода передела заметок по какому-то деликатному поводу, в которых нужно было четко и внятно, но никак не в лоб выразить наше несогласие с общепринятым, Старков, прочитав мой окончательный вариант материала, удовлетворенно, но с некоторым удивлением сказал: «Вот теперь я верю, что мы можем высказать все, что захотим». Эти слова прозвучали как похвала, на которую наш Главный был довольно скуп.

Мне особенно мило, когда «Аргументы» называют «АиФ». Это сокращение введено мною, когда я употребил его в одной из своих статей. Старкову это название вначале не понравилось, но он не стал

возражать, и с его молчаливого согласия оно привилось и ныне употребляется повсеместно».

Юлия Кузнецова, жена: «На заре своей журналистской карьеры Старков познакомился с опытным журналистом, крупным руководителем в области СМИ Виталием Игнатенко. Старков относился к нему с большим уважением и даже считал его своим наставником. Со временем Старков и Игнатенко стали большими друзьями. Кроме него, большим авторитетом для Старкова был Егор Яковлев — главный редактор «Московских новостей» и «Общей газеты».

Старков старался набирать в редакцию людей с техническим или с каким-то другим образованием — строительство и журфак, медицина и журфак, педагогика и журфак — чтобы у редакционных сотрудников был более широкий кругозор. Он доверял себе и поэтому ненавидел два понятия: «так не положено» и «солидный».

Создать команду и поставить цель по существу — это ему, конечно же, удавалось. Он и меня пытался приобщить к своему делу. Принесет кучу материалов, мол, отредактируй, ты же все равно читаешь. Дома работать он любил, лежа на диване или на кровати. Он сам мало писал, больше редактировал, как любой главный редактор. Не было у него потребности писать. Но когда писал, читать было интересно. Часто говорил, что надо больше читать русскую литературу: «Если у тебя бедный язык, читай Чехова».

Наталья Желнорова, журналист: «Когда я пришла в редакцию, была удивлена, что там только два телефона. Один — у руководства, второй — на всех. Как добывать «горящую информацию», если нет связи? Написала письмо министру связи с просьбой выделить дополнительные номера. Нам ответили, что рыть землю через дорогу для прокладки кабеля нет никакой возможности. Может быть, когда-нибудь в будущем...

Тогда мне посчастливилось найти частный кооператив. Он брался за эту работу при наличии у нас всех необходимых материалов.

Я записалась на прием к важному начальнику: «У нас большая новая газета. А в редакции всего два телефона. Нужен кабель», — объясняю ему цель своего визита. «Это лимитный материал, отпускаем по разнарядке», — отнекивается он.

Стала его уговаривать. Длилось это долго. Сломался, сказал, что, так и быть, дает. «Но к нему нам еще необходимы такие-то детали», — называю их. «Да вы меня раздеваете! Мы сами их по полгода ждем!» — возмущается начальник. Но я настойчиво упросила выписать и их. «И последнее. Дайте, пожалуйста, транспорт, чтобы все это довезти до редакции». — «Кем вы там работаете? Корреспондентом? Идите лучше ко мне! Мы для вас все условия создадим!»

Удивившись, что я добилась невозможного, кооператоры быстро сделали телефонную линию, не нарушив при этом дорожного полотна, и тоже принялись меня звать к себе на работу. А через три месяца мы получили письмо из Минсвязи — они написали, что на коллегии министерства рассмотрели нашу просьбу и ее учтут при реконструкции сетей в предстоящие пять лет. «Спасибо, но ничего не учитывайте, у нас уже стоят телефоны». «Этого не может быть!» — не поверили мне.

Я привожу этот пример для того, чтобы подчеркнуть: удавалось нам это только потому, что газета уже прорывалась к людям и завоевала себе авторитет!»

Людмила Новикова, журналист**:** «Сначала небольшой был тираж. А потом наступила перестройка, и тиражи у нас рванули в геометрической прогрессии. Но тогда уже и газета стала другой. Мы первыми напечатали какую-то цифру о потерях во время коллективизации. И бедный Старков тогда в ЦК ходил, оправдывался. В результате нас заставили все важные материалы показывать кураторам в ЦК. Потом Ира Солганик сделала интервью с академиком Самсоновым о том, что Сталин не был толковым полководцем. Такой потом мы пережили кошмар, ветераны чуть ли не митинги проводили в защиту Сталина».

ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ – КУЛЬТУРА!

Тогда ночной фиалкой пахнет все:
Лета и лица. Мысли. Каждый случай,
Который в прошлом может быть спасен
И в будущем из рук судьбы получен.
Борис Пастернак

Справка: Сотрудникам было удивительно, что взрослый, солидный человек, главный редактор немаленького уже издания желал послушать, узнать творчество полуподпольных музыкантов. Он не мог понять, как люди, живущие в Москве, не используют те возможности, которые предоставляет им столичная культура.

Вся прежняя служба была прелюдией к главному делу его жизни. Он вступает на этот путь, мало представляя себе, каким он сам окажется редактором, и какое дело вырастет в его руках. Как, чем он будет его взращивать? Где будет находить источники вдохновения и чем питать эти могучие корни? Впрочем, кое-что для него было ясно: одним из источников будет искусство.

Ирина Крейнгель, подруга жены: «Отправляясь на завоевание столицы, молодые люди ставят разные цели: карьера, деньги, слава, власть. Владислав приехал в Москву, и его главной целью было получить возможность доступа ко всем инструментам, образующим культурную жизнь столицы: театрам, концертам, фестивалям, конкурсам, просмотрам, выставкам. «Как могут люди жить в Москве и нигде не бывать? Как можно называть их москвичами?» — удивлялся он.

Однажды, где-то в первой половине 70-х, в Москву на гастроли приехал молодой французский певец Максим Форестье. Билеты на концерт достать было невозможно. Благодаря папиным связям (он долгие годы был директором Дома Кино), это препятствие легко

преодолели и вчетвером — Старков, Юля, Марина и я — направились в театр «Эстрады» на первый же концерт.

Входим в зал, занимаем прекрасные места — в центре и недалеко от сцены. Дают звонки, зал быстро заполняется, и в этот момент пара, молодой человек и девушка, пробегают между сценой и первым рядом, и занимают места перед нами. С изумлением понимаем, что молодая женщина в черном свитерочке и черных брюках рядом с пареньком — сама Катрин Денев, о приезде которой нигде ни единым словом не было упомянуто. «Так, девочки, — сказал Владислав, — здесь мы свое удовольствие уже получили».

Анатолий Мамцис, друг: «Я работал в институте Академии наук и отвечал за культурную программу, организовывал концерты, на которые приглашал новых друзей со Старковым во главе. Как-то я всех затащил к греку Костакесу, у него была коллекция Русского авангарда. Он показал нам работы Родченко, где были изображены руководители Российского государства, включая Троцкого, Каменева. Все они были на групповом портрете, и только доверенным лицам он показывал эту картину. Были у него произведения и Шагала, и Кандинского. Сейчас эта коллекция является основой «авангардных залов» Третьяковской галереи. Когда мы познакомились с Костакесом, мы поняли, что существует и другое искусство кроме Шишкина и Айвазовского.

Кстати об Айвазовском. Мы как-то отдыхали в Крыму все вместе и специально поехали из Ялты в Феодосию, чтобы посетить музей Айвазовского. Идем по всем этим залам, картины все одинаковые, доходим до конца экспозиции, а там стоит группа посетителей, и экскурсовод с большим пафосом рассказывает: «Эта последняя картина Айвазовского, вот здесь он поставил последний штрих, и кисть выпала у него из рук, он скончался». Непроизвольно наша компания стала недоверчиво посмеиваться над словами экскурсовода, так как все мы были поклонниками современного искусства, и живопись Айвазовского нам активно не нравилась.

Тогда никто и предположить не мог, что будущий внук Владислава окажется... потомком этого великого художника! И вдобавок будет носить имя, как главный солженицынский герой — Иван Денисович!».

Галина Волчек, актриса, режиссер театра: «Мы не могли часто видеться, потому что жили интенсивно, но я знала, что у него есть я, а у меня есть он. А он во всем был неравнодушный человек, абсолютно во всем. В том, как он способен был принимать искусство или свою собственную жизнь, или газету, и как он мог относиться к друзьям — невероятно трепетно, как он всегда был заинтересованным. Я помню, как много раз, причем достаточно дипломатично, он давал мне полезные советы, зная все мои перипетии с артистами — мы были очень откровенны друг с другом в наших рабочих делах.

Я его видела в разных обстоятельствах. Видела в Кремле на приеме не один раз. И знаю, как там некоторые люди себя некрасиво вели. А Старков никогда не терял своего чувства достоинства. В нем не было снобизма. Не было в нем новорусской алчности. Вообще его фантазию будила красота, творчество. Он был помешан на музыке. Он так красиво комментировал оперные постановки!»

Авангард Леонтьев, актер: «И еще я помню, что Старков гораздо трезвее, реалистичнее рассуждал обо мне, чем я сам. Например, раскрывал мне мою сущность! Себя я анализировал плохо, он — гораздо лучше. И потому я вольно или невольно этим его рентгеновским взглядом пользовался. При этом я на него не обижался, потому что, во-первых, чувствовал его аналитический дар, и, во-вторых, он умел дружить. И был другом не только, когда всем хорошо, когда это легко и приятно. Он умел быть им в трудную критическую минуту и никогда не отказывал в помощи. Его даже не очень надо было о чем-то просить, он как-то чувствовал, что надо помочь, и сам проявлял инициативу. А такое в жизни бывает редко.

Он мог помочь радикально. Умел это и любил. Например, у них завязалась дружба с Галиной Волчек. Владик очень помог театру. Без финансовой помощи «Аргументов и фактов», которую организовал Старков для «Современника», не состоялась бы наша поездка в Америку. Это была полуторамесячная поездка на Игры доброй воли в Сиэтл в 1990 году. «АиФ» тогда приобрел авиабилеты для нашего коллектива. Галина Борисовна была очень признательна ему за это».

Николай Солдатенков, журналист: Помню, как мы с ним пешком шли в Манеж слушать Бориса Гребенщикова. Также вместе мы ходили и на «Наутилиуса». Наши оценки творчества музыкантов чаще всего совпадали — иначе он и не доверил бы мне вести музыкальный раздел газеты. Я часто доставал ему кассеты (ужаснейшего качества) с новыми группами, и дома он «изучал» их творчество.

Мы были вместе в Лондоне. Там он безо всякой помпы пригласил меня в свой номер, а потом мы пошли в ресторан, где он познакомился с моими друзьями. Весь вечер он был заводилой, можно сказать, «зажигал» наше застолье. Потом мои ребята говорили, какой «клевый» у нас редактор. Они даже и не почувствовали большой разницы в возрасте».

ОБ ЭТОМ НАПИШЕТ ТОЛЬКО «АиФ»

Понять невозможно на этой планете —
К чему все затеяно, ради чего?
И нет никого, кто бы внятно ответил:
Как все появилось из ничего?

В.С.

Справка: В те времена подписка на «АиФ» была закрытой, только через парторганизации, но газету «по блату» лекторы давали почитать и простым смертным. Те передавали из рук в руки. Люди жадно

читали новое издание. Новаторским в ней было все: от модульной верстки до краткого изложения сути проблемы.

Какое-то время Старков даже не ставил свою фамилию в выходных данных газеты, как было принято в других изданиях. Главное — содержание и информация, а не те, кто делает газету. Безошибочная интуиция, воля к успеху подсказали единственно правильный путь, состоявший в объединении интересов газеты с интересами читателей.

Главный редактор интуитивно чувствовал, куда идти и почему туда надо идти. Постепенно бюллетень стал насыщаться собственной «эксклюзивной» информацией. Это «оправдывалось» такой необходимостью: вопросы от «лекторов» все усложнялись, углублялись, а готовых ответов на них не находилось. Груды материалов пришлось перерабатывать самим «научным редакторам» бюллетеня в поисках правдивых ответов. Специалисты, аналитики, информаторы, способные что-то логичное сказать от себя, не нарушая идеологических рамок, были в активе редакции на вес золота.

Коллектив в тот период был малочисленным. И каждая минута времени была посвящена одному — как сделать газету лучше. На редакцию обрушилась лавина читательского интереса, ее буквально завалили почтой, содержащей вопросы: «Как? Почему? Кто виноват? Когда это произошло? Каким образом будем выкручиваться?» Казалось, что все, накопленное в народной душе за десятилетия вынужденного молчания «в тряпочку», разом, как перезревший гнойник, разорвалось и хлынуло в наше издание. Конечно, не только в наше.

Наталья Желнорова, журналист: «До позднего вечера работала редакция, чтобы раз в неделю выдать своим читателям новый откровенный материал! Как горняки, мы добывали его с огромным трудом и находчивостью. Читатели интересовались статистикой из разных областей жизни, и, помню, как Госкомстат ни за что не давал мне данные о трудоспособном населении страны. Они считались закрытыми.

Другие специалисты подсказывали, как найти ту или иную цифру. Могли даже и назвать ее, но без указания источника. Это была пытка, так как проверяющими всю информацию у нас были спецы из КГБ. На каждую цифру они требовали официальный источник. Без этого не давали свое «добро» на печать. И все-таки мы сообщали людям то, что никому до нас не удавалось напечатать в советской прессе!

У нас нередко складывалось впечатление, что наши читатели полагают: газета знает все. И что делается за рубежом, и что в Кремле, и что у них на кухне. Такой пример: я написала заметку об объемах производства нефти, ее стоимости и перспективах. Вскоре получаю письмо, в котором меня просят рассказать подробнее, как будут развиваться новые месторождения нефти. На первый взгляд — рядовое письмо, такие я получала по две-три сотни в день! Но... подпись меня просто «убила». Вопрос задал начальник отдела нефтепродуктов Госплана СССР! Ну и ну! К кому бы я стала обращаться в поисках ответа на этот вопрос? Разумеется, и к нему же в том числе. Но авторитет газеты даже тогда был так велик, что читателям казалось — мы все ответы заранее знаем и, как факиры, достаем их из рукава!»

Николай Зятьков, главный редактор: «Мы позиционировали себя как народное издание, это был наш конек. Помните очерки о доярках, металлургах, комбайнерах? Ничего не имею против этих людей, я сам работал на стройке, потом в заводской газете и поражался мастерству многих передовиков труда — это действительно были уникальные люди. Но тогда восхвалялись единицы, и это не всем было интересно. А мы старались учесть запросы миллионов. Мы работали (и сейчас работаем) для них, чтобы они получили ответы на свои вопросы, информацию о том, что интересует, волнует, тревожит. Как ни странно, журналистика долго не могла прийти к этому».

Лидия Ершова (Скрябина), журналист: «У Владислава Андреевича было потрясающее чутье на успех. Я уверена, что он преуспел

бы в любое время и в любой области. Он не знал, а именно нутром чувствовал стратегию успеха. В журналистике его интуиция тоже оказалась безупречной. Каким-то невероятным образом он всегда чуял, что будет для читателей интересным через неделю, две недели, месяц. Иногда я думала, что у него есть какой-то хрустальный шар незначительного, дней на тридцать, радиуса действия, в который он рассматривал будущее.

Сколько раз вызывал он меня и говорил: «Подготовь-ка подборку про коров (или про что-нибудь такое же скучное и прозаическое). Сколько у нас в стране коров сейчас, сколько было, каких пород, чем они болеют, как доятся». Я, чертыхаясь про себя, уходила готовить нуднейшую подборку про коров, недоумевая, какая вожжа на этот раз попала под шефский хвост.

А потом, через несколько дней, вдруг, вбегал весь взмыленный выпускающий и рвал у меня из рук «коровий шедевр». Оказывается, вчера были зафиксированы первые признаки эпидемии коровьего бешенства в Европе и США. В других газетах еще только раскачивались, а у нас в номере уже целый модуль про разнообразных коров красуется. Прямым текстом о бешенстве там сказано не было, но все проглатывали от корки до корки, зачитывали до дыр, ведь на протяжении нескольких дней про коров всем все было интересно».

Светлана Егорова, журналист: «Однажды прихожу на работу и вижу, что на моем месте сидит человек в штатском с явно военной выправкой. Представляется, что вот я такой-то генерал. Я надеялась, что он уступит мне мое место, но человек сидит плотно, открывает все мои ящики и спокойно вынимает бумаги на стол. Я спрашиваю: «Что вы здесь делаете?» Отвечает, что он следователь по особо важным делам, против редакции возбуждено дело, вот предписание о выемке документов из вашего стола.

В чем же было дело? Мы придумали такую рубрику: читатели «за» и «против». В те годы мы первыми стали печатать мнения, отли-

чавшиеся от общепринятых публикаций. Одно письмо по какой-то проблеме было жесткое, резко критическое по отношению к властям, а второе — уже помягче. Так вот, первое письмо было о Горбачеве, причем там была не такая уж страшная критика. Читатель писал, что ему не нравятся его заграничные поездки, обнимания, сюсюкания с чужими президентами, и он выражал опасение, а не распродаст ли Горбачев в результате всю нашу страну?

Редакцию заподозрили в том, что мы сами написали этот материал, и никакого письма не было. На мое счастье, нашлось это злополучное письмо, это был действительно оригинал с конвертом, со штемпелем, где моей рукой была внесена минимальная правка. В тот момент, когда происходила эта выемка, я вышла из кабинета, чтобы найти кого-нибудь из начальства, но никого не оказалось в редакции. Все дипломатично «слиняли».

Николай Солдатенков, журналист: «Я думаю, что весь первый период нашей жизни он искренне хотел создать популярную, нужную людям газету, хотел проявить себя, весь тот дар, который в нем был и который он накапливал в себе. Из любой информации — от нас, от соседей, от людей в своем окружении — он черпал то, что потом находило место в газете. Он ведь не в Кремле сидел, не из автомобиля на этот мир смотрел. Он жил так, как жили миллионы советских людей.

Бесспорно, он был амбициозен. Но без этого не добьешься успеха. Он умел выбрать нужных людей и собрал преданную ему команду. Он приглашал к себе порой даже экстравагантных людей и вел с ними нестандартные беседы. Часто музыканты удивлялись, почему он спрашивает их не о музыке, а о... войне. Но потом и они входили во вкус и раскрывались. И оказывались гораздо интереснее, чем если бы рассказывали только о своих дисках, клипах и т. д. Нестандартность его отношения к людям, к ситуациям, к нам, журналистам, приносила большие плоды. И пока все это было, пока он не заматерел — с ним было очень интересно».

АВАНТЮРНЫЙ ДУХ СКРАШИВАЛ НАШИ БУДНИ

На яркий свет любви, таланта
Летят как будто мотыльки —
Людишки, недруги, атланты —
Поди-ка всех их разбери…
В.С.

Справка: Молодой редактор Старков попал в профессию без жесткой идеологической обработки. Может, еще и поэтому он был смелее многих своих коллег из партийных изданий. Через «АиФ» в массы пошла информация от известных ученых, специалистов, которым было стыдно публично врать. А Старков умел так усыпить бдительность цензоров, что и сам не был сослан «за Можай», и стиль своего издания сохранил.

Главный редактор был врожденным лидером. Он влюблял в себя с первой же встречи. Для него не существовало предпочтений ни в расах, ни в вероисповедании, ни в возрасте, ни в профессии. Талантливый человек ему был интересен всегда. Он сам «питался» яркими людьми. «Знаешь, я многому у тебя учусь», — часто говорил он разным людям.

Плечом к плечу с нами отбивались от читательских атак, или провоцировали их, потрясающе интересные «Огонек» и «Московские новости». У нас даже началось негласное соревнование: кто больше откроет темных пятен, кто найдет более интересных героев современности. Мы жили этим. И мы были счастливы! Разве можно было в этих условиях лениться, зазнаваться?! В первый «пул» сотрудников вошли: ***Людмила Новикова, Александр Мещерский, Наталья и Владимир Волковы, Николай Шумейкин, Александр Сирота, Елена Кузнецова, Марина Штынина, Антонина Аполлонова, Станислав Петров, Виталий Казачок, Виктор Войтенко…***

Наталья Желнорова, журналист: «...Увидев, что мне удаются хозяйственные дела, и я разбираюсь в пружинах производственных процессов, шеф назначил меня редактором экономического отдела. Я взялась за дело. Как должна жить страна? По какому пути идти? Что такое рынок? Нужен ли он нам?

Никто не знает ответов. Почему же я страдаю? Я тоже должна их искать — и найти! У кого? — У ученых. Так я вышла на академическую тропу, предварительно выяснив, кто из них самый толковый и авторитетный. Был назван корифей Леонид Иванович Абалкин — честный, умный, глубокий. Договорились с ним о встрече, я составила список вопросов.

Шеф поинтересовался, о чем мы с академиком будем говорить. Я выложила ему свои вопросы — всем списком сразу. Он долго читал, а потом с ужасом посмотрел на меня: «Разве можно прямо — так с ходу — спрашивать, какими — экономическими либо политическими — причинами вызвана перестройка?» (Это сейчас не только не страшно, а, может быть, даже смешно. А тогда...Тогда одно сомнение в том, что наши беды могут быть связаны с «незыблимыми» политическими, идеологическими устоями, автоматически считалось покушением на строй.)

Прочитав и остальные мои вопросы, шеф совсем расстроился. И раскрыл причины этого: либо ученый побоится отвечать мне, либо «накапает» на нас в ЦК.

Пообещав по дороге заменить свои вопросы на более дипломатичные, я уехала. В кабинете Абалкина включила свой диктофон «Панасоник» и, посмотрев в глаза ученому, мужественно задала все тот же свой первый вопрос. Леонид Иванович снял очки, закурил... Он долго молчал, внимательно изучал меня: не провокатор ли я? Что уж там увидел — не знаю, но спросил: «Не боитесь задавать такие вопросы?». «Вам — не боюсь», — отвечаю я. «Почему именно мне?» — насторожился академик. «Вы — умный и все понимаете. Разве вопрос неправильный?» — простодушно удивляюсь я. «А вы не забоитесь напечатать мой ответ?» — интересуется Абалкин. «Не забоимся», —

твердо уверила я. — «Вы, я вижу, смелая. А главный редактор?» — допытывается в поиске подвоха академик. «Он — тем более. Не побоится. Он уверен, что вы знаете все честные ответы», — соврала я искренним голосом. «Что ж, тогда давайте попробуем найти их».

И мы двинулись по этой нелегкой дороге. Разговор вышел очень откровенный. Власти досталось по полной катушке. Часа через три, когда я ехала домой, чувствовала — вся спина мокрая, а сердце бешено колотится. Словно я копала землю, а не просто слушала человека. Но устала так сильно, потому что гипнотизировала его — не бойся, говори все, как есть, родной мой!

Взяла кассету, как драгоценную вещь, и не знала, куда ее положить, чтобы она не пропала, не испарилась. Кормила детей, расспрашивала их о прожитом дне, разговаривала с мужем, а сама думала: сейчас все сделаю — и за стол. Поздним вечером достала кассету (с ужасом — а все ли записалось?), нажала на кнопки.

Голос Абалкина снова поплыл. Я быстро записывала его на бумагу, торопилась, словно запись с кассеты может растаять... Когда я вдумывалась в то, что он говорил, чувствовала — мне нужен воздух, чтобы лучше осознать все услышанное. Я прерывалась, чтоб отдышаться, и вновь начинала писать. В маленькой квартирке на краю Москвы, где в соседней комнате уже сопят и видят сладкие сны мои детки, рождается на бумаге большое откровение. Но пока об этом знаем только мы вдвоем — Абалкин и я.

Утром в машбюро быстро перепечатали мои листки, и я их — шефу на стол. Он читал, читал и, казалось, не верил своим глазам: «Это правда? Он сам все говорил?» «Правда, конечно!» — подтверждала я. «И он не боялся?» — шеф искал подвох. «А чего ему бояться? Конечно, нет!» — снова закрываю амбразуру я. «Он завизирует этот материал?» — все еще не верит мне шеф. «Я съезжу к нему, попрошу», — успокаиваю я. «Пусть подпишет каждую страницу. Тогда поверю», — находит выход Старков. (У нас никогда такого не было, чтобы визировали каждую страницу). «Ладно», — внешне спокойно соглашаюсь я.

Приезжаю к Абалкину. Внимательно, словно это не его текст, читает, правит кое-где... «Ваш главный не боится это напечатать?» — испытующе глядя на меня, спрашивает он. «Да что вы! Конечно, нет! Времена изменились, сейчас уже можно», — усыпляю я его бдительность. «Ну, смотрите», — с сомнением, но все же он подписал каждый лист. В редакции шеф смотрел каждый лист на просвет: случаем не подделала ли я где подпись академика, настолько не верилось ему, что тот согласен на такую, почти роковую откровенность...

...Номер с этим материалом читатели искали во всех киосках и раскупили его в один миг. Иностранные агентства цитировали куски из нашего интервью. Абалкин сделал много откровений, в том числе (ныне очевидное, а тогда просто возмутительное заявление), что перестройка займет не менее четверти века. И это в то время, когда шли споры экономистов о «500 днях»! Зарубежные журналисты звонили, уточняя подробности. А утром приехали из Политбюро и забрали все номера, которые оказались в редакции... (В течение недели более 100 изданий мира дали отрывки абалкинских откровений).

Я вот думаю, разве посмел бы исполнительный, честный, добросовестный человек так «чистосердечно» врать и академику, и своему шефу? По существу, каждый из них старался свою меру ответственности переложить на другого. Я им в этом помогла, «спровоцировав атмосферу общей смелости». Результат получился отличный, но прием мой — явно авантюрный».

Дмитрий Макаров, журналист: «А я вспоминаю такой случай. Владислав Андреевич, в принципе, и не очень любил, и не знал, как общаться с иностранцами. Как-то раз Старков говорит, что к нему должны прийти человек 20 американских редакторов. А что с ними делать, мол, не знаю. У него паника. Но я его успокоил, сказав, что все устрою. Не буду говорить, как, но сделаю красиво.

Звоню известному в то время политику Сергею Станкевичу, который баллотировался в народные депутаты по моему округу и про-

шу его прийти ко мне тогда-то и во столько-то. У Старкова кабинет небольшой. А тут кроме нас еще 20 человек! Я беру Станкевича под руку, открываю дверь кабинета и говорю по-английски: «Господа, позвольте вам представить члена нашего парламента, американиста», — и называю тему его диссертации (она как раз касалась проблем США). Для них это был шок. Тем более, и вид у него был для тех времен ошеломляющий — серо-голубой костюм с красным галстуком. И прекрасное английское произношение. Он занимал эту толпу — лучше некуда! Старков радовался, благодарил меня».

Игорь Моржаретто, журналист: «Когда я захотел попасть на работу в «АиФ» (в самом начале 89-го), это уже была самая популярная в СССР газета, и для приема на работу недостаточно было рекомендации друзей: нужно было принести материал, и не простой, а как минимум — эпохальный. Жена моего товарища подала идею — попытаться договориться об интервью с 1-ым секретарем компартии Литвы Альгирдасом Бразаускасом.

Как раз тогда он впервые заявил о возможном отделении его партии от могучей КПСС. За что был страшно «бит» на Старой площади и заклеймен во всех центральных газетах. Я же предложил ему всесоюзную площадку, где можно высказать свою точку зрения; а газете — интервью с политиком, имя которого на слуху у всех... «Добро» тут же дали, к моей радости, обе стороны. Бразаускас назначил встречу в Вильнюсе в здании ЦК, в ближайшую субботу утром.

Только, как выяснилось, в эту самую ближайшую субботу в Литве праздновали «Казюкас» — день святого Казимира, праздник народных ремесел. И в этот день ежегодно на узкие улицы столицы выходили народные мастера со своими поделками, плясали и пели самодеятельные артисты... Причем без всякой указки сверху! Ничего подобного в СССР тогда не было, и поэтому на Казюкас съезжались молодые люди из Москвы, Ленинграда и других городов. И когда мы с фотографом в пятницу вечером пришли на Белорусский

вокзал — выяснилось, что билетов на Вильнюс нет. Никаких. Ни за какие деньги! А нам утром надо быть в ЦК...

Фотограф Сергей вдруг увидел в толпе странного человека — длинноволосого, одетого в необычные одежды — и узнал в нем своего старого знакомого. Это оказался некто Диоген, известный столичный хиппи. Оказывается, целая колония московских хиппи мигрировала на праздник в Вильнюс, в гости к тамошним неформалам. У Диогена даже был билет в общий вагон. «А пойдем с нами! — радушно сказал он. — Там наших целых два вагона едет. Если что — с проводниками договоримся!» Надо сказать, что на фоне Диогена и его друзей мы выглядели странно — оба в строгих костюмах, белых рубашках и галстуках. Нам же сразу из поезда надо было следовать в ЦК...

Но выбора не было, и в окружении колоритнейших личностей мы проникли в общий вагон. Он был забит до отказа, но для нас нашлись две пустые третьи полки. Естественно, никакого белья не полагалось — хорошо, что достались два тощих полосатых матраса... Никаких проводников мы в вагоне так и не увидели — наверное, никому не хотелось общаться с толпою хиппи. Правда, ни пьянства, ни иного непотребства мы той ночью не видели. Времена были такие, со спиртным — ужасные проблемы, и молодые люди просто всю ночь общались да пели песни.

А утром был праздничный Вильнюс. Но у нас получился свой праздник — интервью удалось! Бразаускас сказал все, что хотел — материал получился острым и очень важным для газеты. И для меня лично: я стал специальным корреспондентом «Аргументов и фактов». Что в те времена приравнивалось к званию генерал-майора, не меньше...

А «литовские связи» тоже потом пригодились. Как знакомый самого 1-го секретаря я получил возможность столоваться в кафе постпредства Литвы (от редакции до него было минут 10 ходьбы). Мало того — время от времени покупать там дефицитнейшие товары: копченые колбасы, водку, ликеры...

Когда «АиФ» отделился от общества «Знание», и нам пришлось самостоятельно решать бесчисленные технические вопросы (доставать бумагу для тиража, транспорт, договариваться с типографией) — вовремя извлеченные из портфеля палка литовской колбасы и бутылка ликера «Крупникас» помогали нашему директору издательства наладить дружеские отношения с партнерами...»

ЧТО СКАЖЕТ МАРЬВАННА?

Дни, миги, дни, и вдруг единым сдвигом
Событье исчезает за стеной
И кажется тебе оттуда игом
И ложью в мертвой корке ледяной.
Борис Пастернак

Справка: Читательская почта была огромной. В своих письмах люди исповедовались, жаловались, рассказывали смешные или грустные истории. Так что первое, с чего начинал свое трудовое утро Старков– читал письма.

...Все, о чем писала газета, было пережито нами самими. Не было в редакции никого из «номенклатуры», не было «блатных». Как и все простые люди, продукты для семейного стола мы искали в полупустых гастрономах, на рынках; сами все прозябали в убогом жилье. Одежда была, как у всех — что достали в очередях, то и носили. Каждый день кто-то просил у других в долг «рубль, а лучше трешку». Поэтому любой газетный материал «дышал» этой нелегкой советской жизнью.

Ирина Солганик, журналист: «Главный редактор был человеком ясных, незамутненных взглядов и мыслей, интеллектуальной цепкости и четкости. Он был открытым и прямым. И того же требовал от

газеты, чтобы любой академический генерал, будь то академик Аганбегян, историк Самсонов, знаменитый физик Зельдович — были адаптированы к потоку сознания какой-нибудь тети Маши и ее спутника, собирательного Пупкина, которых он часто упоминал и, по всей видимости, держал перед глазами.

Посему он, собственно, и сумел создать газету народную и достоверную, быть может, не самую изысканную, но максимально популярную в стране. В 1987 году исторические публикации «Аргументов» были восприняты за рубежом как первый перестроечный залп, санкционированный непосредственно Михаилом Сергеевичем.

На самом деле никаких прямых санкций от «кесаря» не поступало, но старковское гениальное чутье указало, какие жилы следует разрабатывать. Взялись за историю, впервые так написали о Ежове и Берии, что вызвали какой-то сумасшедший резонанс. Можно было подумать, будто вся поголовно страна, от Курил до Прибалтики, только и жаждет узнать о судьбе Власовской армии, роли Троцкого или процессах 30-х годов...

На еженедельных собраниях каждый номер раскладывался на содержательные молекулы; Старков, обводя присутствующих рысьим светло-голубым прицельным взглядом, распекал за искажение русской речи — ненавидел фельдфебельский язык, настаивал, чтобы читали Лескова, Толстого, чуть ли не Мельникова-Печерского. Он желал, чтобы комментарий, либо аналитическое сообщение были изложены кристальным слогом «Повестей Белкина», еще лучше — «Капитанской дочки».

Наталья Бояркина, журналист: «Старков объяснял, о чем нужно писать, и я это усвоила. Если что-то тебя волнует лично, тема получится, появится хороший материал. Как искать тему? Она у всех «под ногами». «Что тебя на сей момент волнует?», — спрашивал он у меня. Я говорю, что у меня ребенок идет в первый класс, надо выбрать школу, учительницу.

«Вот тебе и тема. Начав от министерства и закончив психологом, пойди и выясни, как найти учительницу. Лично я тебе так скажу: «Веди ребенка в ближайшую школу. Неважно, какая школа, нужно, чтобы ребенок не уставал, потому что он еще маленький. И с первого по третий класс нет никого смысла искать школу с китайскими уклонами или Бог знает еще с чем. Главное, чтобы твой ребенок был спокоен, здоров и счастлив».

Если раньше, работая в «Комсомольской правде», я думала, где бы мне взять тему для командировки, сидела и ждала, когда начальник даст мне задание, то здесь я сама могла давать себе задания. Стоит только подумать, что тебя саму волнует: какую воду ты пьешь, где и как отдохнуть ребенку, где вылечить зуб, чем отличается платная стоматология от бесплатной... То есть весь наш быт — это наши темы».

Николай Зятьков, главный редактор: «Не имя журналиста и не его личность должны были быть авторитетом для читателя, а газета в целом. Поэтому мы старались минимально давать возможность высказываться самому журналисту — гораздо важнее опубликовать мнение профессионала, специалиста по теме, которая интересует читателя. И письма читателей Старков через себя пропускал практически до последнего времени. И литературой, которая была доступна в стране, увлекался. Он шел в книжный магазин, покупал книги, а потом прочитывал и рекомендовал нам».

Павел Апрелев, журналист, «Московские новости»: «Старков один из редких газетчиков, кто своей судьбой соединил эпоху «журналисты — подручные партии» с жизнью простого народа. Поэтому он был и остается человеком значительным. Он придумал и реализовал идею газеты для народа: не самой высоколобой, не самой изысканной, иногда даже вульгарной, но, может быть, благодаря всему этому — самой популярной и многотиражной в стране».

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА... С КРАСОТОЙ

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.
Борис Пастернак

Справка. Старков по-прежнему испытывал, на первый взгляд, странную зависимость от своих друзей. Он старался всех их из Ростова-на-Дону перетянуть сюда, в столицу. Возможно, эта дружба крепла еще и потому, что они не подавляли его семью своим авторитетом, деньгами, связями. Он сам создавал крепкую, дружескую атмосферу вокруг себя.

Главная особенность Старкова заключалась в том, что его искренне интересовали люди. Он любил их слушать, запоминал разные обстоятельства их жизни, любопытные сюжеты. Выдавал яркие идеи и обожал выслушивать их сам. Любил экспериментировать, переставляя с места на место кадры, подбирал такое, чтобы человек максимально раскрыл на нем свои способности.

Юлия Кузнецова, жена: «Дома нашим окружением были студенческие друзья. Муж очень любил женить, сводить. У него был такой дар, и уже постепенно зарождалось желание управлять людьми. Но главным все-таки было стремление подарить им счастье обладания друг другом, особенно, если он видел, что они подходят друг другу. Он мог кого угодно уговорить и даже показать, как они подходят друг другу. Например, Володя Суичмезов и моя подруга — они и тогда были очень красивыми, и сейчас хороши. Владислав говорил: «Посмотрите, какая вы чудесная пара!» Володя действительно был красавцем, и ему нравились эффектные женщины, поэтому моя подруга подошла ему на все 100. У них все сложилось, получилась прекрасная семья: великолепная дочка, чудесный внук».

Владимир Суичмезов, друг: «Иногда мы, уже с помощью Владика перебравшиеся на ПМЖ в Москву, напоминали о себе тем, кто остался дома. Один такой случай не на шутку взбудоражил редакцию ростовской областной газеты «Молот», где тогда успешно трудилась корреспондент Людмила Винникова, будущий редактор «АиФ на Дону».

Как обычно, придя на работу, она наткнулась на странный оценивающий взгляд своего начальника. Странным показалось ей и поведение необычно тихой сотрудницы. Шеф молча протянул адресованный Винниковой конверт, вскрытый в отделе писем. На нем стоял штамп Министерства иностранных дел СССР.

Не без волнения она начала читать официальную бумагу, напечатанную на фирменном бланке этого высокого департамента. Читая документ, она пережила несколько разных состояний. Тревога и любопытство сменились удивлением, а прочитав до конца, она закатилась неуместным в присутствии начальства смехом. В письме, которое они приняли всерьез, говорилось о нехватке «квалифицированных журналистов, аккредитованных в странах Европы и США». Далее, в исключительно деловом тоне, ей предлагалась на выбор должность в Париже, Лондоне или Вашингтоне. Видимо взволнованные неожиданным взлетом карьеры Винниковой коллеги не обратили внимания на последние строчки письма из МИДа, который тогда возглавлял бессменный министр А. А. Громыко. После всех этих умопомрачительных предложений стояла подпись: «Целую. Твой Громыко».

И еще вот такой случай вспоминаю. Авангард (Гарик) Леонтьев, артист театра «Современник», искал возможность поправить свои финансовые дела. Костя Райкин шутил по поводу его звонкого имени, называя коллегу Авангардом Арьергардовичем. Гарик действительно был тогда в арьергарде, «тащился в обозе», с трудом сводил концы с концами. Старков, давно водивший дружбу с этим театром, решил помочь молодому дарованию, взял на себя заботы режиссера и организатора его первого сольного концерта. Выбор текста для кон-

церта Леонтьева — чтеца, он тоже взял на себя. После некоторых раздумий предложил рассказы Фазиля Искандера. Ироничная проза автора «Созвездия Козлотура» тогда пользовалась успехом у интеллигентной столичной публики.

Короткий путь к достатку скромного работника советской сцены тогда часто пролегал через московские академические институты, разного рода НИИ и КБ. Там платили за выступление деньги, хотя и небольшие, но за ними не надо было ездить в холодные сельские клубы, вливаться в случайный состав часто нетрезвого «культурного десанта».

Когда была подготовлена программа, к делу подключили Анатолия Мамциса, научного сотрудника института какой-то особой химии при Академии наук СССР. Больше своей химии Мамцис любил театр и, наверное, поэтому возглавлял культмассовый сектор в профкоме родного НИИ. К числу своих больших удач на этом поприще он относил визит к министру культуры Фурцевой, у которой ему удалось выклянчить для своей конторы белый рояль фирмы «Блютнер».

Мамцис вышел на сцену и, слегка волнуясь, представил публике артиста. Затем появился сам Леонтьев в красивом, но не по росту длинном пиджаке и начал читать. Однако пассивно ждать триумфа молодого мастера слова Старков не собирался. Он заранее продумал схему рассадки в зале своих доверенных лиц, которые должны были обеспечивать живую реакцию и аплодисменты благодарной публики.

Сидевшая рядом со мной грузная научная дама слушала чтеца, сохраняя усталое спокойствие. Через минут пять я услышал смех Старкова. Это была его продуманная реакция на писательский юмор, удачно поданный исполнителем. Тут же, как по команде, откликнулся наш подсадной товарищ с галерки, потом хихикнул еще один откуда-то слева. Я тоже старался в меру своего дарования. Смех получался все естественнее, его подхватила научная общественность в зале, стало веселее, а временами, зараженные общей бациллой смеха, хохотали все, включая мою величавую соседку.

План режиссера удался. Артист уходил со сцены с цветами».

Галина Волчек, актриса, режиссер: «Владислав Андреевич дружил с Гариком Леонтьевым — тогда еще нашим артистом, теперь он уже работает во МХАТе. Как он переживал, если где-то что-то давало трещинку! У Гарика были на меня какие-то обиды или недовольство. И Старков старался не просто дипломатично уладить конфликт, а соединить двух людей, которые любят друг друга и заинтересованы друг в друге, но пока не могут преодолеть моменты непонимания».

Ирина Крейнгель, подруга жены: «...Когда исполнилось сто лет со дня рождения нашего отца (директора Дома кино), мы с моей сестрой Мариной решили отпраздновать юбилей, пригласив своих друзей, которые его знали. Папиных друзей, если не считать мамы, конечно, уже не было. В первую очередь мы позвонили Юле.

На следующий день раздался звонок из «Аргументов», и со ссылкой на указания главного редактора нас попросили срочно подготовить фотографию папы, курьер уже в дороге. Ко дню папиного юбилея Владислав опубликовал о нем статью, которую прекрасно написала Юля. Не то чтобы просить, но и мечтать об этом мы с сестрой не могли. Не представляю, кто еще, кроме Старкова, мог так поступить. Сам он не видел в этом ничего особенного. От благодарности отмахивался.

Владислав относился так не только к нам, своим близким друзьям, но и ко всем, с кем сталкивался. Поддерживал различных людей разных направлений деятельности и жизненных позиций, если ему нравилось то, что и как они делают. Мне кажется, поступая так, исходя из личного понимания, в противовес популярной и зажеванной формуле «ничего личного, только бизнес», он ожидал такого же отношения от других, и в этом смысле был очень уязвим».

Елена Коренева, подруга: «Думала ли я тогда, кем он станет в будущем? Могла предполагать. Но, конечно, не в такой степени, что он станет, с моей точки зрения, большой личностью. Я помню огром-

ную радость, когда он стал выпускать «Аргументы». Да, было очень здорово, что у него появилось свое дело, что он стал главным редактором. Я видела, что он этим гордится, и, естественно, поддерживала его начинание и, в свою очередь, гордилась им.

Он мне понравился своей невероятной заинтересованностью. Все доводил до конца, все умел анализировать. Был очень вежлив и корректен по отношению к друзьям. В то же время был и достаточно категоричен в своих высказываниях, в оценках. И уже тогда мне было приятно, что я знакома с Владиславом. Было удивительно, что он — не москвич, а как знал балет, музыку, театр, оперу!»

Ирина Солганик, журналист: «Коллектив подбирал по лицам — непременно привлекательные мужчины и неотталкивающие, желательно стильные женщины. Ненавидел уродов, не выносил дурновкусия — особенно женского. Готов был даже поднять зарплату, лишь бы приспособить к собственным вкусам внутренний редакционный ландшафт. Насколько знаю, пытался подкорректировать гардероб сиятельной дивы Аллы Борисовны Пугачевой, с которой близко дружил. Впрочем, безуспешно. Был увлеченным балетоманом, смотрел и оценивал всякое кино, как снобистское, так и магическое голливудское».

Татьяна Зелеранская, журналист: «Среди журналистов есть такая, почти традиционная, манера одеваться не только небрежно, но я бы сказала, еще и неряшливо. Дескать, таланту не до галстуков и причесок. Старков очень этого не любил и настойчиво советовал, что человеку нужно изменить в его гардеробе, чтобы выглядеть достойно. Он не говорил модных теперь слов: «Снимите это немедленно», но умел так посоветовать, что хотелось тут же сменить свой туалет. Владик как-то сказал: «Мне очень хочется увидеть тебя в платье, ведь это так женственно». Запало, запало... И я отправилась в «Люкс», заказала и сшила себе два очень красивых платья. По-моему, Владик был доволен больше, чем я».

КТО ДОБУДЕТ... ДОМ ДЛЯ РЕДАКЦИИ?

Какие грани освещает
Порой неяркий даже свет.
Кто ищет истину, тот знает,
Как вспыхивает вдруг ответ.
В.С.

Справка: «АиФ» имел огромные тиражи, а сама редакция ютилась в двух старых трехкомнатных квартирах на Малой Бронной, 12. Все прибыли принадлежали государству, а у коллектива — никаких перспектив...

Из чего сделаны звезды на Спасской башне Кремля? На этот вопрос мы могли ответить, но когда редакция переедет в более просторное помещение — об этом не знал никто.

Наталья Желнорова, журналист: «Я была в числе парламентских корреспондентов и целыми днями работала в Верховном Совете СССР. Как-то раз появляется из-за служебных кулис премьер-министр СССР Николай Иванович Рыжков. В то время его фигура была очень закрытая. Ни откровенности высказываний, ни смелости, ни критики, например, Горбачева не жди. «Человек в футляре» — как знаменитый чеховский персонаж.

Журналисты разных изданий окружили его и стали засыпать вопросами. Я стою рядом, слушаю. Николай Иванович отвечает на их вопросы, а сам смотрит на меня и спрашивает: «Вы из какого издания?» — «Из «АиФ».– «Ах, так это вы не любите Совмин?!» — «За что же его любить, Николай Иванович, за что ни возьмись — все качается...» — «Не все. Вы ошибаетесь». — «Неужели? Тогда давайте встретимся, у нас к вам очень много вопросов». — «Хорошо, мой помощник назовет время». Помощник через пару минут говорит: «Вторник в 11 — нормально? Но я вам перезвоню. Ваш телефон?» Даю телефон секретаря главного редактора.

Интервью с премьер-министром СССР — об этом я даже не мечтала! Причем никакой беготни, хлопот, переговоров с чиновниками, анализа и редактуры вопросов! Словом, этого не может быть по определению. Это тебе не какой-то там секретарь или даже известный ученый. Это руководитель огромнейшей страны со всеми ее республиками и проблемами!

Приезжаю в редакцию, пока не говорю об этом шефу (чтоб не сглазить, плюс не верю, что встреча на самом деле состоится). Но начинаю усиленно продумывать вопросы. В понедельник утром звонок из Совмина нашему секретарю: «Мы подтверждаем, что завтра в 11 состоится интервью Рыжкова вашей газете». Шеф в радостной панике. Сообщает мне (как новость) об этой встрече и говорит: «Пойдем вдвоем». Я ему: «Вдвоем нельзя».

Интервьюировать вдвоем всегда хуже, чем тет-а-тет. В нашем случае шеф, как руководитель СМИ, сам будет опасаться моих острых вопросов, и тут же, не дожидаясь ответа интервьюируемого, начнет их «умягчать». Получится, что я разговариваю не с премьером, а с... шефом. Такое уже было и ни к чему хорошему не приводило.

У каждого из нас был свой «статус»: я — бесшабашно смелая, а он, как руководитель, обязан быть политкорректным, думать о безопасности своего издания. Каждый по-своему прав, но смешивать это в одном кабинете, в одной беседе не стоило. Шефу я предложила пойти одному. Он не согласился. Отлично. Но пока я возьму паузу и расскажу еще об одном параллельном деле.

Однажды на редсовете Старков стал сетовать на тесноту в нашем офисе. Мы уже к этому привыкли, хотя понимали полную нелепицу: редакция из 30 человек выдает газету с 30 миллионным тиражом, которая ежегодно приносит стране огромную прибыль. А мы, как изгои, все работаем в тесной трехкомнатной квартире.

«Я знаю, кто нам добудет новое помещение», — неожиданно сказал на редсовете Старков. (Как раз перед этим наш друг Николай Гончар указал на один дом, на который мы могли бы претендовать, если бы нас кто-то «наверху» очень мощно поддержал. Дом оказался

красивым особняком XVIII века семьи Барышниковых. Он превосходил все наши ожидания).

«Кто же это?!» — почти хором вскричали мы. «Этот человек среди вас, — продолжал он. — Ладно, не буду интриговать. Это...» — и называет мое имя. «Я? С какой стати? — удивилась я. — Мне это не по силам!». «Мне больше некого просить. А наградой будет премия в тысячу рублей и месяц отпуска. Дополнительный...»

И вот теперь, когда предстояла встреча с председателем правительства, я предложила написать письмо о нашем бедственном редакционном положении. Так и сделали...

Если бы только знали, как мы тогда бедно жили! (Как и вся страна, впрочем). Деньги на парикмахерскую и такси были накануне взяты в долг у соседки. Единственный лучший костюмчик выглажен. На улице ливень, ловлю частника. Еле едет. Тороплю его. «Куда вы так нервничаете?» — заигрывает он, а сам еле тянется. Убила бы!

Минута в минуту, вошла в кабинет, где прежде работал Сталин. Мы были один на один. «Почему такой слабый отбор министров? Почему не ищете талантливых? Зачем «троечники»-министры передвигаются с места на место, если «куда они ни садятся, все в музыканты не годятся»? Когда появятся продукты в магазинах? Когда будет четкая программа экономического развития?» — такие вопросы я задавала председателю правительства.

Премьер терпеливо отвечал, «отмазывая» от нападок своих министров, ревниво прислушивался к моим оценкам работы его правительства... В чем-то и соглашался со мной. Спросила его о семье, о детях, о жене (тогда это была большая вольность). Потом я задала такой вопрос: «Давно ли вы гуляли босиком по мокрой траве?» Трудно представить себе чопорного члена Политбюро, ступающего белыми нежными ножками по мокрой травке. С подвернутыми брюками, в окружении охраны... И чтоб на лице — выражение счастья и радости... «Забыл уже, — с улыбкой ответил премьер. — А так хочется!»

Время интервью давно уже перешло свои границы, я стала прощаться, но Николай Иванович остановил меня: «Я тоже хочу вас

кое о чем расспросить. Кто ваш главный редактор? Почему у вас такие сумасшедшие тиражи?» — «Правду пишем, никого не боимся...» — «Почему же не боитесь?» — «А чего бояться? Власть сама уже боится народа, а мы — за народ. И наш главный редактор — из народа. И тоже ничего не боится, — немного приврала я. — Он смелый, горячий, с идеями». Рассказала, как нелегко нам живется. Прощаясь, я отдала редакционное письмо премьеру — оно как раз пришлось кстати.

...И снова поздним вечером, почти ночью, я расшифровываю нашу запись. И снова внутри — холод. Ой, не выпустит Рыжков это в печать! Побоится. Мне слишком часто высокие чиновники говорили: «Это не для печати. Только для вас. Для печати мы подкорректируем...» И в итоге от острого интересного материала оставался не тот живой, экспрессивный, что был в начале. Иногда (каюсь!) использовала имя шефа: «Ох, как будет разочарован Старков! Он так расстроится, увидев вашу безжалостную правку!» — «Разве вы уже показывали ему этот материал?» — «Да, он сам не мог утерпеть, так ему было интересно. Он сказал, что материал — высший пилотаж».

После этих «обманных слов» правка была уже менее жесткая. Магия «АиФ» и имя Старкова действовали. Я признавалась шефу в этих проделках, только когда все страшное было позади. То есть нам «сходило с рук», как он говорил. Мне не хотелось травмировать его психику в ответственный момент. Нас у него много, а он у нас — единственный.

Перепечатанное интервью Рыжкова передо мной. Я хочу показать его шефу. «Не надо. Пусть сначала подпишет», — мудро говорит он, так как знает, какая разница может быть между двумя этими текстами. Не хочет разочаровываться, если будут большие сокращения.

Отправляю курьером текст в Совмин. Прошу переслать нам обратно через день, мы планируем его в очередной номер. Переживаю — страсть как! Практически уверена, что этот наш разговор останется для нас двоих. Уберет он и часть моих вопросов, и часть своих отве-

тов. Будет дежурное интервью, и то — большая редкость, все-таки с премьером...

...В то утро пакета из Совмина долго не было. Я звоню, спрашиваю: «Ну, когда же вы вернете наше интервью?» — «Премьер еще не читал. Идет заседание, после него». Врут, думаю, все переписывают заново. Часа через два прибывает фельдъегерь и приносит опечатанный конверт. Разрываю его — и вижу — чистые, почти без правок листы. Неужели все переделали? Но нет, мои страницы, все вопросы и ответы на месте. Я не поверила своим глазам! Что сказал мне — то сказал и всем. Без всяких «ну, вы же понимаете...». Вроде как ты, умный, поймешь меня (тоже умного), а народ не поймет — он же дурной. Нет, право, Рыжков — достойный человек!

Шеф читал, прерывался, благодарно глядя на меня, потом дальше читал и как будто не верил глазам. «Подписал? Сам?» — спросил он, хотя сам прекрасно видел подпись. Я кивнула. Старков встал, начал нервно ходить по кабинету: «Ты молодец, что меня не взяла! У меня бы сердце не выдержало, если бы ты при мне стала задавать ему такие вопросы. Будет тебе премия. Пусть все учатся!»

...Когда вышел номер с этим материалом — а ему было отдано три полосы — снова пошли перепечатки в сотне мировых изданий, выдержки из интервью на радиоканалах. Мне перевели отклики коллег из некоторых зарубежных изданий. «Копает простой лопатой, но как глубоко!» — так прокомментировал это интервью один известный английский журналист. «Разговор на равных с высочайшим лицом государства... Когда такое видели в Советском Союзе, где еще полвека назад людей казнили даже за косой взгляд на кремлевских вершителей судеб?!» — удивлялся американский коллега. «Молодая журналистка или председатель правительства СССР — кто победит? На такой вопрос ищет ответ у своих читателей самая многотиражная советская газета», — сообщал немецкий журнал.

Николай Иванович Рыжков оказался единственным из всех чиновников, кто искренне заинтересовался нашим изданием. Вскоре нам это очень пригодилось...»

«СМИ – ЭТО ПРОСТО... СТИРАЛКА!»

Строку переплавляет со строкою,
Вливает в сводки новостей металл
И выметает репортерскою метлою
Собкор все то, что до сих пор не выметал!
В.С.

Справка: «Стирка» грязной политики обществу необходима, причем каждый день и каждый час. Пресса обязана заниматься грязной политикой, теневой экономикой, коррупцией и все это грязное белье выносить на всеобщее обозрение, стараться отмыть добела — так считала редакция «АиФ».

Мы понимали, что чем больше СМИ будут шуметь, тем быстрее власти осознают пределы своих возможностей. И общество увидит, каковы эти пределы. Если же сейчас закроют оппозиционные mass-media, это будет означать, что со свободой слова в России покончено. Власти действуют не всегда умно и умело и сами способствуют тому, чтобы пресса подняла несусветный крик.

Прагматик и романтик, **Владислав Старков** трезво оценивал реалии жизни. Вот что он говорил корреспонденту журнала «Журналист» **Ирине Карпенко**:

— На протяжении большей части XX века в нашем тоталитарном государстве «стиральные машины» попросту ржавели. У государства не было рычагов, чтобы окостеневшую, одеревеневшую роговицу счищать со своего тела. Надеюсь, СМИ как раз и возьмутся за большую общегосударственную стирку.

Не правы те, кто пытается прессу зажать, снова превратить эту «стиральную машину» в ржавую посудину, которую можно выбросить за ненадобностью. Если это случится, само государство заржавеет, и тогда нашему российскому кораблю, который и так уже

подвергся коррозии за сто последних лет, большого плаванья не видать.

Существует как бы двойная цензура — слева и справа, а мы оказываемся посередине и действительно независимы. Вне драки. А когда два клана дерутся, то, конечно, чубы у рядовых граждан трещат, а сейчас и у прессы. То, что газеты борются за свое существование и подняли такой шум, я считаю правомерным. Они делают очень полезное дело для всех наших СМИ. Кстати, нашей газете эта ситуация выгодна.

— Чем же?

— Если мы тоже не будем молчать, разоблачать коррупцию, пусть и более сбалансировано, то на фоне кричащих сможем спокойно делать свое дело. Как мы существовали во времена Брежнева и потом, когда «Огонек» и «Московские новости» были залихватскими изданиями? Мы были спокойнее них и, тем не менее, достигли больших тиражей и большего влияния в обществе именно за счет своей сбалансированности и спокойствия, потому что народ наш в своей толще не криклив.

Может быть, это и плохо, но русский народ терпелив и спокоен, и читать он любит — в чем мы убедились на своем опыте — статьи не резко сенсационного характера, а такие, которые помогали бы ему жить. И мы стараемся по мере сил именно в этом направлении вести газету. Люди устали от всей этой грязи, которая, например, на протяжении года в избытке сочилась и лилась с экранов и газетных страниц. Это, кстати, во многом дискредитировало журналистику.

— Да уж, грязи через край. Но если вы предоставите право «кричать» другим, а сами будете целенаправленно писать про ту же коррупцию, то завтра могут прикрыть орущих, а послезавтра и к вам прийти?

— Журналистика — это такая профессия, где волей-неволей приходится играть на грани фола, идти по лезвию. Только «идти по лезвию» — не значит «орать».

Наталья Желнорова, журналист: «Идти по лезвию» нас иногда толкал и сам Старков, когда не видел большого греха в нарушении журналистской этики. Приведу такой пример. Наш друг, член-корреспондент Академии наук Л. Абалкин, вскоре после публикации нашей беседы (тогда тиражи «АиФ» рванули вверх), стал заместителем Председателя правительства СССР, руководителем всего экономического блока. Это давало нам доступ к «святая святых» проводимых реформ. Наконец-то мы могли получить любую информацию!

Спустя год мы снова встретились с экономистом и сделали еще один сильный материал. Он уже доверял мне и откровенно рассказал о важных закулисных моментах, которые тормозили реформы. Единственное выставленное им условие было такое: ни в коем случае не публиковать до определенной даты, на нее было намечено в Кремле большое важное совещание. Преждевременная публикация могла бы повредить и ему, и делу.

Я клятвенно пообещала, но обо всем «по дружбе» рассказала Старкову. Шеф попросил у меня «почитать» этот материал, я, естественно, не отказала. Каково же было мое возмущение, когда в первом же вышедшем номере я увидела это интервью! Абалкин со мной не здоровался года два, он не верил, что я об этом ничего не знала! А поступок Старкова мне не понятен до сих пор. Зачем же «убивать» авторов, которые приносят тебе сенсации?! А может, это просто была жизнь «одним днем»: сегодня я его проскочил, а завтра — будь что будет? А может, было желание испортить наши с ним отношения? Не знаю. Но если бы допускались дуэли, я бы шефа вызвала на нее».

Геннадий Ариевич, журналист: «Старков был силен в чутком отслеживании сегодняшней конъюнктуры. Из каждой информации, из каждой прочитанной газетной статьи, из каждого общения с осведомленными и влиятельными людьми он извлекал «сухой остаток» тенденции и делал свои выводы.

И этому, надо полагать, способствовали частые посещения Старковым ЦК партии. И не только когда вызывали. Оттуда он приходил с новыми идеями, и даже не подсказанными его собеседниками из Большого дома, а скорее, вопреки им. Уже в «перестроечные» времена он сетовал на то, что если раньше понять, куда что идет, можно было, побывав в одном, практически любом кабинете этого дома на Старой площади, то теперь можно обойти весь этаж, но только запутаться, потому что в каждой комнате тебе уверенно сообщат совсем отличное от других мнение и совершенно разную, но «абсолютно достоверную» информацию».

Глава третья

И ГРОМ ГРЯНУЛ

На меня направлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси!
Борис Пастернак

Справка: 13 октября 1989 года на заседании в ЦК КПСС постановили уволить главного редактора «АиФ». Обществу «Знание» было дано указание оформить это изгнание своим решением. С одной стороны — уже гласность, с другой стороны — ЦК еще в силе. СМИ — идеологический фронт. И газета не своя, а государственная, значит, и место главного — государственное.

В очередном номере мы опубликовали данные социологического опроса (впервые в советской печати.) Опрос был об отношении населения к политическим персонажам. Первое место занял Сахаров. За ним шли Ельцин, Попов, Собчак. Горбачев оказался на пятом месте. Через два дня было совещание в ЦК по идеологическим вопросам. В зале сидела сотня руководителей разных СМИ. В их числе и наш Старков. В президиуме — Горбачев, Рыжков, Лигачев, Яковлев и другие. Горбачев разнес в пух и прах несколько изданий за неправильную позицию, крепко прошелся по нашей газете, а в конце совещания бросил в зал: «А вы, Старков, останьтесь. На вашем месте я написал бы заявление об уходе»...

Удрученный Старков приехал в редакцию, собрал редсовет, и все стали думать, что делать. Что? Скоро наступит завтра... Перебирали варианты, высказывали версии, выдвигали идеи. Все схо-

дилось в одном — не сдаваться. В полночь разошлись, предчувствуя, что нам предстоит серьезная схватка за шефа и, по большому счету — за газету, наше детище.

Виталий Коротич, главный редактор журнала «Огонек»: «Тогда Горбачев кричал на нас. Вначале на многих сразу, обвиняя прессу в безответственности, левацких загибах и плохом служении партийному делу. Затем он обрушился гневно на Старкова, редактора популярной газеты под названием «Аргументы и факты». Я помню звенящую тишину, в которой Горбачев тыкал пальцем в Старкова и кричал, сверкая неизменными своими очками в тонкой оправе, что на месте него, Старкова, он бы подал в отставку и ушел из газеты. А ведь все дело было в малом — в статистике, обнародованной газетой. Согласно этой статистике, он, Горбачев, не всегда был на первом месте по популярности в стране, а Лигачев и вовсе был где-то в конце списка. Горбачев лютовал на редактора, будто тот разгласил секрет изготовления немыслимой бомбы или еще чего-то, на чем зиждется мощь страны.

Он кричал, и было не страшно, а жаль было кричащего лидера. Еще я глядел на Александра Яковлева, с которым у меня были хорошие отношения, и на Вадима Медведева, с которым мы друг друга терпеть не могли. Секретари ЦК были спокойны. Будто глядели по телевизору запись матча, результат которого был им уже известен. Горбачев говорил долго. Он посокрушался, что американский госсекретарь по отношению к перестройке более оптимистичен, чем советский экономист Абалкин. Затем он велел, чтобы редакторы строже блюли партийную линию — и все это непримиримым тоном учителя, только что получившего самый невоспитанный класс в школе.

Члены политбюро сидели, окаменев. Я оглядел зал. Никогда я еще не видел таких счастливых лиц у старой редакторской гвардии, у этих Алексеевых, Грибачевых — имя им легион. Все они улыбались до ушей, расправляли плечи, а кто-то и взглянул на меня с такой победоносностью, что я не нашел сил ответить. Даже взглядом. С редактором сатирического журнала «Крокодил» Пьяновым мы пошли пообедать и дол-

го угадывали, в чем дело, откуда этот сосредоточенный залп по своим. А может быть, для Горбачева сменились понятия «свои» и «чужие»? Никто в это не верил, но — тем не менее...

Наутро я ожидал вызова в ЦК. Все в СССР имеет свои ритуалы, и ЦК существует для разъяснения нам, грешным, мимолетом изреченных высоких мыслей вождей. Так было всегда: на следующий день после начальственной речи клерки помельче принимались нам ее растолковывать. Я косил глазом на телефон правительственной связи с гербом на диске, но телефон молчал. Зазвонил телефон сразу после полудня. Мой приятель из «Правды» прямо-таки повизгивал от восторга. «Сняли нашего главного — Афанасьева!» — захлебываясь, сообщил он».

Людмила Новикова, журналист: «Владислав Андреевич боялся за себя, за семью, собирался уже заявление писать. Мы тогда вечерами и ночами сидели в редакции, кофе растворимый пили от голода. И говорили ему, что нельзя сдаваться, надо бороться».

Ирина Солганик, журналист: «На Малой Бронной все были растеряны, ошеломлены. Провели впопыхах и в горячке общее вечернее собрание, понимая, что до сих пор никому не удавалось противостоять ящерам из Центрального комитета, а тем более — командиру перестройки и гласности. Старков казался бледным, но под напором своей сплоченной и целеустремленной команды решил бороться до конца».

АРМИЯ ЗАЩИТЫ

Стреножили, связали, в глотку вбили
Народу кляп! Народу в глотку кляп!
И веру в лучшее безжалостно растлили,
Сменяв ее на… ломаный пятак.

В.С.

Справка: Но страна уже стала другой. В поддержку Старкова выступили сотни тысяч людей со всех концов СССР, журналисты зарубеж-

ных изданий активно освещали скандал. Редакция стала цитаделью сопротивления. Большинство академиков общества «Знание» не захотели участвовать в травле.

Нам помог... Александр Солженицын. Не сам, конечно. У него есть замечательная книга об истории его репрессий — «Бодался теленок с дубом». В ней содержится «букварь» борьбы диссидента-одиночки с беспощадной государственной машиной. Ее должен прочесть (и не раз!) каждый боец за свои права. Солженицын советует: как можно больше шума, как можно больше втянуть людей, которые будут отслеживать вашу схватку. И не сдаваться, не проявлять уступчивости, слабости ни при каких обстоятельствах. Тогда победа обеспечена. «Не бояться никого!» — вот девиз Александра Исаевича. Мы решили пойти по этому пути.

Наталья Желнорова, журналист: «На следующий день я снова была на заседаниях Верховного Совета в Кремле. Рассказала всем, что над нашим главным сгустились тучи и его надо поддержать. Кто-то был поражен: «Как же, в разгул демократии!» Кто-то, к сожалению, злорадствовал: «Пора вам подрезать языки».

Вечером спускаюсь в лифте на первый этаж. Рядом стоит А. Н. Яковлев. На выходе из лифта член Политбюро галантно пропускает меня вперед. «Спасибо, Александр Николаевич, но если бы вы были также вежливы с нашим главным...», — сказала я. «С кем?» — не понял он. «Со Старковым, — поясняю я. «Выгоняют — ну что тут такого? Политбюро может любого назначить и любого снять», — объясняет мне, неразумной. «А Политбюро его не назначало. Это вы Афанасьева (главного редактора газеты «Правда») можете двигать туда-сюда. (В этот момент его как раз снимали.) А вот Старкова — не троньте!» «Почему же Старкова нельзя тронуть?» — поразился он. «Потому что он сам создал свое место. Из маленькой газетенки он создал могучую газету. Ей верят во всем Союзе. Ничего готового — как другие редакторы — он не получал. Пришел на пустую поляну и поставил

там избу. А теперь, конечно, многим хочется прибрать ее к своим рукам. Не отдадим», — твердо сказала я. «Тогда пусть он поменьше колеблется со своим курсом, «не играет в социологию», — посоветовал А. Яковлев. «А он колеблется вместе с линией партии — куда она — туда и мы. А социология — это не игра, а наука. И мнение людей нам интереснее, чем даже мнение высоких партийцев».

Яковлев смотрел на меня, и в глазах его появлялся мистический ужас. И даже не от слов моих (на одно его — пять моих), а от самого факта: с ним, членом Политбюро, могут (прямо и твердо) говорить какие-то там журналистки! Меня даже напугал этот взгляд, выражающий сразу и растерянность, и потрясение. «Александр Николаевич, прошу вас, оставьте в покое Старкова и посоветуйте это же Горбачеву. Мы за шефа будем драться. Призовем всех, и нас поддержат». «Я подумаю, что можно сделать», — сказал он, и мы расстались.

Самое интересное, что никто не помешал нашему разговору. Но через секунду уже появились люди, стали входить в лифт, выходить из него. Словно наверху кому-то надо было дать мне высказаться.

Надо было включать все ресурсы. На очередном заседании нашла помощника премьера и попросила его о короткой встрече с Н. Рыжковым. Он ее устроил — на 5 минут. «Николай Иванович, нужна ваша помощь — помогите выручить нашего шефа. Горбачев хочет его выгнать». «Я прикину, что тут можно сделать», — пообещал Рыжков. Я порадовалась, что успела Рыжкову рассказать о шефе самое доброе и хорошее, по-человечески перетянуть его на нашу сторону. Да и успех того интервью сыграл свою роль, премьеру понравилось, что там он выглядел не скучным официальным лицом, а думающим человеком.

Параллельно со мной каждый из нас, редакционных, действовал на своем участке — где и кого только мог убеждал, доказывал, требовал... На редсовете кто-то посоветовал привлечь внимание зарубежной прессы. Она такое раздует — мало не покажется. Использовали и этот канал. Целую неделю двери в редакцию не закрывались, я сама дала не менее пяти интервью зарубежным агентствам.

На очереди был Лигачев (мы уже с ним до этого познакомились во время подготовки интервью): «Скромнее ему надо быть, скромнее. Время такое». — «Да куда уж скромнее — видели бы вы, в каких условиях он живет, а газета имеет тираж 30 миллионов, представляете, сколько денег (по 5 копеек за номер) она приносит государству? Кто еще может похвастаться таким результатом?» — «Ну что ж, я поговорю с Горбачевым, пусть не горячится».

Да и на самом деле от газеты государству была сумасшедшая прибыль — 6 миллионов рублей в месяц. Это были великие деньги. Средняя по редакции зарплата была 130 рублей. А нас было всего 30 человек, включая шофера и машинисток, корректоров».

Владимир Воинов, сотрудник аппарата «АиФ»: «...Тогда было принято решение передать газету из общества «Знание» в ТАСС и там, в толпе затерять Старкова. Владислав Андреевич позвонил мне домой и попросил дать совет накануне утреннего заседания Президиума Всесоюзного общества «Знание», на котором планировалось принять это решение. Я назвал ему домашние телефоны членов президиума, которых он знал. Остальных академиков я обзвонил сам.

В назначенный день к 10 утра на заседание приехали пять больших руководителей ЦК КПСС и Генеральный директор ТАСС Л. Кравченко, который был готов принять бесценный подарок.

Председатель Президиума академик Н. Басов огласил повестку дня заседания, и все академики сказали «Нет». Отдать родное дитя, которое пестовали долгие годы, «чужому дядьке» ученые отказались. И посрамленные партийные боссы встали и тихо вышли из исторического здания Политехнического музея».

Павел Апрелев, журналист, «Московские новости»: «Старков первым противопоставил себя руководству КПСС. Горбачев, раздраженный либерализмом «АиФ», прямо приказал: Старкова уволить. А Старков решил не увольняться. Интуиция подсказала, что нужно делать, и он обратился к общественному мнению. Очередь

иностранных журналистов стояла к нему на нескольких лестничных пролетах».

Елизавета Штайгер, журналист, переводчик, преподаватель: «В 1989 году в США в г. Питсбург (штат Пенсильвания) должен был проводиться «круглый стол» по СМИ. Руководителем стола назначили Владислава Старкова. На обратном пути у Владислава Андреевича была запланирована остановка в Канаде, где ему предстояло взять интервью у премьер-министра страны.

Согласие на интервью уже было получено. Меня включили в эту поездку, намеченную на октябрь, в качестве переводчика. Незадолго до отъезда произошел этот неприятный инцидент с Горбачевым. И это не могло пройти бесследно. За несколько дней до отъезда Старкову позвонила Валентина Терешкова, которая неоднократно клялась ему в любви «до гроба», и настоятельно порекомендовала не ездить в Питсбург на советско-американскую встречу. Возмущенный Старков попросил меня проинформировать обо всем иностранных журналистов (он знал, что я с ними работаю). Более того, он решил приехать в Шереметьево якобы для вылета в США и хотел, чтобы иностранные журналисты своими глазами увидели, как его будут не пускать в самолет.

Этот план мне показался чрезмерным и слишком дерзким по тем временам. Но отказать Старкову я не могла. Поэтому одного из своих студентов — шефа бюро газеты «Балтимор сан» — я попросила прогуляться со мной на Патриарших прудах. Скотт Шейн приехал немедленно. Я ему описала ситуацию. Она «тянула» на сенсацию, на что всегда падки журналисты любой страны. Скотт собрал команду из восьми репортеров не только американских, но и канадских, и даже британских СМИ. Все они были готовы в нужный момент прибыть в Шереметьево. Неожиданно мне позвонил Старков и дал отбой. Западные журналисты были явно разочарованы.

Я пообещала Владиславу Андреевичу, что в Питсбурге, где обязательно появится официальная версия его отсутствия, я в кулуарах

расскажу правду. Но ситуация менялась и вокруг моего отъезда (видимо, мой телефон прослушивался). Накануне отъезда посол США в Москве Джек Мэтлок давал прием в честь советских участников конференции в Питсбурге, и на нем одна из руководителей советской делегации сообщила мне, что мое имя исчезло из списка отъезжающих. Объяснение: «Американцы не дали вам визу». Я подошла к Мэтлоку. Он опроверг эту информацию.

Раньше для выезда за рубеж требовалось две визы: выездная — советская, и въездная — другой страны. Мне было очевидно, что моя проблема — советская виза. Всю ночь мой муж звонил дежурному сотруднику МИДа, пытаясь понять, где находится мой паспорт. Оказалось, что его просто забыли передать для визы американцам.

Когда же после телефонных мытарств паспорт обнаружился, я позвонила генеральному консулу посольства США Марку Робинсону (тоже был моим студентом). Поздней ночью, когда курьер МИДа привез мой паспорт в Консульский отдел, генконсул специально пошел в свой офис, чтобы поставить американскую визу. Утром я вместе со всеми улетела в Питсбург.

Естественно, сразу пошли вопросы: «Где Старков?» И услышали сразу две версии ответа: «болен» и «очень занят». Но я свое обещание выполнила. Описала ситуацию, попросив на меня не ссылаться. Они тоже свое слово сдержали. Вышли газеты со ссылками, что информация получена «из надежных источников». А разве не «из надежных»?

Со Старковым мы познакомились в 1988 году в Тбилиси, где после десятков лет «холодной войны» СССР и США путем «народной дипломатии» пытались сблизить свои страны. Там были очень представительные делегации с обеих сторон, но Старков явно отличался от всех и своими смелыми, неординарными высказываниями, и живым интересом к этим людям, к чудесной Грузии, которую нам показали во всей ее красе. С тех пор наша дружба только крепла».

Журнал «Огонек» опубликовал статью «ПОД НАДЗОРОМ» **Дмитрия Захарова**, ведущего программы «Взгляд», эпиграфом ее

стала фраза Джека Лондона «Я не знаю, почему хвост у коровы висит сверху вниз. Я просто констатирую факт».

Можно ли представить, чтобы главный редактор «Ридерз дайджест» был снят по решению Вашингтонского обкома партии или пленума писателей округа Колумбия? Предположить это так же нелепо, как и допустить мысль, что кто-то из членов администрации президента США неусыпным оком следит и лично отвечает за то, что делают сотрудники сотен телеканалов и десятков тысяч изданий.

У нас же, несмотря на политические и экономические условия, требующие перемен, отечественные хозяева печатных станков и телепередатчиков явно не хотят отказываться от монополии на контроль. Более того, везде, где журналисты позволяют себе чуть-чуть «повольничать», наиболее реакционные «контролеры» немедленно переходят в контратаку.

Ныне существующий Союз журналистов не может призвать органы средств массовой информации выступить в его защиту, не может обеспечить его средствами на время вынужденной безработицы, короче — не может ничего. Пример тому — гробовое молчание СЖ СССР, когда над В. Старковым сгустились тучи.

Нередко, работая над передачей, думаешь: «Зачем все это нужно? Что это даст, кроме неприятностей и испорченных нервов?» Но все-таки делаешь. Не хочется обратно, в застой».

Всеволод Богданов, глава Союза журналистов России: «Почему газета была так популярна? Потому что Старков точно угадал вопросы и ответы, которые требовались обществу в период перестройки. При советской власти такие вопросы считались мелкими, не особо интересными, опасными, может быть. А Старков их такими не считал. Он из любой автомобильной пробки выбирался в редакцию с какой-нибудь новой идеей. Это всегда была идея вопроса. Вспомните газету. Она состояла из «вопросов и ответов». Один из таких вопросов чуть не стоил главному редактору «АиФ» его же газеты».

Юлия Кузнецова, жена: «Эту опалу, которая с ним случилась в АиФе, он тяжело переживал. ...Вспоминаю такой случай. Нужно было ехать в США, уже куплены билеты. И вдруг позвонила космонавтка Валентина Терешкова и сказала: «Владислав, ты знаешь, мне посоветовали не брать тебя в эту поездку». Он очень расстроился. Ну что же она так, такая смелая, первая космонавт-женщина, да и были они в прекрасных отношениях, даже общались на «ты», словом, дружили. А она вдруг не захотела его отстоять. Конечно, это его подкосило. Он понял: люди, даже кажущиеся друзьями, если они «наверху», могут и не поддержать. Тогда у мужа был первый инсульт, но он переборол болезнь.

Спасибо всей редакции, которая выступила в его поддержку.

Когда возникли эти неприятности из-за Горбачева, Владик понял, какие у него удивительные друзья, как за него болели, выступили одной большой семьей. Тогда муж говорил, что мы не пропадем, всегда сможем прожить, так как оба инженеры. А это нищета и есть. Но не так уж это его пугало.

У него была смешная черта что-то придумывать. Как-то с ним строго поговорил Евгений Примаков (в то время Председатель Верховного Совета РФ): «Что вы так держитесь за это редакторство «Аргументов»? Вот у нас есть парламентская газета, вы можете там работать, переходите туда». Старков ответил: «Меня коллектив не поймет». — «Ну и что, там будет свой коллектив, и будет еще лучше». И тогда Владик привел последний довод: «Мне моя жена сказала, что если я уйду из «АиФа», то она повесится». На Примакова это подействовало, он отстал.

А потом на каком-то приеме мы встретились с ним, и он посмотрел на меня, как на сумасшедшую».

ДИСКУССИЯ В КРЕМЛЕ И В РЕДАКЦИИ

О, Боже, Господи, как тяжко
Людскому роду на Земле —
Вся жизнь в грехах и неувязках
Меж совестью и бытием.
В.С.

Справка: «АиФ» продолжала изучать личности вождей перестройки. Почти в каждом номере была «бомба», о которой говорила страна.

Журналистам было важно и интересно раскрыть характер, натуру, воззрения представителей правящей верхушки. Хотелось понять, есть ли среди них люди, достойные народа и своего лидирующего в нем положения.

Наталья Желнорова, журналист: «Так случилось, что меня в числе молодых экономистов пригласили на беседу к Горбачеву. Там были и Явлинский, и Гайдар, и многие другие. Я видела растерянное лицо Михаила Сергеевича. Казалось, что он и сам не рад произведенному им же разрушению.

...На той встрече я тоже выступила (у всех было это право). Приведя печальные цифры из сферы экономики, спросила, как долго, на взгляд Горбачева, мы будем в этой яме? Когда найдем выход? Горбачев «возмутился»: «В вашей газете Абалкин сказал, что на перестройку потребуется 25 лет. Нет, это пораженческие настроения. Пройдет три, от силы пять лет, и мы все изменим!» — «С кем? С какими руководителями? Толковых вы как огня боитесь, а что доброго могут сделать бездари?» — удивилась я. — «Вы не понимаете! Сами процессы — гласность, открытость — выведут нас на правильный путь!» — «А кто будет управлять этими процессами?» — не унималась я.

Горбачев разозлился, зачем-то полез в ящик стола... Мои соседи стали успокаивать меня: «Да ладно, что он может...» Президент про-

должал кипятиться в адрес «АиФа», но явно чувствовалось, что он сам задыхается от свалившихся неразрешенных проблем.

Что же делать? И тогда Старкову в голову пришла новая затея — поговорить с Лигачевым. Им пугали народ. Интеллигенция считала его жестким, злобным, мстительным человеком консервативных взглядов, этаким «серым кардиналом» при мягкотелом Горбачеве. Это он сказал Ельцину: «Борис, ты не прав!» И страна содрогнулась от негодования.

Сейчас, зная все последствия ельцинского правления, многие готовы воскликнуть: «Борис, как же все-таки ты был не прав!» Но тогда взбудораженному обществу эти слова Лигачева (который сам, между прочим, настоял на вводе Ельцина в состав Политбюро) казались святотатством, покушением на «святыню демократии». От этого образ Лигачева стал особо зловещим, тем более, что в памяти многих еще сохранились дела таких палачей, как Берия, Ежов и Ягода.

Утром меня встречает помощник Лигачева Романов и сообщает, что Егора Кузьмича срочно вызвал к себе Горбачев. Но неожиданно появляется сам Лигачев. Он говорит: «Хотел увидеть вас и просить перенести встречу на завтра, на это же время»... Мои коллеги тогда целый день шутили, что у меня еще есть время посушить сухари. С «твоим вопросником» тебя от Лигачева точно поведут «под белы рученьки» — это обеспечено.

...Утром мы устроились в кабинете Лигачева, и начался наш экскурс в его оценки современной российской действительности. Лигачев отвечал неплохо, то есть гораздо лучше, чем от него можно было ожидать. Он был на подъеме, красовался, желая выглядеть демократом. Через час я решила проверить запись. И ничего — кроме жеваных невнятных звуков — не услышала. Новые пленки, новые батарейки — а записи нет! Лигачев вызвал помощника, отдал ему пленку — исправляй, как хочешь! В это время стал меня утешать: «Всякое бывает. У меня с сегодняшнего дня начался отпуск, все заседания будут без меня. А у нас есть время».

Помощник не исправил пленку. Я поставила другую, и мы продолжили свои вопросы — ответы. В интервью, конечно, не было особых откровений, но в то же время «диктофонный» Лигачев резко отличался от телевизионного. Здесь он был все-таки не «серым кардиналом», как его рисовала горбачевская оппозиция. Не было сомнений, что наше интервью общественные деятели будут читать «с лупой»: «Каков он, этот Лигачев? Почему именно его Горбачев назначил вторым? Чего от них всех можно ожидать? Хорошего или плохого?» — извечные вопросы российского общества.

Я позвонила Старкову: «Все нормально». Он в ответ: «Приезжайте ко мне домой — все расскажете». Жил наш главный тогда на улице Климашкина (напротив дома, где обитал до своей смерти Владимир Высоцкий), в маленькой двухкомнатной кооперативной квартире на последнем этаже. «Юля, налей-ка нам коньяку!» — попросил он жену. Я рассказала об атмосфере встречи. Старков жадно слушал, внимательно смотрел альбом о деревянном зодчестве Томска, из которого Лигачев был родом. Этот альбом Егор Кузьмич подарил мне и при прощании сказал: «Что вам надо — все сделаю, просите».

Шеф все выпытывал, хотел через меня понять, кто же такой Лигачев — друг или враг. Потом стал показывать мне свою работу по улучшению жилья. Он купил (или достал по блату) симпатичный гобелен и обтянул им стены спальни. Получилось в целом оригинально, но темновато, как в шкафу — и без того маленькая комната еще уменьшилась. «Как, нравится?» — спросил он меня. «Вам надо не обои менять, а квартиру. Разве это жилье для главного редактора издания с 30 миллионным тиражом?» — опрометчиво посоветовала я. Разве я знала, что за этим последует? Хотя вполне могла бы и сообразить...

На следующий день Старков позвал меня к себе, снова порассуждал о Лигачеве и материале (он его еще не видел), а потом сказал, впервые «на ты»: «Я знаю, что ты должна попросить у Лигачева. Квартиру для меня». Я опешила. Для Лигачева ничего не стоит дать квар-

тиру Старкову — это ясно. Это даже выгодно для него. Смелый Старков просит жилье! И не для газеты, а для себя.

«Я этого делать не буду, — заявила я, — это неправильно, мы так подставимся, что потом позора не оберемся. Вы сами будете жалеть об этом». — «Нет, ты попросишь его! Он же сам сказал: «Что надо — просите, все сделаю». Проскочила мысль: «Ну и влипла же я! Зачем надо было говорить об этом шефу?! Но разве могла я подумать, что ему придет в голову такая идея?»

«Я всю ночь не спал, думал, что попросить у него, пока «горячо». А ты мне отказываешь. Почему не попросишь его? Скажи честно!» — требовал Старков. «Он ведь не мне лично сказал: «Что надо, просите», а всей редакции. Я вам все честно передала, и вы сами можете просить, что угодно. Имеете право». — «Но он же не мне это сказал, а тебе!» — «Но не мне лично (просите), а коллективу!» — «Нет, тебе лично сказал!» — настаивал он. — «Не буду! И все! Будет у вас хорошая квартира, но не из его рук! Мы сами заработаем и купим!»

Я чувствовала, что ужасно не права, тем более что сама заплела в один узел две ситуации: «чего, мол, бить гобелен в стены, когда надо менять квартиру» и — «проси, что хочешь». Но мне было ясно: пройдет некоторое время, и мы сами сможем всего добиться — и помещения для редакции, и хорошего жилья для главного.

На следующий день мы узнали, что десятки тысяч людей томились в аэропортах, дожидаясь вылета своих рейсов, а авиаслужба страны держала для Лигачева свободным воздушный коридор на южное направление. Все другие рейсы откладывали и откладывали... Господи, и здесь я виновата!

Через два дня получаю обратно отосланный Лигачеву материал. Там было несколько моих не самых острых вопросов и все переписанные заново ответы.

Звоню помощнику, возмущаюсь. «То интервью давать нельзя — ни при каких обстоятельствах», — отчеканил он. «Почему? Он же по-человечески все разъяснял». «Значит, вы ему по-человечески понра-

вились. Но это не является основанием для публикации всего, что он сказал вам в личной беседе». «Какая личная? Что вы говорите? Я — представитель газеты, и у меня не может быть личных встреч с членами Политбюро! Я настаиваю на публикации первого варианта! Вы увидите, какая будет реакция». — «Мы знаем — какая, и не хотим ее увидеть. В печать — только наш вариант».

Утром в редакции появился человек, который контролировал прохождение этого материала по всем ступеням технологического процесса. Дежурил до подписания номера в печать в типографии».

В КНИГЕ РЕКОРДОВ ГИННЕСА

Как ты всесилен, слабый человек!
Как ты могуч, велик и благороден,
Когда свой краткий начинаешь век,
Когда твой каждый шаг богоугоден.
В.С.

Справка: «АиФ» стал народной газетой и в 1990 году был внесен в Книгу рекордов Гиннеса за самый большой тираж еженедельного издания — 33,4 млн. экз. Жизнь коллектива резко улучшилась: «АиФ» переехал в старинный особняк Барышниковых на Мясницкую, 42.

Журналистское содружество — это всегда «суть тьмы и света сплав гремучий». И, конечно, сотрудникам «АиФа», их задору и дерзновению завидовали! Завидовали, не замечая даже того плохого, что мы испытывали на себе: пристальный контроль со стороны Старой площади; отсутствие нормального помещения, технических средств, корпунктов за рубежом, денег на командировки и гонорары.

Завидовали и тому, что газетой руководит такой главный редактор, о котором толком никто ничего не знал. Он казался загадочно-значительным, непонятным, а от этого — могущественным

и всесильным. Потом, спустя время, завидовали и главному — что у него такая сильная, сбитая команда, готовая взять любую амбразуру. В общем и целом, в «АиФе» были молодые волчата во главе с умным и хитрым матерым волком.

Что уж говорить об остальных людях, когда мы сами с жадностью хватали свежие номера и прочитывали их от корки до корки, ощущая при этом «мурашки по спине» и сухость во рту от того, что мы это сделали!

Тогда многие зачитывались материалами: ***Ирины Солганик, Василия Воронецкого, Галины Валюженич, Геннадия Ариевича, Павла Лукьянченко, Анатолия Логинова, Бориса Станишнева, Татьяны Коростиковой, Андрея Бинева, Владимира Савичева, Дмитрия Гранцева, Николая Солдатенкова, Раисы Валитовой, Андрея Угланова и других интересных журналистов.***

Ирина Солганик, журналист: «Понаехали из «Монд», «Таймс», «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», я водила по редакции опешивших французов, разводивших руками при виде полутора десятка скромных, непритязательных на вид тружеников. Спрашивали, сколько корпунктов за рубежом — вопрос вызывал видимый миру смех и невидимые, незримые ему слезы.

Редакционные сотрудники были тогда нарасхват, подобно именитым гастролерам — читали революционные проповеди и нагорные речи в переполненных концертных залах при бурных овациях. Едва ли не ежедневно были приглашаемы отдельными городами, не гнушались предприятиями тяжелой, а равно и легкой промышленности; в общем, на улицах стояла непроходящая и отчетливая весна — все таяло, капало, осыпались монументы».

Владислав Старков в интервью корреспонденту журнала «Журналист» **Ирине Карпенко**: «Нас читают, замечают. Мы формируем общественное мнение, но не в приказном порядке. Когда же в редакцию приходило 6 тысяч писем в день, и мы держали огромный штат для ответа на них, чтобы там, на местах, какие-то нерадивые чинов-

ники принимали меры по письмам трудящихся, я не уверен, что тогда мы занимались своим делом.

У нас газета на 90 процентов — школа выживания и только на 10 — политика. Причем политика в «АиФ» — это цель и подсказка, совет читателям и власти, а не разоблачения, кто кому какие козни строят. Думаю, читателю небезразлично, что за человек во главе государства, кто стал или станет премьер-министром, откуда появились новые назначенцы в правительстве.

Обо всем этом мы пишем не для того, чтобы показать кремлевские интриги, а для того, чтобы показать этих людей — чего каждый из них стоит. А еще отвечаем на насущные вопросы читателей. Два номера в первом полугодии выпустили с вопросами и ответами. Это наши «шлягерные» номера, на них растет тираж.

Вот только что у нас прошла редакционная летучка, где все редакторы и корреспонденты говорили каждый о том, что его в данный момент волнует. Не как журналиста, а как человека, обывателя. А это и вопросы призыва в армию детей, и вопросы отключения летом горячей воды, и тысячи других человеческих мелочей. Все эти темы мы обдумаем и пустим в дело. В конце концов, журналисты тоже люди и, слава Богу, не все зациклены на политике».

БУДЕМ НЕПРИКОСНОВЕННЫ!

Творец! Все будет так, как ты задумал,
Все будет так, как ты решил.
Ведь Он твою судьбу продумал
И в путь тебя благословил.

В.С.

Справка: Владислава Старкова, чья популярность стала поистине всенародной, выдвинули в народные депутаты РСФСР. Выдвижение прошло стихийно. Он пришел во власть под ликование, без преувели-

чения, миллионов людей. Раздавались голоса, предлагавшие ему баллотироваться даже в президенты России.

В первом же туре выборов народными депутатами России, кроме Владислава Старкова, были избраны еще четыре человека из «АиФа» — Николай Зятьков, Александр Мещерский, Андрей Угланов, Виктор Романенко. Кроме того, наша Людмила Новикова была избрана депутатом Моссовета. Это было единственное в мире СМИ, имеющее в своем штате столько народных избранников!

Владимир Глотов, журнал «Огонек»: «К свободе слова и печати, а не просто гласности призывали на митинге многие ораторы. «Старков! Старков!» — скандирует митинг, услыхав из уст Глеба Якунина о решении редактора «Аргументов и фактов» В. Старкова баллотироваться в народные депутаты РСФСР на освободившееся место».

Наталья Желнорова, журналист: «...Старкову посоветовали на всякий случай защититься депутатским мандатом. За собой он по привычке потянул и других членов редсовета. Вскоре образовалось вакантное место в республике Коми. Кандидатуру Старкова выдвинули местные демократы. Доверенными лицами он выбрал меня и Мещерского.

Мы должны были вылететь в понедельник утром, а в выходные мы с коллегами работали в Кишиневе, где проходила очередная встреча с читателями нашей газеты. Эти постоянные встречи давали нам такое вдохновение! Подсказывали такие повороты тем! Три-четыре часа общения были напитаны сумасшедшей энергетикой и огромной надеждой на то, что вместе мы что-то сможем изменить к лучшему!

Вечером нам не удалось вылететь из Кишинева в Москву — не было билетов. Наш же утренний рейс прибывал во Внуково, а ухтинский с шефом и Мещерским отбывал в это же утро, но из Шереметь-

ево-1. Невзирая на сумасшедшую гонку по льду МКАДа на лысой резине потрепанных «Жигулей» (ее ради меня совершал наш друг Макаров), я не успела на самолет.

День ждала, летела вечерним рейсом, потом искала коллег по всем гостиницам города. Как же они мне обрадовались, словно родную сестру увидали! Были проблемы с едой — я договорилась, что ресторан продаст нам кое-что «на вынос». Принесла горячее блюдо в старковский номер — неуютный, холодный, как и сам этот северный край — и сразу нам троим стало теплее.

Были бурные обсуждения с электоратом — демократами, местными активистами, чиновниками. Они все решали, за кого отдать голоса — за Старкова (наша газета тогда была почти в каждой семье) или за местного секретаря. Консерваторы не гнушались никакими способами унижения Старкова.

Потом шеф заболел. Сильно простыл. Вечером лежал с температурой под сорок. Весь в поту. Я меняла ему полотенца на лбу, чтобы как-то облегчить страдания. Давала лекарства, укрывала одеялами. Когда он открывал глаза, я видела в них надежду, что болезнь скоро минует.

А тем временем шла свирепая политическая битва. В ней надо принимать участие, а мы прикованы к кровати больного. Мещерский ищет лекарства и отбивается от прессы, а я в роли сиделки и матери-кормилицы. Смотрю на бледное лицо Старкова и неожиданно подумалось: а вдруг умрет? Что делать? И тут же мысль, как спасение: пока я здесь — он будет жить! Откуда была такая самонадеянность? Самой не понятно...

Наутро нас ждала решающая схватка: Старков и местная «шишка». Едва придя в себя, сбив лекарствами температуру, шеф решил идти. Это было неразумно, но объяснимо — ради этого мы и прилетели. Он был уверен, что пресса расценит его неявку как трусость. С температурой 38,5 он поднялся на трибуну — бледный, потный. Начал говорить, но вскоре схватился за сердце, извинился и ушел с трибуны. Консерваторы были счастливы.

Горячее питье больному я грела кипятильником в туалете (только там была розетка), как-то отвлеклась, стакан лопнул, расплавил пластмассу (из нее была сделана крышка унитаза), на которую я поставила его, и возник локальный пожар. Его мы тут же загасили. Но чиновники были рады и из этого сделать сенсацию: «АиФ» поджег гостиницу!»

Возвращались в Москву на поезде, в холодном вагоне. Так бесславно закончился наш вояж к северянам».

Людмила Новикова, журналист: «...И потом, где бы ни выступали мы, всюду прошел слух, что наш главный — пьяница и сжег гостиницу! Нам приходилось доказывать, что это не так. Каждый раз начинали с того, что опровергали слухи, объясняя данный инцидент элементарным отсутствием розеток в комнатах гостиницы. Но в итоге мы все равно снова победили!».

ПЕРВЫЕ АКЦИОНЕРЫ СРЕДИ СМИ

Успешны будьте, господа,
Во всех ваших деяниях.
Не стройте путь свой никогда
На горе и страданиях…

В.С.

Справка: Когда страна оказалась в гуще новых рыночных преобразований, и «АиФу», как и всем, пришлось переживать «шоковую терапию», у руководства созрело решение акционировать свое издание.

Это был достаточно смелый шаг, поскольку никто еще на это не отважился, но в то же время и справедливый: мы ничего «не оттяпали» у народа. Здание было не наше, мы его арендовали, типографии мы не имели, бумагоделательных комбинатов тоже... За все

мы платили. Нашей «собственностью» в тот момент были идеи, мозги, крепкий коллектив и любовь читателей.

...Старков не захотел единолично приватизировать газету, как впоследствии сделали Павел Гусев с «МК» и Егор Яковлев с «Общей газетой». Он считал, что это общий труд, хотя он и был в нем за главного. Решили выработать процент участия на основе трудового стажа, зарплаты. У кого сумма больше, тот и получает акций больше.

Вошли все 27 журналистов, которые делали самые первые большие тиражи. Это было максимально демократично, в дальнейшем мы с таким подходом ни в одном СМИ не сталкивались. Однако никто из нас не верил, что эта затея к чему-то приведет, что хоть в дальнейшем можно будет получить какие-то деньги. Как работали раньше с полной отдачей, так и продолжали. Это было делом нашей чести и даже, может быть, жизни.

Николай Зятьков, главный редактор: «Мы под влиянием Старкова часто делали неожиданные шаги. Например, приняли решение выйти из КПСС. Это было дерзко и рискованно, так как наша партийная организация находилась в центральном Бауманском районе, где на учете состояли все члены ЦК и Политбюро. Эта была общая идея, и Старков ее поддержал.

Мы все провели по уставу, собрание коммунистов приняло такое решение, отвезли документы и сдали в райком свои партбилеты. Надо было видеть бедных инструкторов, когда мы сказали, что выходим из партии. Конечно, мы тогда не думали о пиаре, да и не умели пиариться. Когда следующие коллективы печатных изданий стали выходить из КПСС, они это делали с помпой. А мы спокойно, тихо вышли.

Точно так же, как мы первыми среди СМИ акционировались. В коллективе родилась идея выйти из советской системы хозяйствования и организовать частное предприятие. Послали своего молодого юриста в налоговую инспекцию. С первого раза не получилось,

потому что тогда существовала годовая подписка (сейчас полугодовая). Юрист пришел в налоговую в начале года, когда мы получили деньги за годовую подписку от 20 миллионов читателей. Сумма была очень внушительная. Понятно, что к концу года она вся растаяла бы, так как пошла бы на издание газеты.

Но в тот момент простые женщины–налоговики со своей зарплатой в 120 рублей увидели эти цифры и решили, что если все это будет поделено на 27 человек, это будет несправедливо. Они сказали: «Нет и нет. Так не должно быть». И нам все зарубили. Но мы подождали, когда эти большие деньги ушли на издание газеты. В конце года, когда на счетах были крохи, со второго захода мы акционировались. «Ну ладно, теперь можно», — сказали нам. После нас другие издания еще очень долго к этому не подступали».

Людмила Новикова, журналист: «Тиражи огромные, мировой интерес к изданию, а Старков пешком на работу ходил. Только «ГАЗик» какой-то был, наверное, 69-ый, один-единственный на всю редакцию».

Дмитрий Макаров, журналист: «Мы, как первые акционеры «АиФа», все-таки реально ощущали себя «немножко хозяевами». Это дало колоссальный взлет «Аргументам». Это была демократия в чистом виде. Мы работали днями и ночами, и охотно воспитывали молодых журналистов.

На «Аргументах и фактах» отрабатывалась вся методика превращения государственного издания в частное. Естественно, что как главный редактор и будущий главный акционер, Владислав Андреевич принимал в процессе акционирования самое активное участие. Была выработана формула акционирования, которая не имела аналогов в России. За образец была взята, кажется, газета «Фигаро», где хозяин газеты — трудовой коллектив.

Все остальные СМИ шли за нами. Правда, мы еще тогда смеялись над тем, что акционировали разве что свои головы, да столы

и стулья. Ни здания, ни типографии, ни каких-либо других ресурсов! Кроме интеллектуальной собственности больше у нас ничего не было. То есть любой мог бы, как и мы, взять в аренду здание, купить у производителей бумагу, сделать в типографии любой заказ. Вот только что будет написано на этой бумаге? В этом все отличие».

Наталья Желнорова, журналист: «Акционироваться — это было необычное, однако правильное решение. Мы были довольны и тиражами, и любовью читателей. Но жили все бедно. Как-то случайно встретились со Старковым утром на выходе из метро, шли вместе до редакции, до Малой Бронной.

Владислав Андреевич сетовал на несправедливость: многомиллионные тиражи, а он не имеет возможности ни повысить нам зарплаты, ни купить редакционную машину, ни выбить от государства помещение для газеты (тогда еще не было у нас в аренде дома на Мясницкой). Как большая оптимистка, я утешала его: «Все будет, надо потерпеть. Самое главное у нас уже есть — уважение людей, для которых мы так стараемся». Он молча шел рядом. А потом я добавила: «Да о вас еще книжки будут писать!». Он удивленно посмотрел на меня, думая о своем нынешнем незавидном положении, и с сомнением ответил: «Ну, разве только ты это сделаешь...»

Наталья Бояркина, журналист: «После акционирования у редакции появились первые деньги. Это было такое диво! Меня очень трогало, как Старков относился к членам нашей семьи, к детям особенно. Вот пример. У редакции завязались какие-то отношения с пионерским лагерем «Артек». Старков бросил такой клич: «По всей редакции найти детей от 10 до 13 лет, которые никогда не были в Артеке».

Нашлось трое ребятишек: мой, буфетчицы и еще кого-то. Все дети поехали абсолютно бесплатно, включая стоимость дороги и заканчивая питанием. Они отдыхали в самом лучшем лагере. Моя девица, ей было на тот момент 11 лет, сначала не хотела ехать, потому что она

домашний ребенок, никогда ни в каких лагерях не была. Она, рыдая, уезжала туда и, рыдая от счастья, что побывала в «Артеке», приехала оттуда.

Дочка на всю жизнь запомнила и всегда будет благодарна за то, что она в 11 лет получила этот кусочек золотого солнечного лета, как подарок от главного редактора газеты, где работала ее мама. Помню, что путевка была очень дорогой, долларов 800, и для моей семьи (если бы пришлось оплачивать нам самим), эта сумма тогда была просто непосильной».

Виктор Перушкин, журналист: «Самое интересное, что уже через полгода работы, с подачи все той же Светланы Егоровой, я нечаянно стал обладателем маленького, всего в 0,3 процента, пакета акций. В 90-м году еще мало кто знал, что это такое и с чем его едят. Тогда разве мог я, да и любой из нас предположить, что этот крохотный пакетик акций окажется таким судьбоносным не только для меня, но и для всей редакции, включая, в том числе, и главного редактора еженедельника Владислава Андреевича Старкова?!»

Это была та арбузная корка, которая встречается на дороге почти у каждого. Но для редакции она стала роковой. А была всего лишь...малюсенькая корочка, цена которой всего лишь 0,3 процента!

Глава четвертая

А В АВГУСТЕ БЫЛА ВОЙНА...

Предназначение свое
Мы сформулировать не можем.
Все ж для чего мы здесь живем,
Пустышку-жизнь мусолим, гложем?
В.С.

Справка: Журналисты «АиФа» встретили сообщение о путче 1991 года как истинные солдаты пера. Стали готовить спецвыпуски, брать интервью на улицах и в высоких кабинетах.

Это было словно волшебство, мы сами жадно пожирали информацию, добытую своими коллегами, сидящими за соседними столами. Каждый хотел поразить не только дальних читателей, но и своих родных, друзей, соседей, коллег какими-то «гвоздями».

Владимир Суичмезов, друг: «Ранним августовским утром я включил радио и вместо бодрящих звуков нового трудового дня услышал обрывок фразы, смысл которой уловить не успел. Но следом зазвучал встревоженный Чайковский. Рефлекс сработал мгновенно — я сразу же позвонил Старкову: «Включи радио. Что-то случилось». Через несколько минут все стало ясно — это были первые сообщения о ГКЧП.

Потом были горячие дни, БТРы на Мясницкой, бесконечное «Лебединое озеро» по телевизору, подготовка спецвыпуска газеты, лихорадочная работа в Останкино. Наш «аифовский» фильм о событиях

тех дней монтировали с колес. Его сюжеты были разделены клипами из спектакля «Лебединое озеро». Уверенно, как свой человек на телевизионной кухне, Старков принимал быстрые решения, командовал немного растерянными операторами. Тогда я услышал его неожиданное откровение: «Если бы не журналистика, стал бы режиссером».

Юлия Кузнецова, жена: «Мы жили недалеко от Белого дома. Как только Владислав вышел из дома, раздалась автоматная очередь. Что я пережила, пересказать трудно. Потом раздался телефонный звонок. Муж сказал, что добрался до работы нормально и что все будет хорошо. Именно тогда я, по профессии физик, изучающий законы природы, впервые поверила в Бога. А Леночка наша крестилась. Это было ее личное решение».

Наталья Желнорова, журналист: «Помню утро того тревожного дня. Срочно приехала в редакцию. В кабинете шефа все наши, очень озабоченные. «Ты не знаешь, Горбачев хоть жив?» — надеясь на мои связи и дополнительную информацию, спросили меня. «Вы еще сомневаетесь в этом? Да он же сам все это и организовал!» — не задумываясь, ответила я. Что тут началось! Все повскакивали со своих мест и стали негодовать, дескать, как могла я даже подумать такое!

Старкову тоже было интересно, почему я так считаю. Он быстро отправил всех по рабочим местам, а меня попросил объяснить свое мнение. «Да все они — не самостоятельные, а по духу «государевы люди», не претендующие на место вождя. Это «шестерки», но не тузы. Они взялись подыграть Горбачеву, но никому из них не хватило смелости поступить радикально, арестовать громких демократов. А теперь, когда игра провалилась, Горбачев от них отказался...»

Шеф внимательно меня выслушал, а потом задумчиво сказал: «Если в редакции произойдет путч, теперь я знаю, кто будет его зачинщиком». «Кто?» — удивленная, спросила я. «Ты. Кто ж еще...» Вот такая у нас была «любовь».

Но в то время всех что-то шокировало, а меня удивляло другое. На улице «лютовала» демократия, а что было в душах людей? Эту грустную историю мне трудно забыть.

В самом начале сентябре был юбилей у моей подруги, кандидата медицинских наук. Я была приглашена, но опаздывала. Когда приехала, все сидели за столом. Юбилярша представила меня гостям, как известную журналистку. Гости стали раздвигать свои ряды, предлагая мне места. Все приветливо улыбались, говорили только положительное о нашей газете, тянулись со своими бокалами. Все шло по плану, как и положено в хорошей компании. Неожиданно подруга расчихалась. «Где это ты простудилась?» — осведомилась я. «Да я трое суток провела у Белого дома, болела за Ельцина», — ответила она. «Ну и дура, — выскочило у меня, — нашла за кого болеть».

И тут началось такое! Гости отодвигались от меня, строго смотрели на подругу и гневно вопрошали, кого она пригласила... Место возле меня мгновенно освободилось, люди — интеллигенция! московская! передовая! демократическая! — готовы были разорвать меня. Беспощадно. Дружно.

Честно, я была поражена подобным развитием ситуации. Почему они так себя ведут, как заскорузлые консерваторы? Если даже и не согласны со мной, разве не интересно узнать, почему за Ельцина не стоит болеть? Послушать человека, который гораздо более информирован, чем ты сам? Будь я на их месте, я бы непременно (наученная Старковым!) попросила: «А вот здесь поподробнее. Почему? В чем я ошибаюсь? Чего не заметил?» Ничего этого не было и в помине. Мы тебя порвем, потому что ты думаешь иначе, чем мы, — это же кошмар, это вечная война — своих со своими.

И снова я хочу вернуться к атмосфере в нашем коллективе. Мы искали разных людей — политиков, экономистов, писателей, музыкантов, режиссеров, предпринимателей, — лишь бы они могли выразить свою искреннюю боль и свои — самые разные — взгляды на нашу жизнь. Мы брали «пробы» с разных концов и слоев общества, не «гну-

шаясь» никакими их окрасками. Это привил нам шеф и в этом, считаю, было наше большое достижение».

Лариса Хлебникова, ответственный секретарь: «Во время путча вся редакция стояла «на ушах». К тому времени Владислава Андреевича и в Кремль вызывали, грозили — не нравилось, что мы печатали, не нравилось, что народу это нравится. Тираж прирастал миллионами. Что было бы с газетой и Старковым в случае победы путчистов — теперь уже и не скажешь.

А я как всегда «на боевом посту» — теперь уже сама лежу в больнице, отдыхаю. Коллеги мои ночи не спят — листовки печатают, на баррикадах репортажи пишут, в типографии «Красной звезды» общую демократическую газету выпускают... Подписывать больничный листок в кабинет главного я шла на ватных ногах. И получила. Первая реплика: «Ну что, комуняки-то твои проиграли». А далее по полной программе: «Предательница, на газету и коллектив наплевать, ты не из аифовского теста». И ведь что удивительно — опять не уволил!

А через три месяца назначил ответственным секретарем со всеми вытекающими отсюда благами».

О свободе слова (из интервью **В. Старкова** И. Карпенко)

— А как вы думаете, Владислав Андреевич, будет ли новый Закон о печати способствовать хотя бы некоторой независимости прессы от местных князьков?

— Если к наместнику президента (так назовем его посланца) в острых и критических ситуациях журналисты смогут обращаться за поддержкой, то это не только облегчит их существование, но и будет полезным делу. Но для этого Москве нужно продумать и внятно сформулировать свою политику в области СМИ. Власти должны понимать, что свобода слова им выгодна. Так что мы не будем кричать: «Дайте нам свободу!», а постараемся доказать властям, что свобода слова прежде всего нужна им. Потому что иначе, с помощью одних спецслужб, с такой страной, как наша, не справиться.

— Однако не очень-то нашего брата журналиста ныне слушают. Пиши себе, что угодно, ставь проблемы, критикуй — наплевать на тебя сто раз. А даже в застойные времена по статьям меры принимались. И иногда что-то менялось в жизни к лучшему.

— Это миф, что сейчас на прессу никто не обращает внимания. Попробуйте назвать не ту дату рождения какого-нибудь министра. Не говоря уже о том, что не на одном, а на двух Мерседесах он ездит. Он тут же к вам примчится или начнет звонить, подавать в суд. Каждый день ко мне поступают звонки — кто-то чем-то недоволен, той или иной публикацией «АиФ».

Наина Иосифовна приходила в редакцию и всегда начинала со слов: «Ну, что вы так пишете? На самом деле все не так». Они с Борисом Николаевичем свое здоровье на 50 процентов подорвали из-за интриг вокруг, а на 50 процентов из-за переживаний по поводу того, о чем писала пресса. Никогда равнодушных к публичному слову не было. И сегодня богатые люди, у которых уже все есть, боятся только одного — гласности».

«Я ВСЕГДА ПРАВ!»

Летят минуты жизни, все тлетворно.
Куда ни кинешь взгляд — все ерунда.
Мы тянем лямку времени покорно,
Пока не призовет Он нас туда.

В.С.

Справка: Во второй половине своей трудовой биографии Старков уже старался совмещать и работу, и отдых. Он не ослабил свой контроль, но создал такую команду, на которую всегда мог положиться.

Старков интересовался мнением каждого о газете, и если слышал что-то дельное, сразу выделял этого человека — приглядывал за ним, менял его профориентацию, повышал ставку. Знал семейную

ситуацию многих сотрудников. Главное и редкое его достоинство — он любил талантливых людей, растил их, молодых, готовых к лепке — как стройматериал для создания лучших образцов. Как мог, развивал их, направляя и за границу, и на какие-то важные мероприятия, требовал точного отчета за каждый прожитый там час.

Николай Зятьков, главный редактор: «Владислава Андреевича приглашали в правительство на пост министра печати. Он говорил, что ему это было приятно и почетно, но сидеть там, в министерстве, он не хотел. Даже когда у нас по депутатским делам возникла необходимость выбора — или идти на профессиональную работу в Верховный Совет (со всеми его благами, персональными машинами, дачами), или же остаться простыми депутатами и совмещать эту деятельность с работой в газете — Старков однозначно выбрал газету. Настоятельно и нам рекомендовал то же самое.

Один наш коллега все же порывался уйти на почетный пост, но Старков и его не отпустил. Он считал, что только здесь можно чувствовать себя независимым и при этом хорошо жить.

Самая хорошая одежда, самые лучшие блюда — все должно быть в первую очередь у него. Это не смотря на то, что мы, наша страна, еще не были так хорошо открыты, интегрированы в мир, чтобы думать и сказать себе, дескать, мы это заслужили. Но Старкова это не останавливало, он шел впереди многих и умел и с настроением работать, и отдыхать на полную катушку».

Дмитрий Макаров, журналист: «Наш главный редактор был ярким и страстным человеком. Если кто-то Старкову нравился, то он внимательно отслеживал, что и как тот делал. А если он был недоволен тем, как работает сотрудник, то говорил ему: «Сейчас ты в редакции занимаешься «социальной тематикой», а вот с завтрашнего дня будешь писать о балете». У человека, который видел балет три раза в жизни, и то по телевизору, просто отвисала челюсть, и он долго не мог ее закрыть.

Если Старков любил человека, то уж всей душой. Если ненавидел, то тоже — всей душой, и все знали, что он этого человека истинно ненавидел. И более того — коллеги и друзья тоже должны были того ненавидеть. Он, как настоящий лидер, любил «играть людьми», любил дать всем почувствовать свою важность.

Нам был известен такой прием Старкова. Какую-то важную для себя идею он сначала «обкатывал» на одном человеке, внимательно следил за реакцией. Потом на редсовете. Снова прислушивался. И, наконец, громогласно озвучивал ее на летучке, где собирались все. Там же он и объявил однажды, что критиковать можно всех, кроме Волчек, Пугачевой и Плисецкой.

Вот такую историю рассказал мне мой друг, один из первых замов Старкова, Александр Мещерский. В те годы он часто ездил со Старковым за границу. И вот в Париже садятся они в каком-то ресторане пообедать, каждый заказывает себе еду, им ее приносят, Владислав Андреевич смотрит на свое блюдо, потом на Сашино и говорит: «Твое лучше»... И так несколько раз. От таких слов интеллигентный Саша поначалу терялся, потом понял, что надо делать. Он быстро менял блюда местами, Старков успокаивался, и каждый ел то, что заказал другой».

Юлия Кузнецова, жена: «Я объясню, почему так Старков поступал. В то время мы еще не так часто бывали в хороших ресторанах за границей и на самом деле совсем не знали, что там из меню лучше и вкуснее. Но наши более опытные в этом вопросе друзья (и Мещерский в том числе) не утруждали себя деликатным советом. Почему бы им не порекомендовать, что заказать Владиславу? Мужа это просто бесило, и поэтому он устраивал такие спектакли.

Чаще всего мы ездили отдыхать очень большой компанией. Мне кажется, ему везде хотелось чувствовать себя, как дома, даже в чужой стране. Наверное, не всегда мог принять правила чужой игры, хотел чувствовать себя везде комфортно, быть с близкими, любимыми людьми.

Одна поездка в Зальцбург, на озеро, была связана с большим скандалом. Там были разногласия с нашими друзьями из-за билетов в оперу. Дело в том, что не всем хватило билетов, так как очень трудно было их достать. Владик хотел, чтобы пошел искусствовед, любитель оперы, а другой человек, Анатолий Мамцис, считал, что должен идти именно он, Анатолий — на правах близкого друга. Владик не мог согласиться, и Толя очень расстроился и обиделся. По большому счету, Владислав был прав, поскольку искусствовед пошел и написал интересную рецензию.

Мы с ним много спорили. Но все равно он говорил под конец свою крылатую фразу: «Вот увидишь, я буду прав».

У нас все самые главные события повторялись дважды. Мы дважды начинали семейную жизнь — так получилось, что, прожив год вместе, мы решили расстаться. И это продолжалось целый год. Мы с Владиславом тогда были вспыльчивыми, эмоциональными. В его жизни всегда огромную роль играли друзья. Кто-то из его приятелей мне не понравился. Он начал отстаивать свою позицию — договориться было невозможно. Тогда-то мы и решили, что лучше расстаться. Как тогда это называлось — «проверить свои чувства». А уж дальше — как судьбе будет угодно».

ЛАБОРАТОРИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

У каждого своя дорога в жизни,
Пусть даже строем мы по ней идем.
У каждого своя судьба, харизма,
Но все мы счастья в этой жизни ждем.
В.С.

Справка: В 1994 году Старков впервые упомянут среди 100 наиболее влиятельных лидеров службой изучения общественного мнения «Vox Populi». Но этому предшествовала огромная творческая работа...

У каждого журналиста в газете был свой план работы — тематика на полгода вперед. Выпускающий редактор (дежурили по очереди) выбирал понравившиеся ему темы, формировал макет номера и на планерке он обсуждался. Каждый из присутствующих мог предложить более злободневный материал, если он у него был, или новую актуальную в этот момент тему — для того, чтобы сообща ее разработать и доверить выполнение тому журналисту, который лучше и быстрее с нею справится.

Вот так рождались наши «гвозди». После выхода номера его обсуждали. На этой летучке мог присутствовать любой член коллектива и высказать все, что у него накипело — и по всему номеру, и по любому из материалов. Здесь же определялись лучшие публикации путем голосования, и журналист получал за него двойной гонорар. Кстати, были и тройные — за особые заслуги.

Николай Зятьков, главный редактор: «Каждое новое явление в стране с помощью нашей газеты можно было проанализировать, найти плюсы и минусы, сделать выводы и предложить обществу самому испытать это новшество. Эта рубрика называлась «Лаборатория перестройки».

Мы многое на себе проверили, и только после этого на телевидении появился «Прожектор перестройки». Одними из первых мы открыли ворота для западного бизнеса, организовав конкурс «Может ли простой предприниматель...». Десятки тысяч мелких предпринимателей прислали нам свои проекты. Мы все их собрали, попытались найти деньги в стране на их развитие. Что-то нашли, но крайне мало.

Потом мы привлекли западных инвесторов, приехали американцы, они из всего этого выбрали несколько проектов. До сих пор эти предприятия, которые мы тогда включили в проект, процветают. Конечно, на уровне правительства мы не могли действовать, но на конкретном примере показали, что можно и нужно предпринять. И как можно людям помочь. Главное, их заметить и дать им на первых порах какой-то толчок.

Мы первыми создали службу распространения, розничную и оптовую сети. Это то, что сейчас считается суперпроект. Наши сети и тогда, и сейчас прибыльные, развиваемые, но впервые это все было сделано именно тогда, при Старкове. Причем, что удивительно, это было сделано не силами профессионалов, а самими журналистами».

Людмила Новикова, журналист: «В то время мы сами все делали. Станислава Пестова сделали директором издательства. А он ничего не умел, не знал! Я помню, Игорь Моржаретто ездил в посольство Литвы, покупал там сервелат и растворимый кофе. А потом Пестов вез это в Кондопогу, или еще куда-то, договаривался насчет бумаги (ее под наши сумасшедшие тиражи катастрофически не хватало), а сервелат и кофе — это были... взятки».

Лариса Хлебникова, ответственный секретарь: «Владислав Андреевич вообще не увольнял профессионалов. До последнего, несмотря на конфликты, человеку всегда предоставлялся шанс. Помню его разговор с Володей Мартыновым из отдела культуры — его взяли в штат после нескольких удачных публикаций в качестве автора.

Человек был веселый, любил и умел выпить, хорошо пел — в общем, душа компании, но в какой-то период писать стал мало, скучно, а то и просто ничего. Так вот, встречает его главный на нашей парадной лестнице и говорит: «Володя, хватит подавать надежды. Пора работать». Не думаю, что какие-нибудь крики и угрозы подействовали бы сильнее — у Мартынова просто второе дыхание открылось.

Иначе он воспитывал другого журналиста — Володю Савичева. Тоже человек хороший, талантливый, но уж больно долго раскачивался после командировки. Бывало, съездит куда-нибудь, материала интересного наберет, а сесть и сразу отписаться — некогда.

Сначала по отделам походит, кучу всего интересного расскажет — в общем эмоционально выплеснется, а материал потом получался

скучный, затянутый, без настроения. Так Владислав Андреевич запретил сотрудникам слушать его рассказы о командировке, пока не опубликуется. Приезжает Володя, а с ним в редакции никто не разговаривает: боятся, вдруг Старков увидит. Пришлось бедному все на бумагу изливать.

Сейчас принято много говорить о социальном государстве, а ведь он его построил еще в начале 90-х, в годы тотального дефицита. Никогда не забуду, как в редакцию из подмосковных хозяйств привозили творог, сметану, яйца, приходили машины с мясом — так на борту и рубили, взвешивали, продавали. Постоянные распродажи одежды, обуви, посуды, постельного белья. Достаточно было написать заявление руководителю своего отдела и пусть не сразу, но ты обязательно получал необходимую вещь.

Надо заметить, что это не было привилегией руководства: шоферы, машинистки, уборщицы — любой мог обратиться с просьбой. На черноморском побережье строились коттеджи для отдыха сотрудников с семьями. Первые поездки за границу для многих из нас тоже стали реальностью благодаря работе в еженедельнике.

Вспомнила одну забавную историю. Как-то в редакцию пришло приглашение из японской газеты «Асахи». После нашего водворения на почетное место в книге Гиннеса таких приглашений из-за рубежа было много. Собралась редколлегия распределять ближайшие поездки. Кандидатуры обговаривались заранее, и по сценарию кто-то предлагал фамилию, а все остальные дружно одобряли выбор.

Так вот в Японию решили отправить редактора отдела здоровья и фотографа. Я же предложила свою кандидатуру, так как в ближайшее время мы собирались переходить с горячего набора на компьютеры, и я хотела посмотреть, как выпускают газету в самой технически продвинутой стране.

Сценарий распределения был нарушен и после затянувшейся паузы все по очереди стали говорить, что, дескать, работаю я недавно, многомиллионная аудитория — не моя заслуга... В общем сначала

едут ветераны, а потом новобранцы. Я молчала — молчал и главный. И вдруг из уст одного «полиглота» прозвучала такая фраза: «Да и вообще, ты же японского языка не знаешь». Вот уж чего я точно не знала, так это того, что наши фотографы и бывшие врачи в совершенстве владеют японским.

И тут Владислав Андреевич захохотал. Все, кто его знают, подтвердят — смеялся он так заразительно, что не присоединиться было невозможно. Непрерывный хохот всей редколлегии продолжался минут пять — у меня даже тушь на глазах потекла. Ну, в Японию я, конечно, не поехала, но следующая поездка за границу была моей, как главный и пообещал».

Тамара Виркунен, журналистка: «Игорь Моржаретто научил меня перед сдачей материала в номер обязательно внимательно его перечитывать. Как он меня этому научил? Сидим мы как-то на работе, и вдруг приходит Королева Нина Михайловна, зав. хозяйственным отделом. Она, пряча улыбку, протягивает Игорю его служебную записку. В ней написано: «Прошу предоставить мне сто метров сетки рабицы, я поставлю на своей даче забор, чтобы не видеть ничьих поганых рож». Записка была завизирована всеми нужными руководителями, в том числе и Старковым!».

Наталья Желнорова, журналист: «У нас появились первые деньги. Помню, я сделала большое интервью с писателем Валентином Распутиным. Выписываем ему гонорар, в ведомости проставили определенную сумму. Старков вызывает меня к себе: «Давай дадим ему двойной гонорар?» «Отлично», — отвечаю я. «А тройной?» — «А это еще лучше!». Когда вручала эти деньги Валентину Григорьевичу, он сказал, что за целую книжку получил денег в два раза меньше. (Но за книгу это было бесстыдно мало, просто грабеж автора!)

Хочу отдельно сказать о Тамаре Васильевне, о Томочке, о «птичке» — такое ласковое прозвище Фатеевой дал своей секретарше Старков. «Нельзя объять необъятное» — это не о ней. Звонившие в редак-

цию читатели, те, кто добивался контакта с главным редактором, сразу попадали к ней. И уже ей изливали свою душу, она внимала, сочувствовала каждому и даже сверх своих сил старалась помочь человеку.

Коротко излагала суть просьбы на бумаге и шла с ней к шефу. Он пытался отмахиваться, так как невозможно было одной редакции решить беды всей страны, но Томочка приходила еще и еще раз. И шеф сдавался! И делал что-то запредельное для неизвестного читателя из Норильска, или из Липецка, или из Кашина, а на подходе были уже другие «Томины ходоки». Мы старались помочь всем. И бесплатной подпиской для сотен читателей, иногда и деньгами (сбрасывались коллективом), если человеку требовались дорогостоящие лекарства, либо он потерял билет для выезда из Москвы. Обманывали ли нас эти просители? Не исключено. Но это была уже другая история — не наша».

Виктор Перушкин, журналист: «Старков послал меня в Дагомыс, хотя материал ему, по-моему, не особо был нужен. Да и что можно написать о Дагомысе, курортном городе? Но меня там поразили шквал перемен, изменения в жизни людей. По отелю ходили бандиты, и на этом фоне я увидел небольшую стайку лошадей, которая в помойках искала еду.

Старков был поражен: «Как ты это заметил? Это главное в твоем материале, потому что этими лошадями ты отразил нынешнюю ситуацию». У меня же нет журналистского образования, мне приходилось учиться на ходу и благодаря этим «тычкам» что-то получалось. Он научил меня видеть хороший материал, цеплять эпизоды».

Наталья Бояркина, журналист: «Пришла я работать в «АиФ» и ровно через три дня Старков отправил меня в командировку. И не куда-нибудь, а в Буденовск. Как раз накануне случились эти ужасные трагические события, когда чеченские боевики захватили больницу с детьми в качестве заложников. Поехала я не одна, а с Виктором Перушкиным, он тогда возглавлял в газете отдел по борьбе

с криминалом. Приехали мы в этот городок, который на самом деле был наполнен ужасом. И ужасом не от того, что творилось в самой больнице, где захватили заложников, хотя это само по себе кошмарно. Мы пришли в ужас от того, как вели себя наши солдаты.

Во-первых, они были все полупьяными либо совсем пьяными. Они, например, мне кричали: «Девушка, девушка! Иди сюда в БТР, за это мы дадим тебе стрельнуть! Разве ты не хочешь стрельнуть?» По городу валялись патроны, какое-то оружие... И все это никого не волновало. Я помню рассказ моего отца (он был комбригом морской воинской части) о том, как строго с них спрашивали, если у них пропал ОДИН патрон! Так весь город «стоял на ушах», чтобы найти его. Это было ЧП. А здесь, пожалуйста, бери — не хочу. Какой-нибудь ребенок мог наступить на мину, его могло убить! Но это никого не трогало! В общем, кошмар.

Мы с Виктором Перушкиным вернулись из этой командировки героями, так как давали оттуда замечательные репортажи. Мы же с ним в самое пекло войны влезли, прошли в эту самую больницу, после того, как вывели оттуда заложников. Страшное было зрелище, потому что, во-первых, стоял жуткий запах, на стенах — перья вперемежку с запекшимися мозгами, там расстреливали людей. Почему перья? Потому что прикладывали к голове приговоренного подушку, сквозь нее стреляли, и пух с мозгами разлетался во все стороны.

И вот когда мы Старкову все это рассказали, он очень долго молчал, видимо, осмысливая это, а потом сказал: «Прости меня, что я туда тебя послал. Я не знал, что у тебя маленький ребенок». Моей дочери тогда еще и пяти лет не было.

«Если бы я знал!» — так он «убивался». А я ему говорила, что мне даже в голову не пришло отказаться от этой командировки, и даже подумать, что там со мной может что-то случиться. Старков меня этим потряс. «Прости меня», — сказал главный редактор девочке, которая работала ровно три дня. Это один из самых ярких эпизодов моих взаимоотношений с главным».

Выдержка из интервью **В. Старкова** корреспонденту журнала «Журналист»:

— Что, по-вашему, плохого в старой России?

— Ничего плохого тут нет. Просто вспомнился монолог одного очень честного генерал-губернатора из второго тома «Мертвых душ» Гоголя. Приехал он в подлежащий его попечению «округ» и ужаснулся той коррупции, которую увидел. И тому, как все это там у них прилажено, на разных-то этажах власти...

И вот произносит он душераздирающий монолог: мол, пора нам спасать нашу землю, гибнет она не от нашествия врагов, а от нас самих! «И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в своих действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда...»

— Покуда сам человек не сделает что-то со своей омертвевшей душой, не вспомнит свой долг.

— Мне кажется, Гоголь сжег свой второй том еще и потому, что, ужаснувшись происходящему в России, никакого выхода, кроме веры в Бога и упования на совесть каждого человека, предложить не мог.

— Какой выход?

— Думаю, выхода из этой ситуации просто нет. Коррупция и проституция, сколько с ними ни борись, живучи. Как говорили уже советские классики Ильф и Петров, показавшие тот же тип Чичикова–Бендера, правда, в совершенно новых условиях: «Пока в стране ходят денежные знаки, все равно их у кого-то будет много».

Кстати, почему коммунисты хотели их отменить? Да чтобы бороться с коррупцией! Проституцию они тоже в подполье загнали, вместе с ней в стране «исчез» даже секс. Но коррупцию победить им не удалось. Правильно Гоголь уповал на Бога, потому что ни на кого другого уповать здесь невозможно. Государство будет вечно бороться с коррупцией, с проституцией и со второй древнейшей профессией человечества — журналистикой. Есть несколько зол, в их числе и демократия, без которых общество функционировать не может. Тем

не менее, и с мафией, и с коррупцией надо бороться для того, чтобы удерживать их в жестких рамках, чтобы уровень этого зла не превышал черту, за которой перерождается и человек, и общество.

ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ...

Замкнутый мир отношений
Всюду сопутствует нам.
Часто для «новых свершений»
Жизнь мы ввергаем в бедлам...
В.С.

Справка: Когда у редакции появились первые устойчивые прибыли, Старков посчитал совершенно естественным и нужным поделиться ими и со своими друзьями, пригласив их на работу в «АиФ».

Правы те, кто считает, что большие несчастья происходят от малых причин. Постепенно, возможно, даже неосознанно, Старкова стали рвать на части две силы. Одна — это его друзья, требовавшие все большего к себе внимания, чтобы побыстрее утвердиться в новом коллективе. Вторая сила — собственно журналисты, которые никак не хотели понять, зачем Старков принял на работу столько своих друзей, по их мнению, не разбиравшихся в газетных делах. Собственно говоря, это стало миной замедленного действия, заложенной самим шефом и ждущей своего необозначенного пока часа.

Анатолий Мамцис, друг: «В 90-х годах в Академии наук, где я работал, наступили жуткие времена, прекратилось финансирование, не поступали реактивы. А химику без них нет никакой жизни. Моя зарплата в те времена была 450 рублей, а в лавках ничего не было, пустые полки. А в коммерческих магазинах 1 кг колбасы стоил 250 р.

Ну как можно было жить?! Кто-то переводил, кто-то писал рефераты, все занимались своими делами. Кто как мог — так и выживал.

Глядя на всю эту картину, Старков мне говорит: «Давай, приходи к нам, мы что-нибудь придумаем». И в начале 1992-го я решился бросить свою химию. И благодаря его поддержке пришел в редакцию, которая в то время уже находилась на улице Мясницкой. А когда получил свою первую зарплату, несколько тысяч рублей сразу, у меня было такое впечатление, что я к кому-то залез в карман. Было ощущение, что я пришел на все готовое, и мне деньги стали сыпаться в буквальном смысле — там были квартальные и полугодовые премии. Полная смена декорации. А в то время сотрудники Академии протягивали ноги.

Наши дружеские отношения не влияли на работу. Он был удивительно требовательным человеком. С друзей спрашивал гораздо больше, чем с остальных сотрудников. Никаких поблажек не делал, был очень строг».

Дмитрий Макаров, журналист: «Где-то в 92-м, кажется, Владислав Андреевич бросил среди нас очень мудрый, очень правильный клич: редакция расширяется. Нам нужны шоферы, бухгалтеры, повара, завхозы, рекламщики. Если среди ваших родственников, друзей и знакомых есть такие, тащите их к нам, ваша рекомендация — это самое важное для приема на работу в «АиФ».

Естественно, в те безработные времена у каждого были такие люди. Мы приводили их, и практически все они получали работу. Естественно, первым, кто откликнулся на этот клич, был сам Владислав Андреевич. Многие его друзья и родственники получили работу. Но дальше началось грустное. Те сотрудники, которых приводил не Владислав Андреевич, оказывались непригодными, и их заменяли на тех, кого рекомендовал он или его друзья.

Довольно быстро все поняли, что будет лучше, если человек, которого ты знаешь и доверяешь, придет в редакцию наниматься на вакантную должность сам, без всякой рекомендации, и тогда у Вла-

дислава Андреевича не будет повода для ревности, что твой человек занимает, скажем, место вахтера. В итоге этих кадровых перетасовок все его ростовские друзья у нас благополучно «трудоустроились».

Галина Волчек, актриса, режиссер: «Могла бы я взять на работу «своих» людей, как это делал он? Могла бы, но только в том случае, если это кровно необходимо театру. Дело для меня — превыше всего. Из-за этого я иду на конфликты даже с близким людьми. Они чего-то хотят, просят, чуть ли не требуют. Но я непреклонна».

Елена Старкова, дочь: «Окружающие отца люди были очень близки ему. Многие были из его детства, из его юношества, когда была тотальная свобода. Они вместе ловили и ели раков на берегу Дона, пили пиво или ходили на рынок, пробовали у каждого по яблочку, по огурчику или по ложечке творожку, когда есть было нечего. Такое тогда у них было веселье.

У многих бывают друзья на какой-то период. Друзья детства, например, иногда встречаются, вспоминают, а потом снова расходятся каждый в свою взрослую жизнь. У отца же они тянулись за ним по всей жизни. Это связано с тем, что он не мог открыться кому-то новому, а тем людям мог. Им даже открываться не надо было. Он их вел в интеллектуальном плане до последних дней своей жизни. Папа был эрудирован настолько, что мог написать какую-нибудь энциклопедию.

Из круга бомонда у отца был друг Борис Павлов (недавно он скончался), его жена — писательница Людмила Петрушевская. Борис Дмитриевич всех знал, занимался фотографией, потом у него была галерея на Солянке. Бывая там, папа получал какую-то свободу, опыт, творческую раскрепощенность. Вообще, отец мог бы стать великим фотографом.

Еще у него был давний друг Анатолий Мамцис. Это фанатичный антикварщик. Он скрупулезно изучал и следил за всем, что происходило в искусстве. Его и папу объединяла любовь к Марии Каллас, трепетные встречи и разговоры об искусстве, походы в театры,

оперу. Мамцис с отцом часто спорил, а ведь было очень мало людей, которые с ним спорили. (Отцу как раз это и не нравилось).

У нас были такие ситуации: кто из друзей проходил испытание мною, те оставались с папой надолго. Потому что я в юности очень сильно «гнобила» людей, которые были рядом с отцом. Борис Павлов тоже прошел испытание мною. Они долгое время не общались. Потом он стал появляться у нас дома. Чего хочет — не понятно, опаздывает все время, тем самым раздражает моего папу. Засиживается до 2-3 часов ночи. Но потом мы с ним подружились.

Однажды я очень сильно рассердила папу. Целовалась в 13 лет с мальчиком, мама увидела, рассказала папе. Он в два часа ночи пришел ко мне в комнату, содрал с меня одеяло, обозвал меня б... и ударил по лицу. Потом вытащил все вещи из моих шкафов, увидел там беспорядок, еще больше разозлился. А в шесть утра я ушла из дома. Он со мной не разговаривал два дня, а через две недели просил прощения: «Скушай яблочко, очень вкусное». Потом это повлияло на мои отношения с мужчинами и на отношение к самой себе. Если тебя с мальчиком увидели, значит, ты плохая».

Наталья Желнорова, журналист: «Заходит ко мне Владислав Андреевич, плотно закрывает дверь, чтобы секретарша ничего не услышала, и говорит: «Знаешь, я вчера дочку по щекам отхлестал. Утром она собралась и куда-то ушла из дома. Что делать?» В редакции я считалась опытной матерью, так как имела двоих детей. «За что?» — «Она заперлась в комнате с мальчиком и на мамины стуки-призывы не отвечала. Что теперь делать?» — «Да ничего не делать, вы — отец и имеете право, если дочка этого заслужила». Он ушел как будто успокоенный, потому что до меня его друзья ему говорили: «Как ты посмел руку поднять на дочь?!»

Владимир Суичмезов, друг: «Встреча «аифовцев» с послом США Джоном Мэтлоком проходила еще до приезда Солженицына на Родину. Мэтлок нагрянул всей семьей: жена, симпатичная, простоватая на

вид женщина, и сын с красивой русской невестой. Журналисты потом шутили: «Интересно, в каком звании эта невеста у себя на Лубянке?»

Старков мастерски выстраивал наш общий разговор с дипломатом, было интересно и почти по-домашнему уютно. Речь шла и о Солженицыне, тогда еще жителе Вермонта. В разгар беседы в кабинет Главного вошла с огромным подносом наша маленькая Тамара Васильевна. Иногда почему-то очень ярко запоминаются совершенно пустяковые детали важного события. Румяная от волнения Томочка осторожно поставила на стол поднос, и все присутствующие в наступившей тишине напряженно следили за ее неуверенными манипуляциями с чашками, ложками и блюдцами».

«Картина маслом»: в гостях был сам Мэтлок, а «допросить» его некому. За столом приема сидят друзья, которые не очень понимают, кто у них «в руках» и сколько нового можно выведать у этого человека. А Мэтлок со своей семьей напряженно ожидает, как его будут донимать журналисты самой массовой газеты мира! Но вместо этого — тягучая беседа, ничем не запоминающаяся ОБЕИМ сторонам! Через час посол с семьей уйдет, а друзья будут вспоминать только дрожащие руки нашей любимой Томочки.

КАПИТАЛИЗМ РАЗБУШЕВЛСЯ...

Чем старше, тем мы глубже понимаем,
Чем было это наше бытие.
И часто с сожаленьем вспоминаем,
Что были мы какие-то не те.

В.С.

Справка: Бурные 90-е наложили свой отпечаток и на газету, и на его главного редактора. Появились новые темы — опаснее многих старых. Это и оргпреступность, и криминальные игры любителей госсобствен-

ности. Свобода слова стала костью в горле для тех, кого она «доставала». Складывалось такое впечатление, что демократия прививается российскому обществу для покрытия воровства, а гласность — для выплеска внутренней агрессии и вливания в наши устои зла.

Реклама вошла и прочно поселилась на страницах газет и журналов. Она стала гранд-дамой. Ради нее снимались материалы, она считалась «святым делом». Революционный романтизм сменила мудрая осторожность. Сильные мира сего перестали воспринимать советы творческой интеллигенции. Они находили какие-то другие пути, чтобы влиять на «четвертую власть». Все вернулось на круги своя. Но, вкусив независимости и свободного полета, творческая душа начала задыхаться. Газетная правда все чаще становилась криком вопиющего в пустыне. Даже двужильные люди ощущают в такой период предел своей прочности. И это чувствовалось в каждом человеке, отражалось в его письме...

Татьяна Жильчук, читательница: «Прочитали вашу статью «Не понимаю!» несколько раз, и от имени всех бедных, униженных и обманутых благодарим и сообщаем, что вы все точно написали. А если бы еще дали почитать это нашему президенту, может, он понял бы, как все нас допекло. Может, хоть что-то изменится в этой стране, даже не хочется писать «в нашей» — она давно уже не наша, а «ихняя».

Неужели мы обречены терпеть все это бесконечно? Правильно вы пишете — почему никто не отвечает за свои действия? Когда нам вернут все, что у нас отобрали? Я работаю в бюджетной сфере и надеюсь (глупо, конечно), что у властьимущих проснется совесть наконец-то, и они выплатят своим (а не чужим) людям все долги. Спасибо за народную газету, за защиту прав простых бедных людей. г. Воркута»

Мартьянова Т., читательница: «Читаю только «АиФ» из центральной прессы — как самую честную газету, откликающуюся на самые злободневные события. У нас своя беда: нас обобрал Мавроди.

Почему мы ему поверили? Да потому что его реклама не сползала с экранов телевизоров. Как мы могли подумать, что Мавроди с государством и прессой заодно? Что делать? Помогите! г. Иваново».

Фазылова Г. С., читательница: «Я подписываюсь сейчас только на одну газету — вашу «АиФ», так как остальные редакторы в погонях за прибылью забыли о качестве своих изданий. А ваша, напротив, с каждым номером становится все привлекательнее, видимо, потому, что В. Старков регулярно контактирует с читателями. г. Прокопьевск Кемеровской обл.»

Людмила Седакова, читатель: «Торопясь на работу, я подбежала к киоску за газетой «Аргументы и факты». Продавщица протянула ее со словами, что это последняя, и вдруг чья-то рука перехватывает мою газету. Возмущенная, я тяну ее к себе, пожилой человек — к себе, и мы чуть ли не рвем ваш еженедельник, а он был еще тоненький, не такой, как сейчас.

Продавщица попросила меня уступить газету пожилому человеку, но увидев, что я расстроилась, она сказала мужчине: «Как прочитаете — дайте «АиФ» девушке. Где вы работаете? Ах, медсестрой в этой поликлинике, тем более, вам принесут, вас же легко найти...» Так она попыталась нас примирить. Я уступила, разумеется, без всякой надежды увидеть этот номер. А через пару дней приходит симпатичный парень, крепкий такой, невысокого роста, и передает мне газету «от папы».

Так мы с Гришей и познакомились, вначале просто общались, обсуждали все ваши статьи, и не заметили, как полюбили друг друга. А мой свекор потом выписывал вашу газету даже тогда, когда денег в семье почти совсем не было. Все задерживали. И наши зарплаты, и их пенсии. Но для него и для нас она была как глоток свежего воздуха, чтоб не умереть от удушья — обиды за все, что нам приходится переносить. Ему кажется, что пока есть такие люди, как Старков и его смелые журналисты, еще не все пропало, еще можно как-то жить.

Потому что кто-то там, в Москве, борется за наш народ. С большой благодарностью к вам — и за наше семейное счастье, и за ваш гражданский подвиг. Магнитогорск Челябинской области».

Людмила Новикова, журналист: «А как мы «Современнику» в период кризисов материально помогали! И Пугачеву в кризисе не раз финансово поддержали. Мы тогда к ней в гости ездили, водочку пили, огурчиками закусывали. Старков ее учил: «Алла, ты должна выступать всегда в черном строгом платье». Алла Борисовна слушала его, но наряды свои не меняла».

Елена Коренева, подруга: «Я удивлялась тому, как он умел предсказывать ситуации во всем и в вопросах моей личной жизни. Он всегда заинтересованно относился к строительству. И в тот самый день, когда я начала работать, он предсказывал, сколько будет стоить недвижимость, как люди будут реагировать на эти цены, и как будет реагировать рынок».

Из интервью **В.Старкова** корреспонденту журнала «Журналист» Ирине Карпенко:

— И все же без политики прессе — как без воды… Сегодня много говорят о национальных интересах России. Хотя это и раньше декларировалось, вот только во властных структурах больше заботились о своем кармане. Вы верите в перемены?

— Я верю в перемену, которая произошла в начале девяностых годов. Она реально произошла, мы с вами стали жить совершенно в ином государстве. Да, оно с гигантскими недостатками, их тьма: появились бомжи, нищие, появилось бедное население, «лежат» многие заводы... Но есть ведь и другие перемены — хорошие, и сердцевина перемен, мне кажется, здоровая. А насчет личных интересов... Если вы будете соблюдать свой личный интерес, если я буду делать то же самое, так обществу от этого только лучше будет. Ведь счастливое государство образуется только из счастливых людей.

А о том, как способствовать мировой революции или химизировать всю страну, дабы залить удобрением необъятные просторы нашей родины, мы уже заботились и просторы заливали. Чем это кончилось — известно. Теперь стало понятнее, что личные интересы каждого, в конце концов, представляют интерес страны в целом.

— А если наши олигархи не поумнеют? И как нам поддержать культуру и когда талантливые люди смогут, наконец, работать?

— Я за то, чтобы поддерживать таланты, но только подлинные, а не содержать многотысячные союзы творцов, где творцов единицы. И не стоит все время на государство оглядываться. «АиФ», например, помогает художникам, причем реально. «Современник» на гастроли возили, Владимиру Викторовичу Васильеву и Олегу Павловичу Табакову помогли осуществить постановки. Мы вообще завсегдатаи «Табакерки». И к Театру на Таганке неравнодушны. Видите, мы помогаем избирательно, не всем подряд. И нищим, и сирым тоже помогаем. Но все просьбы, которые к нам поступают, сначала проверяем.

Юлия Кузнецова, жена: «Конечно, когда он понял, что «Аргументы» развиваются, имеют высокие прибыли, то посчитал, что имеет право наслаждаться жизнью. Наслаждением для него была прекрасная музыка, красивые путешествия с компанией друзей, вкусная еда, какие-то новые открытия...

Мы съездили даже в Японию. Ах, как там было интересно! Японцы очень хотели, чтобы наши журналисты, особенно демократы, побывали у них. Тогда были бесконечные разговоры о Курильских островах. Они говорили, что им нужны свои агенты влияния и приглашали в свою страну людей, которых хотели видеть своими сторонниками, в их числе оказался и Владислав. Но он сказал: «Без жены не поеду». Естественно, мне тоже очень хотелось поехать в Японию, да у всех у нас было такое желание. Тогда японцы пригласили и меня.

Ездили мы не только в Токио, но и в Киото, причем на монорельсовом поезде. Владислав смотрел в окно и удивленно говорил японцам: «Посмотрите, какие у вас пространства! Зачем вам эти Курилы? Мы-то думали, что Япония перенаселена». Японцы отвечали: «Нам из принципа нужны Курилы, а жить мы там никогда не будем, потому что любим жить в комфортных условиях».

Тогда мы еще не видели таких роскошных отелей. Первый раз приехали и сразу в 6-звездочный отель, где все японцы кланяются. Номера необыкновенные. И все это японцы сами оплачивали. Потом было много разных поездок. Владислав очень любил путешествия, они помогали ему расширять свои представления о мире».

ПАТРИАРХ СМИ

Насколько мелок, подл и мрачен мир,
Как он бурлит в огне греховной страсти.
Здесь каждый день меняется кумир.
И каждый день здесь новые напасти.

В.С.

Справка: Журналистам Старков давал такие заветы: надо любить своего читателя и перестать заниматься самовыражением. Хочешь заниматься самовыражением, рисуй картины, облака, но не занимайся таким прагматичным делом, как журналистика. И еще: идя на поводу у читателя, тяни все-таки его за собой. Хоть на шажок, а будь впереди.

От Старкова исходила сила, заставляющая людей подчиняться ему. И уже много позже ты осознавал, что он был противоречив, непостоянен, бесконечно влюблялся в людей, а потом — отворачивался от них, во многом он был, как и мы, несовершенен, но это была яркая, запоминающаяся личность. Первую часть нашей совместной жизни он для многих из нас был непререкаемым авторитетом и даже кумиром. Библия это запрещает. «Не сотвори себе куми-

ра», — внушает нам православие. (Возможно, мы и поплатились в дальнейшем за то, что забывали об этой мудрости).

Андрей Угланов, журналист, главный редактор: «Март 1992 года. Денег в редакции нет. То, что получили за подписку — обесценивается каждый день. Но «кровавый» режим Ельцина — Хасбулатова был совсем не заинтересован во всеобщей гибели свободной прессы. Редакции могли просить деньги у Власти без каких-либо обязательств со своей стороны. Так решили поступить и мы.

Я предложил Самому написать «жалостливое» письмо председателю Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатову. Мол, дайте денег, а не то самой главной газете в стране — конец. А главная она потому, что в ней работают аж пять народных депутатов РСФСР — случай для Книги рекордов тов. Гиннесса. (Хорошее было когда-то чтиво!)

Болванка письма появилась быстро. Оставалось поставить цифру, которую мы хотели попросить. Сам написал — 100 миллионов рублей. Уже не помню, сколько это было по тому курсу в долларовом эквиваленте. Но меня эта цифра не впечатлила. Я предлагал — 300. На что хозяин назвал меня не совсем умным человеком. Но я Телец, упрямец, и те несколько дней, что оставались до визита к г-ну Хасбулатову, твердил свое — 300, и точка! Больше просишь — дадут половину, а это все равно не 100, а 150! Видимо, я все же утомил его своей жадностью и нахальством, и в последнем варианте письма появилась сумма — 300 млн. рублей. Именно такие деньги могли спасти «отца демократии» — «АиФ».

И вот настал долгожданный час — 13.00. Начальники депутатов, бывшие советские голодранцы, уже обзавелись царскими кабинетами, ковровыми дорожками, охраной, секретарями и еще неизвестно чем. Но Старков был весьма авторитетным журналистом, и мы без задержек миновали коридоры, ковровые дорожки и двойные двери, отделяющие приемную Хасбулатова от его огромнейшего кабинета.

Когда мы вошли, то оказались в приторно-сладкой атмосфере табачного дыма. Хасбулатов не выпускал изо рта трубку. Говорили даже, что он курит опиум, но доказательств тому не было — лишь его немигающий наркоманский взгляд и медленно-тягучая речь. Мы же посчитали, если слухи и правдивы — нам это только на руку.

Хасбулатов предложил сесть и выслушал долгий рассказ Самого о трудностях. Но говорил Сам очень мягко. Поэтому я, словно с шилом в одном месте, вставлял свои реплики об ужасах издания газеты, дороговизне бумаги и умирании последней ниточки между Съездом и всей страной. Хасбулатов пускал клубы дыма, явно желая походить на Сталина, и, в конце концов, спросил: «А бумага-то с прошением у нас есть?» «Бумагу», разумеется, нес я и тут же достал ее, ощущая, что цифра 300 разгорается в ней ярким пламенем. С каждой секундой мне все больше становилось стыдно за свою смелость. С укоризной, безнадежно-обреченно Сам поглядывал на меня.

Хасбулатов все так же молча взял у меня бумагу, усиленно засосал трубку, нашарил на столе ручку и написал: «Минфину. Поддерживаю. Хасбулатов».

За одну секунду газета была спасена от многих невзгод. По нынешним временам за такое от нас потребовали бы какие-то проценты, и мы были бы им рады. А тогда — даже не выпили за успех. Порадовались и с головой ушли в другие события и приключения того невероятно прекрасного времени».

А вот что писала российская печать о нашей газете и ее флагмане — Старкове:

«Последний патриарх советской прессы

Топ-менеджеры «Аргументов и фактов» большей частью люди неординарные. Но дух и атмосферу издательского дома фактически задает один человек. Понять, а вернее, принять это — удается не каждому. Издание демократично по стилю и взглядам, однако в редакции царит суровая дисциплина. Здесь еженедельно проходят общие редакционные летучки. И каждый может высказаться и быть услышанным.

«АиФ» противоречив, как восточный базар. Вроде свобода, но четко регулируемая. Редактор собрал самобытную команду, но его авторитет непререкаем. Не исключено, что тирания в разумных границах и позволила не только создать уникальный еженедельник. Владислав Старков, резюмируя каждую эпоху истории компании, повторяет: «Надо работать!» В редакции существует негласное правило — в каждом номере должна быть «бомба».

Самоотдача и отношение к работе в «АиФ» ставятся превыше всего. Никаких церквей, детей и кухонь.

Таблоид или влиятельное издание

Чудовищная интуиция редактора и редакции позволяли подсознательно угадывать запросы читателей. Но подлинная революция для «АиФ» свершилась раньше. Первой из советских изданий газета получила «вольную» ЦК КПСС и акционировалась. Сегодня история превращения государственного издания в частное кажется невероятной. Старков говорит, что по кабинетам ходили, договаривались, но взяток не было». Вообще.

Примечательно, что «АиФ» не играл в демократические «штучки» — владельцами газеты стали только 27 творческих сотрудников редакции. Без техничек и вахтеров. Пакеты распределялись по жесткой схеме: стаж в газете, текущая зарплата. Самый крупный, 17%, как и следовало ожидать, достался главному редактору.

Антикризисное управление

Колоссальный тираж обещал соответствующие доходы, но он же чуть не затянул издание в могилу. СССР развалился, гиперинфляция захлестнула страну. Типографии, почта, бумажные комбинаты чуть ли не еженедельно поднимали цены. Плюс хронические неплатежи Союзпечати. Никакие рекламные доходы не покрывали убытки.

Стоит отдать должное новым российским властям. В этот страшный момент Верховный Совет России начал выделение помощи ведущим СМИ. «АиФ» получил 300 тыс. рублей. Недруги говорят: чтобы спасти дотации от обесценивания, редакция их конвертировала и перевела на зарубежные счета. Потом, по мере надобности, возвращала в страну. Владислав Старков уверяет, что это ложь. По его словам, на всю сумму закупили газетную бумагу — благодаря этому «АиФ» удавалось несколько месяцев сдерживать отпускную цену издания.

Приблизительно в то же время началась диверсификация бизнеса: появились первые приложения. Когда затрещала по швам Союзпечать, акционеры решили создать собственную службу распространения. За год служба разрослась до 37 человек, а позже был открыт собственный каталог распространения».

Олег Желтов, распространитель: «Он сам точно не мог объяснить, почему надо делать так, а не иначе. И почему в результате это оказалось именно так. Мне он говорил, когда я каких-то сотрудников к нему приводил, что вот этот — хороший, а вот тот — «редиска». А месяца через два выяснялось, что он был прав. Он был физиономист. Один раз понаблюдал за человеком в течение пяти минут и четко определял — «правильный пацан» или нет».

Геннадий Ариевич, журналист: «Наш главный хорошо разбирался в людях и умел использовать для дела как их сильные, так и слабые стороны. Естественно, это умение служило ему подспорьем в подборе своего окружения. В нем, к сожалению, преобладал ревнивый принцип личной преданности.

Старков не любил ломиться против течения. Зато умел терпеливо и долго ждать. Как кот у мышиной норки, по его собственному выражению. И вожделенная мышка почти обязательно, рано или поздно, появлялась. И тут ее... Так он дождался признания, тиражей, славы, почета — богатства, наконец».

Глава пятая

ЭСТЕТ И МЕЦЕНАТ

Тебя назвал Он просто — человек,
А ты к нему сонм ярлыков приклеил:
«Богема», «соль земли», «интеллигент» —
И сам во все это кликушество поверил.
В.С.

Справка: Обычно в редакции не отмечали никаких своих годовщин. Сообщали читателям, что «АиФу» исполнилось 5 или10 лет и все: наши праздники — в буднях. Но неожиданно Старков решил совместить очередной 15-летний юбилей с выходом новой книги Андрея Вознесенского и устроить все это с большой помпой.

Видимо, наступает такой момент, когда жадно хочется каких-то иных признаний. В том смысле, что читательской любви «наелись», своих Марьванн полезной информацией «накормили», а теперь заслужили что-то особенное, светское. Для этой цели было выбрано место сбора у актера Арчила Гомиашвили, лихо сыгравшего Остапа Бендера и решившего закрепить свой успех созданием ресторана «Золотой Остап».

Наталья Желнорова: «В назначенный час туда было приглашено огромное количество богемного народа. На один квадратный метр приходилось по три человека! «Где разместятся люди? Мы сорвем все мероприятие!» — И здесь Старков раскрыл свои карты: «Все СМИ

с ума сойдут от зависти (а они тоже приглашены), когда поймут, сколько звезд захотело приехать к нам! Будет форменная давка, но нам же это и надо! Пусть они не поедят, как хотели бы, пусть они друг другу отдавят ноги, пусть толкаются задницами, но они точно запомнят, как все любят АиФ!»

*Наши коллеги из «**Московских новостей**» вот как оценили «старковскую шутку»:*

«В Крещенский вечерок поэт Андрей Вознесенский представил свое новое творение «Гадание по книге», в очередной раз доказав, что в наступившей эпохе mass media ему нет равных. Где еще можно встретить представителей высших эшелонов всех профсоюзов — от окружения президента до попсы? Егор Тимурович и Алла Борисовна, Костиков и Яковлев А. Н., Табаков и Виктюк, Громов в штатском и Алибасов в форме, не говоря уж обо всех без исключения громких писательских именах… И, заметьте, пришли все, никто не сказался больным. Для полного соблюдения статусности не хватало лишь высших церковных чинов, да они, видно, в этот вечер все-таки были заняты другим.

В тесном, но уютном зале ресторана «У золотого Остапа» гости подолгу (как сказал бы Жванецкий, «подолгу времени, а не по долгу службы) деликатно отворачивались от густо накрытых столов и тянули шеи, чтобы через головы впереди стоящих все-таки увидеть новую книгу. Итак: издана в Финляндии, обложка с магнитом, к которому прикреплены кости. Бросишь кости, прочтешь строку в книге — вот и судьба твоя «по Вознесенскому».

Отпечатана эта роскошь в рекордные сроки — со дня подачи рукописи до выхода сигнала прошло два месяца, в чем немалая заслуга издателя — редактора «Аргументов и фактов» Владислава Старкова.

Неловкость, ощущавшаяся в начале вечера (каждый из приглашенных мог претендовать на то, чтобы быть его украшением, и слишком большое количество персонажей, привыкших, чтобы глазели именно на них, не были готовы к роли глазеющих), совершенно растворилась к его концу, когда начались танцы и подали поросенка.

Владислав Старков назвал Вознесенского воплощением сказки про Золушку в мужском варианте — сами видите, сколько принцев обоего пола сбежалось на

бал. В проведенном г-ном Якубовичем аукционе первый экземпляр книги ушел за 3000 «зеленых». Обладателем раритета стал директор ресторана Арчил Гомиашвили». **(Елена Веселая)**

Галина Волчек, актриса, режиссер: «Однажды, незадолго до его кончины, я убегала в очередной раз со своего дня рождения. Вернее, улетала. Вхожу в самолет и вижу Старкова. Я летела с подругой в Париж. Мы поменялись местами, и я села рядом с ним. Обсудили все, никто нас не торопил, никто ему не звонил. Все было замечательно. И он говорит: «Я же знал, куда вы убегаете». «Вот видите, убежать не удалось», — отвечаю. Он летел в Париж по каким-то своим делам. Тогда я и говорю: «Раз уж так получилось, естественно, отмечать будем вместе. Мы с подругой думали, что пойдем в какой-нибудь красивый ресторан».

Я обратилась к Владиславу Андреевичу, мол, вы все тут знаете, у вас в Париже есть консультант Лариса. Попросите, пожалуйста, ее найти самый красивый, не помпезный ресторан, мы там посидим. Потом, когда я уже познакомилась с Ларисой, она рассказывала, как он ей говорил, какой это должен быть ресторан — чтобы там было красиво, и интеллигентно, и уютно, и художественно. И еще в самолете он стал выпытывать, какие на мне духи. Я ему сказала, что это новые духи, которые дала мне Даупканайте, хочу купить, но пока не знаю, где продаются. Так он нашел их и подарил мне!

А какой ошеломляющий ресторан нашли! Красивейший, весь в витринах, только что отремонтированный, почти на Елисейских полях. Он понимал, что я не «новый русский» и не бизнесмен — таких денег, чтобы платить за бутылку шампанского по 1000 долларов, у меня нет. Он заставил Ларису объездить весь Париж и найти то, что нужно. Иными словами, все учел. И это был такой замечательный вечер! Это все к тому, что неравнодушных людей немного, а если правду сказать, то очень мало. Его же неравнодушие проявлялось во всем.

В сообществе журналистов, редакторов, конечно же, у меня есть хорошие приятели, которым я симпатизирую, но такого друга, каким

был Старков, среди них нет. Так уж случилось. Может быть, еще и от географической близости — наши рабочие особняки находились рядом, на Чистых прудах.

А также меня трогало его трепетное отношение к культуре, искусству, театру. Оно было подлинное, особенное, проникновенное. Я не знаю людей, ему подобных. Он был не просто фанат, а истинный ценитель и поклонник искусства. Это редкий случай, чтобы в свое свободное время ехать на оперный фестиваль, когда его туда никто не зовет, а он сам этого хочет, без этого не может. И он часами мог об этом рассказывать. Он мог искренне восхищаться актерской работой, спектаклем, постановкой оперы. В нем была жива внутренняя энергия, которая и дала ему возможность создать не просто интересную газету, а — целую империю.

Она и сегодня является гордостью — «Аргументы и Факты» и те приложения, которые выходят под эгидой «АиФа». Меня восхищает и то, что он сумел собрать такую замечательную команду, которая была при нем. Сейчас я уже не знаю «АиФ» настолько близко, но все равно при созвучии этих двух слов испытываю, безусловно, какое-то родственное чувство. Но такого, которое было тогда, при Старкове, конечно же, нет.

Невозможно умолчать и о его жене. Юля — необыкновенна, это человек из несуществующего коммунизма. Абсолютно светлый человек, но он боролся за ее образ не только внутренний, который не нуждался в его корректировке, а за внешний. Как он покупал ей одежду! Никто так не будет относиться к покупке одежды, как Владислав Андреевич. В этом тоже его неравнодушное отношение к жизни, к людям. Оно проявлялось во всем. У него была такая патологическая любовь ко всему: и к живописи, и к музыке и к тому, кто его окружает.

Я как-то увидела Юлю и говорю: «Юля, какой на тебе красивый костюмчик и шарфик замечательный!» — «Это все Владик купил!» — отвечает она. Он покупал без нее, но так получалось, что все подходило: и размер, и цвет, и шарфик в тон. Вот это показатель неформального отношения ко всему, что он делал».

Авангард Леонтьев, актер: «Я прислушивался к нему, особенно в тех случаях, когда мне нужен был новый и неожиданный взгляд на меня, которым он мог что-то во мне раскрыть. Слушал я его рецензии на свои роли. Например, когда я вместо Олега Табакова срочным образом ввелся во время гастролей в Волгограде в знаменитый спектакль «Современника» «Балалайкин и компания». На спектакль с моим участием уже в Москве пришел Владик, и он был обескуражен. Он сидел в моей машине и был немножко подавлен моей игрой. Я спросил, почему. Он ответил: «Мне не понравился *фальцет*». Сказал одним словом и этим мне помог.

Действительно, я чрезмерным старанием в этой роли, от перехлеста темперамента залезал на голосовые верха, что с моим и так высоким голосом вообще маловыразительно и утомительно для слушателей. Нельзя на высоких нотах долго держаться. Поэтому я, подумав об этом, понизил голосовой регистр в этой роли, чем и улучшил ее. Одно слово он сказал, как режиссер. И таким образом, я считаю, он мне помог в этой роли.

Второй раз он отрезвил меня в моей работе над ролью Миши в спектакле «Мы едем, едем» в постановке Галины Волчек. У меня был какой-то кризисный период, Галина Борисовна билась со мной. Она считала, что я дозрею со временем. А Владик, когда посмотрел, с жестокой, безжалостной прямотой сказал мне, что это провал, что я играю «одной левой». Опять он использовал короткий образ. Он говорил, что я должен вспомнить все, чему учил меня Масальский. (Это был руководитель курса, на котором я учился в Школе-студии МХТ.) Владик говорил: «Ты должен вспомнить все и попробовать эту роль «оживить». Ты здесь играешь хуже всех». Я не обиделся, но очень собою огорчился. И с помощью Галины Волчек стал усиливать свою роль. Она мне даже сказала: «Ты Старкова не слушай. Сейчас уже все в порядке». Она боялась, что он выбьет меня из седла. Но я ему очень благодарен за эту прямоту.

Думаю, он был прям не только со мной. Это черта его характера, и это помогало людям, которые с ним общались. Его коллеги и дру-

зья были Владику интересны — каждый по-разному, каждый чем-то своим, и я думаю, что это было для него очень важно. Он был душевно щедрым. Мы, его друзья, не должны мерить и соизмерять себя с ним. Мне кажется, дружба равняет права людей и делает дорогими обе стороны».

Николай Зятьков, главный редактор: «Он мог купить лучший автомобиль «Мерседес» не себе, а редакции. Взять с собой своего помощника и сказать: «Я поеду путешествовать, а потом расскажу и опишу, как это все происходило». Ехал через Швецию в Норвегию, проезжал через Германию, Польшу, всю Европу. Все это он описал. Было интересно. И от этого он тоже получал удовольствие. И от самого путешествия, и от рассказа о нем, и от своего материала в газете. Словом, все мировые новинки ему хотелось опробовать на себе.

«Это интересно, надо ехать», — говорил он. И чаще всего отправлял в командировку не журналиста, а ехал сам. Хотя корреспондентов тоже отправлял в хорошие места: не жалел денег, премии давал. Это тоже черта Старкова: жил сам, получал удовольствие, но и давал жить другим. Одно время он был мягким, контактным человеком, очень любившим и наслаждения.

Иногда, правда, капризничал, привязывался по пустякам, интриговал, но в целом, по прошествии многих лет, видно — у него не было жажды самообогащения (у нас в конце концов была коммерческая структура)... Если ему хотелось прибавить себе зарплату, то он не намекал: «Дайте только мне», а говорил так: «Нам надо всем». Естественно, как лидер, он получал больше всех, но остальные тоже тянулись за ним.

В какой-то момент он решил купить себе дорогую квартиру в центре Москвы за счет редакции, тогда нам всем показалось, что это не корректно, не правильно. А потом мы поняли, что, как издатель, крупный акционер, главный руководитель коммерческого предприятия, он имел на это право. Тем более, когда со всех сторон посы-

пались примеры того, как никчемные «шишки» хватали себе без зазрения совести лучшие куски государственной собственности. Просто мы тогда были не готовы к этому.

По своему воспитанию мы были еще советскими людьми. А ему хотелось всего попробовать. Отчасти потому, что он любил новизну, отчасти — не исключаю, чтобы потом похвастаться перед кем-то из известных людей. Я, мол, это уже попробовал. Он мог проехать под Ла-Маншем, полетать на только что появившихся первых сверхзвуковых самолетах «Конкорд» по маршруту Америка-Европа. Он брал с собой своего зама Александра Мещерского, человека с хорошим знанием иностранных языков, который помогал в путешествии, делал его еще более комфортным».

Дмитрий Макаров, журналист: «Вызывает как-то Старков нас с Андреем Дорофеевым и говорит: «Поедете встречать Новый год в Нью-Йорк. И опишите, как там все происходит. Но обязательно сходите на «Пару Близнецов» в ресторан, пообедайте». Тогда я подумал: «Что это с шефом?». Ресторан этот ничего особенного из себя не представлял, но туда в джинсах не пускали. Я предложил Дорофееву, давай скажем, что были. А он: «Нет, надо идти». И вот мы, переодевшись, пришли. И уже посидев там, мы поняли — это была атмосфера вознесения, фантастической красоты. Словами не передать. Видимо, Владиславу Андреевичу было там так же хорошо, и он хотел, чтобы и мы испытали подобные чувства. Это дорогого стоит. Я оценил тогда широту души этого человека».

Юлия Кузнецова, жена: «Для мужа я всегда была фоном. А вообще он был внимательным, очень любил семью, ему нравилось меня наряжать. Одна наша знакомая зашла в мою гардеробную комнату и воскликнула: «Ой, как у тебя много вещей!» А ведь все, что там висит, купил Владик. Он был модным человеком, угадывал или понимал, что мне пойдет, все пытался довести до конца, даже ездил несколько раз со мною на примерку. Сам искал мне модельеров».

Виктория Андреянова, художник-модельер: «Концертный Зал «Россия». Прошел мой показ, за который я получила Золотой манекен. Антракт. Выхожу в зал. Во втором ряду сидит моя мама. Я ринулась к ней с цветами. Неловкое движение, и задеваю букетом мужчину в первом ряду. Охаю и извиняюсь, а он, проницательно глядя на меня, поздравляет с успехом и говорит, что его покорили линии в некоторых моделях и он желал бы связаться со мной, чтобы что-то из коллекции заказать для своей жены Юлии Федоровны. (Эта интеллигентная, очень мягкая и умная женщина потом станет талисманом моего Дома моды).

Та покорность, с которой я выслушивала Владислава Андреевича, когда он «сочинял» одежду для Юлии Федоровны, удивляла меня саму. Он требовал, чтобы я с ним спорила, но он всегда был прав. Ему все было интересно: фактуры тканей, технологии и процесс рождения эскизов. Я готовилась к каждому приходу Старкова. Его безупречный вкус сподвигал меня на создание особенных моделей, многие из которых положили начало целым коллекциям.

Он поднял мою «клиентскую» историю на очень высокий уровень. Эту планку стараюсь держать. Часто ловлю себя на вопросе: «А как бы сделал Старков?» Я всегда волновалась, когда знала, что вместе с женой и Владислав Андреевич приедет на примерку. Думала, какие он будет делать замечания». Наш дом шил и для мужчин. Юлия Федоровна как-то спросила меня: «Может быть, вы и для Владислава Андреевича что-нибудь сошьете?» «Нет, ни за что, что вы! Я его боюсь», — ответила я. Старков был современным мужчиной. Видел безошибочно, смотрел в корень, что кому идет, что где висит, не так поставлено».

ГДЕ ВАШЕ МАСТЕРСТВО, КОЛЛЕГИ?

Какая мощь, какой народ,
И сколь подвижнически люди
Стремились сохранить свой род
В борьбе с бедой житейской вьюги!
В.С.

Справка: Каждый день Старковым считывалось огромное количество информации из телепрограмм, из газет. Все это в уме перелопачивалось, отжималось самое интересное и в виде итога выдавалось своим коллегам, друзьям, близким.

Самое любопытное, что в газете сочетались две малосовместимые вещи: первая — что вижу, о том и пишу. Сколько мяса в чебуреках? Почему мыло столько стоит? Когда отнимут привилегии у депутатов? И тут же — высокий штиль: о лучших мировых премьерах, о Колчаке и Деникине, о рок-музыкантах и модных выставках. Газета вела себя, как обычный человек, которому ничего не чуждо, которому нужны и хлеб, и зрелища.

Андрей Дорофеев, художник: «Вспоминаю такой эпизод. Начало 90-х. Бум прессы. Люди жадно ловят любое новое, очищенное от старых идеологических догм слово. Читателей «АиФ» почти 30 миллионов. Но еще жив СССР. И много граждан старой закваски, которые не понимают, что происходит в стране. И среди них тоже большое количество читателей «АиФ». Это такой широкий слой консерваторов...

К чему я это вспомнил? Просто в это время в «АиФ» состоялась моя первая публикация. И была первая реакция на нее. Несколько мешков писем в редакцию от возмущенных читателей, с требованием наказать распоясавшегося художника. А опубликован был коллаж на одну из острых тем того времени — всеобщий дефицит. Сю-

жет простой — стоит символ женской красоты Боттичеллиевская Венера и прикрывает свою наготу советским рублем на фоне пустых прилавков. Вот такой сюрреализм.

Это очень возмутило бдительных читателей. Общую линию удачно сформулировал один бывший работник партаппарата, находящийся на заслуженном отдыхе: «Я возмущен, что какая-то голая девка, прикрывает свои срамные места СОВЕТСКИМ РУБЛЕМ!» Может быть, на этом бы и закончилось мое сотрудничество с редакцией, не будь во главе ее человека смелого, не боящегося идти вопреки общественному мнению. Владислав Андреевич ортодоксов не боялся. А смелые публикации ценил, и сам призывал искать новые темы. Естественно, посмеявшись над такой реакцией, он дал зеленый свет моим будущим работам.

Виктория Шкаровская, журналист: «Расскажу историю одной своей заметки в «АиФ». «Можно ли заразиться туберкулезом через библиотечные книги? Если, к примеру, до меня книгу читал больной?», — таким вопросом озадачила редакцию читательница «АиФ». Задание ответить на письмо получила я.

В ЦНИИ туберкулеза на этот вопрос, приняв его почему-то на счет собственной институтской библиотеки, ответили: мол, сотрудники библиотекой пользуются, и молоко за это им не выдают, и никто пока не заразился, а вот зато в Большом театре как-то брали пробы с перил и, между прочим, обнаружили палочку Коха в больших количествах.

Следующий звонок — в Госсанэпиднадзор. Милейший Аркадий Ясинский, в то время заместитель главного врача, вздохнув от «очередных неумных вопросов журналистов», тем не менее, с терпеливой иронией разъяснил, что заразиться от книги можно разве что таким образом: если один (больной, причем открытой формой туберкулеза) в нее плюнул, а следующий читатель сразу после него эту книгу облизал. Что касается перил, на которых якобы кишат палочки Коха, опять же, не лобызайте перила, не целуйте и не облизывайте, почаще мойте руки — и здоровы будете.

Обрадованная добытой фактурой, я сдала ее ведущему номера «вопрос-ответ» на последнюю полосу под заголовком «Не целуйте перила в Большом театре».

В понедельник, день подписания номера, вижу сверстанную полосу на стене в секретариате. Заголовок — «Не целуйте перила в метро». Почему метро, откуда? «Красную ручку видишь?» — ответственный секретарь достал из стопки на столе полосу с пометкой «для шефа» — Старков перечеркнул заголовок. «Мы его заменили и в тексте немного поправили». — «Но мне про пробы, взятые в метро, никто ничего не говорил, говорили про перила в Большом! Почему метро-то???» — «Во-первых, только в одну строку ставится теперь заголовок, а не в две. А во-вторых, ну, чего тут непонятного, придуриваешься, что ли? В метро шеф не ездит, а в Большой ходит регулярно». — «Пойду к Старкову, нельзя оставлять метро». — «Ты самоубийца? Нельзя трогать Большой — святое!»

Идти, конечно, было страшновато. Старков посмотрел поверх очков: «Ерунда какая-то, хочешь сказать, что в метро заразы меньше? В жизни не поверю». — «Я хочу сказать, что сотрудник ЦНИИ туберкулеза рассказал о пробах в театре, а про метро ни слова не было. А если мы от их имени напишем отсебятину, что в метро кишит туберкулез, и народ переполошим, и будем иметь дело и с ЦНИИ, и с Метрополитеном. А доказательств — нет. Тогда уж лучше совсем убрать все пассажи про перила», — разгоряченно предложила я.

Компромисс был достигнут за минуту. Убрали метро. Вернули театр. Но не стали уточнять, какой именно. И, опять же, заголовок в одну строку влез.

Потом, на обсуждении номера, за этот вопрос-ответ журналисты проголосовали как за лучший материал. В нем была информация из компетентных источников и при этом доступно и смешно изложено. Старков, вручая мне конверт с тысячей рублей, хитренько улыбался...».

Дмитрий Макаров, журналист: «Я занимался международными делами. Так он мне сказал, чтобы я еще взял на себя и межнациональные — Абхазия, Чечня и т. д. «Твоя главная задача, — говорил мне Владислав Андреевич, — писать репортажи из горячих точек». Очень тонко все чувствовал. Всегда говорил, что в материале надо давать позиции двух сторон. Объективность должна быть в балансе, чтобы люди могли прочитать и сами поняли, что там на самом деле происходит и у кого какая позиция.

Подкупало нас в нем и то, что он широко использовал наш коллективный разум. Например, Старков шел на серьезное мероприятие — на встречу с президентом или премьером. Он собирал «головастиков» в своем кабинете, и там происходил мозговой штурм. Все придумывали вопросы президенту, они читались вслух, можно было добавлять что-то свое.

Старков говорил: «Человек все время должен помнить, что он самый умный, нужно с ним советоваться, нужно слушать своих подчиненных. Ты обязан узнать их мнение. Это будет демократически. Ты спрашиваешь — значит, поднимаешь его самооценку. Стараешься сделать лучше». Высокоталантливых, абсолютно незаменимых нет, не ценят сейчас людей, а Старков мог человека «примерить туда-сюда», сообразно таланту, и определить ему его место.

Он много знал, много рассказывал. Он все понимал в музыке. В искусстве — купался. Мог найти ключ ко многим людям. Может быть, благодаря искусству. Ради дела мог найти и комплименты. Человек этот очень располагал к себе. Бывало, сначала он людей ругал, но потом поднимал, а некоторых даже высоко».

Наталья Желнорова, журналист: «Однажды мне пришлось брать интервью у Гавриила Попова. Он был ученым-экономистом и председателем московского правительства. На один из моих вопросов о том, почему так плохо исполняются их распоряжения, ответил, что, по его мнению, надо сотрудникам правительства давать по 15 процентов от каждой сделки, и тогда будет «дело в шляпе». Потрясенная

услышанным, я переспросила, серьезно ли он говорит? «Да, конечно», — уверенно ответил Попов. Когда я сделала этот материал и дала ему на визу, даже не сомневалась, что он уберет этот пассаж про 15 процентов. Ничего подобного.

Мы поставили это интервью на полосы, но уже в типографии, в полночь, перед самым подписанием номера Старков засомневался, посоветовался со своим первым замом Зятьковым, и они решили выкинуть этот кусок, как дискредитирующий известного демократа-ельциниста. Я была против.

Они меня убеждали, что это скандал, что это смерть Попову, что он не понял даже, что ляпнул. Но я стояла на своем: «Люди должны знать, кто ими управляет. Если у власти находится такой циник, законодательно мечтающий ввести коррупцию, значит, пусть у этой «инициативы» будет свое нарицательное имя — «поповщина». Сражались так, что задержали подписание номера, а учитывая, что тираж был больше 30 миллионов и во всех областных центрах, куда она доставлялась самолетом, нашу газету уже целый час ожидали типографии, то это было на уровне большого штрафа.

«Делайте, как хотите. Но если вы снимете этот кусок, я уйду с работы», — сказала я и уехала домой, где меня ждали двое детей, росших практически без моего присмотра. Утром взяла свежий номер и увидела, что 15 процентов от Попова светились там красным фонарем. Даже десять лет спустя люди вспоминали про это интервью! Позже шеф признался, что не спал всю ночь, боялся, что его после этого снимут. Но, слава Богу, вскоре сняли Гавриила Харитоновича. Этим я хочу сказать, что и Старкову с нами (со мной в большей степени), жить было непросто.

Или вот такой случай. Понадобилось нам сделать интервью с членом-корреспондентом Академии Наук, талантливым экономистом Николаем Петраковым. Со мной на эту встречу напросился обозреватель английского издания «Economist». Мы приехали. И уже на первый мой вопрос Николай Яковлевич стал отвечать «лекцией». Десять, двадцать минут слушаем, а на мой вопрос точного ответа нет.

Я его перебиваю и прошу ответить коротко. Он делает свою речь уже короче, но из нее я ничего не понимаю. Тогда я прошу перевести все им сказанное на простой и понятный язык. Иначе как я сделаю материал, если сама ничего не понимаю?

Больше четырех часов ушло на наш разговор, из которого мне надо было написать четыре страницы текста. Когда мы вышли на улицу, обозреватель из Лондона мне сказал, что я была не дипломатична и что у них непозволительно так разговаривать с вип-персонами. Но мне же надо донести их мысли до народа! Как их услышат, если они не могут формулировать свои мысли доступным языком? Потом этот обозреватель сказал Старкову, что в их издании меня бы моментально уволили за то, что я перебивала интервьюируемого и «строила» его. Шеф удивился и ответил: «Уверен, что Петраков, когда выйдет его материал, ей в ножки поклонится за то, что она из него выдрала какие-то откровения». Старков потом сам мне об этом рассказал».

Людмила Новикова, журналист: «У нас была сильная команда. Сколько у нас журналистских премий было, причем каждый год. И, кроме того, не было у нас пиетета перед властями. Мы были вхожи всюду. Нас везде аккредитовали.

А как шеф из Андрея Дорофеева лепил звезду? Издавал его альбомы коллажей, раздаривал их, чтобы как можно шире представить его работу. А ведь многие коллажи, особенно первые, были сделаны по старковским идеям. А как мы номера планировали? Владислав Андреевич брал лист бумаги А3 и записывал фломастером темы, самые бредовые, особенно в номерах «Вопросов и ответов»... А как с письмами заставлял работать: «Обязательно прочитайте каждое письмо, выудите из него лучшее».

Я помню, даже носила домой, потому что не успевала на работе. Интересные были темы. А какие потрясающие у нас были интервью с умершими людьми? Да, с Лениным было, со Сталиным. Сейчас такое людям в голову не приходит, потому что у них нет мотора. Старков у нас мотором был. А мы сами сколько всего придумывали!

Один человек из коллектива начинает генерировать идею, и все поддерживают. Если не было бури при обсуждении, Владиславу Андреевичу и самому было скучно. Когда на летучках хвалили какие-нибудь материалы, кто-то обязательно добавлял ложку дегтя, и получалось настоящее обсуждение. Нам многое позволялось. Сейчас молодые совершенно другими стали. Их только деньги интересуют. Материалы берут все из Интернета, сидят на планерках и спят».

Лариса Хлебникова, ответственный секретарь: «Мои отношения с главным редактором поначалу не сложились. В 90-м году — в августе — я перешла из «Учительской газеты» в «Аргументы» на должность заместителя ответственного секретаря. Готовлю макет своего первого номера, должна доложить по макету план верстки. Развесила я свои листочки на доске, а сама стою и плачу. Дело в том, что за десять минут до планерки мне позвонили и сообщили, что родной брат в реанимации. Так вот, стою перед редколлегией и реву, ни слова не могу вымолвить.

«Ну и что это, кого ты привел, — обратился Старков к Игорю Кабаку (ответственный секретарь в то время). — Я думаю, работу этой истерички у нас можно считать законченной». Из кабинета я вылетела пулей и сразу в больницу. Уж не знаю, о чем говорил Игорь с Владиславом Андреевичем, но вечером Игорь позвонил и велел завтра же выходить на работу. Так началась моя не простая, но незабываемая жизнь в коллективе еженедельника.

А вот и еще один случай с моим, казалось бы, очевидным очередным увольнением. Два раза в год «Аргументы и факты» выпускали свой фирменный номер вопросов и ответов. Готовить его начинали за месяц: собирали самые интересные читательские письма, организовывали «мозговые штурмы», где каждый должен был озвучить штук десять тем.

Старков очень дорожил такими номерами, читал все в загонных полосах, отбирал лучшее, менял до последнего момента. Не удиви-

тельно, что на летучках (обсуждениях) после выхода такого номера царила чуть ли не праздничная обстановка. Еще бы — это же коллективный подвиг! Поэтому все выступающие говорили в духе «номер как всегда удался», считали количество материалов, сравнивали с предыдущим «фирменным», ну и, конечно, хвалили друг друга. Критиковать такие номера было не принято — слишком много сил они отнимали у всего коллектива. И вот моя очередь выступать. Черт меня дернул привязаться к полосе культуры, но уж очень она мне не понравилась.

«Удивительно, как у такой огромной страны, с таким культурным прошлым, нынешняя культура уместилась в два материала — описание дачи Пугачевой, где каждый абзац начинался словами «мы вошли в большую светлую комнату с высокими окнами» и зарплату актрисы Инны Чуриковой. Какой читатель поверит, что в редакцию действительно могут придти письма с такими вопросами?!»

Вот так и выступила. Сначала даже не поняла, что это на меня все так смотрят, будто я голая в церковь пришла. Но летучка кончилась, и все разъяснилось. Один за другим ко мне подходили сотрудники и сочувственно предупреждали, что мне здесь больше не работать — материал написала дочь Старкова, после их визита к примадонне на новоселье. А я на подпись в материале и не посмотрела.

В конце рабочего дня бреду печально через двор нашего особняка с подписанными полосами. Владислав Андреевич в машину садится. Меня увидел — вышел: «Ну что, вещички собираешь, говорят, я тебя уже уволил». «А что, еще не уволили?» — удивилась я. «Все-то все про меня знают! Иди и работай — у нас демократия, каждый может сказать то, что хочет — для этого и собираемся, обсуждаем».

А через неделю я узнала, что уволили девочку из отдела спорта, которая меня на летучке поддержала. Говорили, что главный вызвал ее после обсуждения и задал простой вопрос: «Критиковать можем, а чем сами отличились, какие материалы были «отмечены», какими успехами похвастаетесь?» Корреспондентка работала недавно, «зо-

лотым пером» пока не стала, так что ответить было нечего. В общем — все-таки отыгрался».

Наталья Бояркина, журналист: «У нас были интереснейшие планерки, когда каждому он поручал: «Темы, идеи — пять штук написать на бумажке. 10 вопросов, которые волнуют тебя, 10 вопросов, которые волнуют твоих родственников». Вот из этого складывалась народная рубрика «Вопросы-ответы». Золотые времена были!

Только я поняла, как надо делать газету «Дочки-матери», меня отправили к Перушкину в отдел по борьбе с криминалом. Поработав немного там, Старков отправил меня в отдел писем. Я стала разгребать письма, мы сделали полосу читательских откликов.

Только я стала понимать, чем живет, дышит народ, только стала вытаскивать из писем великолепные темы, как шеф тоже понял, что я и там все усвоила, что жизнь в отделе писем у меня стала спокойной, и он тут же отправил меня в отдел регионов! Я должна была ездить по самым отдаленным деревушкам, мелким городам, заходить к губернаторам, изучать обстановку — что и как людям продают, сколько там стоят колбаса, картошка, хлеб, вязаные носки на рынке, чем этот регион богат, как это богатство служит людям, которые в нем живут. И ведь мне самой это было страшно интересно.

После регионов он сделал меня человеком, который пишет репортажи о судьбах людей, об инвалидах. Он еще и Тане Кузнецовой эту тему давал, но та отказывалась. А мне он говорил: «Почему Таня не понимает, как же это прекрасно, когда ухоженная, красивая девушка сострадает беде этих искалеченных людей и пишет о них «чувствительные» материалы?»

После регионов у меня опять был журнал «Дочки-матери», «Здоровье». И теперь мне уже не кажется, что в редакции я умею все, так как пока еще не освоила работу буфета и грузоперевозок.

Старков заставлял нас никогда не жалеть ни сил, ни времени и не засиживаться на одном месте».

Дмитрий Макаров, журналист: «Итак, из нищей, никому не известной советской газетенки, «Аргументы» превратились в солидное влиятельное издание, с которым нельзя было не считаться. Причем не только в России. В Европе, США, на постсоветском пространстве об «Аргументах» знали, их цитировали, на них ссылались. Любой политик, ученый, писатель, артист считал за честь выступить в «АиФ». Шедевры народной мудрости, читательские письма делали весь народ соавторами нашей газеты.

Старков говорил: «Пишите о том, что вам самим интересно. Будет интересно вам — будет интересно и читателю». Так мы и работали. Забывали про сон, про отпуска и выходные. Наши дети росли без нас. Но и результат был соответствующий: до сих пор никем не превзойденный, почти 34-миллионный тираж, официально зафиксированный в книге рекордов «Гиннеса».

Широта натуры Владислава Старкова начала проявляться во всех ипостасях. Журналисту нужен автомобиль или квартира? Пожалуйста, пусть возьмет беспроцентный рублевый кредит в бухгалтерии, погашать который очень легко, учитывая галопирующую инфляцию середины девяностых. Редакция, или ЗАО «АиФ», помогала бедным. Известный писатель или актер «сел на мель»? Отлично, мы сделаем с ним интервью и заплатим ему за это — ну, просто огромный гонорар.

Могу ли я забыть, как он вызвал меня однажды и сказал, что хочет, чтобы я написал о том, как встречают Новый год в Нью-Йорке, и что поедет со мной наш главный художник Андрей Дорофеев и снимет это все на фотокамеру... Вспоминая Старкова тех дней, я уверен, главным моим «заданием» было показать не говорящему по-английски Андрею Нью-Йорк, а мне самому — повидаться со старшим сыном, который жил там тогда. Такие драгоценные воспоминания, как мои, найдутся у каждого журналиста «АиФ» тех лет».

СЕМЬЯ — ОПОРА И ТЫЛ

В чем смысл земного бытия
Мы видим как подвид природы?
Кто мы такие — ты да я?
Куда мы рвемся через годы?
В.С.

Справка: Семье со Старковым жить было непросто, потому что каждый человек, обладающий такими выдающимися способностями, невероятно сложный. Жене нужно было уметь так себя поставить, чтобы этот человек с ней считался, а для этого нужен исключительный, редкий дар.

По мнению близких, в хозяине дома каким-то образом уживались два человека: один — прагматичный, очень жесткий, очень четкий мужчина, а другой был очень ласковый, очень нежный, открытый. И достаточно часто и явно проявлялась дисгармония между мужскими и женскими качествами.

Выдержка из журнала «Профиль»: «...Уютная трехкомнатная квартира в доме на Красной Пресне — личный подарок Бориса Ельцина Владиславу Старкову. И ответ на просьбу коллектива «Аиф» улучшить условия жизни главного редактора.

Старинная мебель начала века мирно уживается здесь с новомодными предметами. Например, с круглым столом, за которым гостеприимная хозяйка угощает меня душистым крепким чаем с шоколадными конфетами, миндальными орешками и легким песочным печеньем. Печенье тает на языке и на тарелке, а Юлия Федоровна тем временем делает неожиданное признание.

Юлия Кузнецова: Хозяйство никогда меня не занимало. И я никогда не была хранительницей домашнего очага. Конечно, это не оз-

начает, что квартира не убрана, в холодильнике нет продуктов, на столе — обеда. Но я всегда стремилась побыстрее расправиться с домашними делами и заняться работой, а после — успеть на спектакль или на концерт. Так что образцовой женой в традиционном смысле слова меня назвать нельзя.

Анна Пригожина: Чем же вы сейчас занимаетесь? Ведь вы ушли из Гидрометцентра, где проработали больше тридцати лет.

Ю.С.: Пишу статьи. Прожить двадцать восемь лет с журналистом и не начать писать — невозможно. Вокруг столько талантливых людей, рассказ о которых так и просится на бумагу!

А.П.: Используете семейное положение?

Ю.С.: Вовсе нет. Я же никому из корреспондентов не перебегаю дорогу. Я нештатный корреспондент и штатным никогда не буду. Пишу только о том, что люблю, что мне интересно. Причем не только об искусстве.

А.П.: Как относится муж к вашему увлечению?

Ю.С.: А ему не привыкать. Он всегда знал, что я жадная до работы и впечатлений.

Юлия Кузнецова: В молодости у нас были частые взаимные обиды. Ссорились мы, правда, на два-три часа, не было такого, чтобы мы не разговаривали целый день. Очень редко он говорил: «Извини» или первым выходил на общение. Чаще инициатором примирения была я».

Татьяна Зеленранская, журналист: «Что значит жена для мужчины? Практически все. Потому что только нормальная женщина может сделать мужчину настоящим человеком. Мы знаем одного очень хорошего мальчика, который подавал надежды, но жена попалась никчемная, и он превратился в ничто. Я как-то Владику сказала, что ты, мол, Юльку выиграл по трамвайному билету. Он меня спрашивает: «Сколько она тебе за этот комплимент заплатила?» Более тонкого, интеллигентного, умного, понимающего человека, чем Юля, встретить очень трудно».

Елена Старкова, дочь: «Отцу повезло, что он выбрал женщину, мою маму, которая отвечала его ментальным запросам. Она закрыта — папа у нее был военным — ее так учили, что чувства показывать нехорошо, неприлично. И он выбрал такую женщину, которая не показывала своих чувств. Мама у меня дипломат, она умела ладить с ним, и при этом была очень самодостаточной! И у него родилась я, его дочка, которая показывала свои чувства. И в семье оказались две женщины абсолютно разные по характеру.

Кого из нас он больше любил? Не знаю. Потому что если сказать, что он любил больше маму, то это будет неправдой, а если сказать, что он больше любил меня, это тоже будет неправдой. Он к нам, наверное, относился одинаково. Я не знаю, какие у них были отношения до моего рождения, но после моего появления, они поменялись.

До этого они долгое время были вместе. Правда, расставались на год, у обоих были «левые» браки. Причем именно моя мама выставила отца за дверь. Они вновь сошлись, когда готовы были иметь ребенка. И после моего появления отношения их переросли в такие теплые, как у брата с сестрой. Я с таким мужчиной ни за что не смогла бы жить.

Мы с отцом сильно ругались. Например, из-за того, что опоздала на 15 минут на дачу. Это превращалось в очень жесткие разговоры. Он сам был жесткий человек. Я иногда думала, может быть, ему надо было иметь 3-4 детей, тогда на всех бы распределялось его неуемная энергия? Но нет, понимаю, что мы все «перегрызли» бы друг друга. Отец не сдружил бы нас, а скорее, наоборот, устроил бы между нами соперничество. Могут спросить: зачем? У него была такая психология.

В каждом человеке есть мужские и женские качества. В принципе в каждом человеке присутствуют — в ком-то больше женских, в ком-то — меньше. И если они соединяются правильно, значит, человек гармоничен. Но у папы не очень получалось их соединить.. Я думаю, что он это знал, чувствовал.

Как-то раз я сильно заболела и не могла выйти на работу. Он на меня орал, почему я не иду на работу. Потом приходит ко мне, видит, что я пластом лежу, даже встать не могу, садится рядом. Берет мою голову в свои ладони и говорит: «Давай я тебе лекарство принесу, давай я тебя как-то подлечу». Он очень переживал, поняв, что я действительно больна. Когда он видел, что близкому человеку плохо, у него включалась вторая прекрасная (женская) половина, в которой он просто растворялся.

Очень смешная история произошла с моим замужеством. В то время мама находилась в Париже, я и папа — здесь. Мама первый раз уехала от нас надолго. Я папу кормлю, вечером с ним куда-то ходим — вообще все у нас идеально. Это как раз было после смерти его папы, месяца через полтора. На какие-то выставки ходим — лето, тепло, прекрасно. Звоню маме и говорю: «Мама, я беременна, что делать?» Она спрашивает: «Как?» Я ей отвечаю, что «аборт делать не буду, так как первый уже был». «Как «первый уже был?» — удивляется она. — Только папе не говори. Я прилечу из Парижа, и мы что-нибудь решим».

Проходит два дня, папа вдруг говорит: «Пойдем со мной, прогуляемся по Старому Арбату, тебе же нетяжело будет? Я тебя покормлю в японском ресторане». Звоню маме, спрашиваю: «Ты все сказала папе?» — «Ну да, — отвечает. — И папа о тебе позаботится».

Родители мои были уже немолодыми, и я решила родить ребенка, чтобы стать более независимой, чтобы у папы и мамы появился внук, а сама хотела перейти на более высокую ступень развития. Вот мы сидим с отцом в этом ресторане. Он меня все кормит, кормит. «Пап, ты понимаешь, что у меня будет очень красивый ребенок?», — спрашиваю его, так как отец будущего ребенка бесподобно красив. «Да, представляю, какой он будет красавец», — соглашается отец. «А ты наконец-то будешь дедушкой». И мы пошли домой счастливые, довольные.

На следующий день он мне говорит: «Я думаю, что вам надо будет расписаться». «Но я не хочу!» «Надо, потому что мне неудобно».

Он заставил меня выйти замуж. У него был моральный принцип, как это так: моя дочь родит ребенка вне брака! Что я скажу на работе, в редакции, что обо мне подумают? У него была такая черта — «что о нем подумают». Всегда, во всех делах.

Тогда я звоню будущему мужу и говорю: «Слушай, нам надо расписаться». Он отвечает: «Я сейчас не могу, съезди, сама все узнай». Денис узнал о том, что у него будет ребенок в тот же день, когда узнала мама. За одну неделю до нашей семейной жизни. Это был юноша, который ни в чем не отдавал себе отчета. Мне было все равно, что он скажет. Это было мое решение. Но я его не любила, у меня не было к нему никаких чувств. Это был случайный мальчик из моей жизни, от которого я забеременела...

Вскоре мне звонит редакционная сотрудница и говорит, что через четыре дня у меня свадьба, в субботу. Мама должна была прилететь только в среду на следующей неделе. Я ей звоню и говорю о свадьбе в субботу. Мама в это время в бутике мерила юбку, которую так и не купила — побежала в шоковом состоянии менять билет. Свадебного платья у меня не было. В среду папа дает мне 19000 рублей, по тем временам это были большие деньги. Я все купила: зеленую юбку с белой кофтой и фату. В пятницу вечером прилетела мама.

Произошел разговор с мамой, по душам, один из немногих. Так получилось, что мама — это не моя подруга. Папа же в то время был счастлив, что свадьбу организовал. Я помню, как потом он меня отвозил в роддом. У него включались божественные его качества, особенно в моменты, когда дело касалось здоровья его близких».

Владислав Старков в интервью Ирине Карпенко:

— Вот мы опять с вами, Владислав Андреевич, говорили все про политику, а ведь о том, что для вас главное в жизни, вы так и не сказали.

— Для меня главное — благополучие моей семьи: чтобы дочь росла и умнела, жена была здорова. Конечно, я ценю свою работу, от нее

зависит благосостояние моей семьи, она дает мне возможность заниматься любимым делом, а в свободное время ходить по театрам, слушать музыку, покупать видеокассеты и диски, ездить по стране, в мой любимый Питер, а иногда и за границу... Мы, журналисты, любим разнообразие, интересную жизнь. И, конечно, здорово, когда все это ты можешь себе позволить. Но вот сейчас я с вами разговариваю, улыбаюсь, а в душе кошки скребут — моему отцу было 86 лет, недавно он умер, и я ночью не могу уснуть — думаю об отце...

КРЕАТИВНЫЕ НАХОДКИ

Анклав людской! Твои богатыри,
Гиганты мысли и творцы прогресса
Уверены, что дерзновенен ты,
Плавя в себе великие процессы.

В.С.

Справка: В 1995 году на втором международном фестивале прессы «Гонг -95» «АиФ» назван Лучшей газетой года.

Читатели засыпали нас своими письмами и добрыми словами, а мы удивляли их — новыми рубриками и новыми подходами. Мы придумали по одному и тому же вопросу давать не одну точку зрения, а две–три, если они казались нам интересными, предоставляя возможность читателям самим найти нужное решение, а не навязывать им одно-единственное — наше.

Популярной в газете была рубрика «А как у них?». Мы рассказывали о жизни простых семей (бюджете, ценах, расходах, интересах), проживающих в Англии, Франции, Германии, Китае, Бразилии...

Вопросы читателей по-прежнему оставались нашим «золотым ключиком». А они сыпались на газету и сыпались: «Были ли пенсионеры в России до 1917 года? Сколько они получали?»; «Когда в на-

шей стране «органы» стояли над партией?»; «Можно ли сейчас приватизировать военные предприятия и продавать их акции? Куда тогда денется их сверхсекретная продукция?»; «Раньше люди, нашедшие клады, отдавали их государству и получали за это 25% от стоимости клада. Сейчас о новых кладах ничего не слышно. Интересно, чего стало меньше: кладов или дураков?»; «Рождаются ли люди маньяками или становятся ими уже потом?», «Если бы, например, я в 1985 году положил на сберкнижку 1000 рублей, сколько бы я снял сейчас?». «У нас в стране есть золотой запас. Может ли моя семья претендовать на свою долю в нем?»; «Что мне делать, если мой муж «половой лентяй»?»

Или вот такой, еще круче: «Скажите, что ***реально*** *будет происходить с нами в момент Апокалипсиса и позже?» В редакции просто наслаждались такими письмами, искали ответы на них, а кроме того придумывали новые ходы-выходы на «медийном рынке». То есть, как когда-то сказал Виктор Черномырдин: «Мы продолжаем то, что уже много наделали».*

Николай Зятьков, главный редактор: «Кроме всех наших «классических секретов», вспоминаю и такой, неожиданный. А родился он вот как. По заданию Старкова журналисты делали материал о прихватывании чиновниками берегов озер, рек под строительство своих коттеджей. Но вблизи этих водоемов запрещено было строиться. Однако чиновникам на все запреты было наплевать, тем более что они оформляли коттеджи на подставных лиц.

Наши журналисты все разузнали, и материал с фотографиями появился в газете. Чиновникам это не понравилось, и вице-премьер правительства позвонил главному редактору и объявил, что это все «ложь и клевета». Звонок пришелся на время заседания нашей редколлегии, мы все заседали в кабинете у Старкова.

Шеф, не мешкая, включил громкую связь. Всем было слышно, как вице-премьер на него кричал. А Старков спокойно ему сказал, что газета и дальше будет расследовать эту тему, здесь как раз сидят

члены редколлегии, они все эти крики слышат, поэтому «все ваши угрозы мы приобщим к следующему материалу». Тогда с прессой еще считались. Конечно, с этим человеком они долго не разговаривали. И только спустя много лет, когда он ушел со всех постов, они начали здороваться».

Людмила Новикова, журналист: «Мы были первыми во многих отношениях. Часто у нас даже воровали материалы, особенно за рубежом. А судиться смысла не было — на адвоката больше потратишься. Воровали много идей, потому что идея — серьезная вещь. (Но сейчас и к идее нужны еще огромные деньги).

Мы первыми среди прессы пришли к выпуску приложений к основной газете. Ведь как появились эти приложения? Журналисты нарабатывали свои материалы, свой авторский актив, но нигде не могли использовать их, так как основной номер выходил один раз в неделю, да и страницы были ограничены — всего 32.

Так вот, чтобы сотрудники не простаивали, чтобы был оборот этих материалов, мы создали приложения. Причем старались делать их дешевыми. «Здоровье», «Дача», «Дочки-матери». А начали с «Молодого». То есть пошли таким широким веером, чтобы любой человек мог получить «аифовскую» информацию более полно, по каждому направлению своей жизни. (Тогда изданий было мало, не так, как сейчас).

Мы первыми тогда открыли и региональные вкладки. И зарубежные выпуски первыми стали делать. Я была редактором международного издания. Пять редакторов мы тогда поменяли в Германии — и все плохо, все не родное. Только когда нашу сотрудницу Вику Шкаровскую туда послали, совершенно другая жизнь пошла. Сотрудники этот «дух АиФа» понимали и читатели моментально его чувствовали.

А сколько авторов было! Лучшие были, первые. (Сейчас посмотришь газету, везде поп-звезды какие-то, некоторых и не знаешь даже).

Старков постоянно придумывал что-нибудь неординарное. Меня он подвигнул на то, чтобы к 1 апреля каждый год писать совершенно

бредовые, фантастические материалы. Мне это понравилось. Например, что сооружен подземный тоннель между Москвой и Санкт-Петербургом. Даже помощник Собчака звонил мне по этому поводу. Или что Мавзолей Ленина сделали коммерческим предприятиям. Ох, как вся страна возмущалась! Еще у нас были встречи с читателями. Сейчас вообще забыли, что это такое. Мы же по разным городам и весям ездили. Какие залы собирали!»

Наталья Желнорова, журналист: «Да, залы были переполнены. Вспоминаю такой смешной случай еще из восемьдесят седьмого года: «Сегодня мы выступаем перед читателями в Политехническом музее, — сказал мне Старков, — ты обязательно должна быть». «Вы даже не дали мне подготовиться», — обиделась я. «Да ты готовилась к этой встрече всю жизнь! (Потом я часто по отношению к другим произносила эту фразу). Зачем еще какие-то два часа?»

Приезжаем, нас встречают сотрудницы Политеха: «Народу — страсть сколько! Только учтите — среди людей всякие попадаются», — предупреждают они. «Всякие» — это кто?» — не поняла я. «Это те, у кого с головой не все в порядке», — вразумили они меня. Зал забит до отказа. На столе — гора записок. Выбираем — по интересам. Все о политике, слухах, персонах...

Подают новую серию записок. Читаю: «Как вы прокомментируете посадку немецкого самолета на Красной площади?» Молча показываю записку сидящему рядом Старкову. «Ну, началось», — посмеялись мы. А зря. Мы еще не знали, что это не бред сумасшедшего, а реальность. Нас посетил немецкий спортсмен-пилот Матиас Руст, посадивший свой самолет на Красной площади в Москве!

И подобных ситуаций почти у каждого в редакции было полно. Ребята приезжали из этих командировок, рассказывали, мы со смеху покатывались. Жаль, что они не захотели вспомнить их...

Вот еще такой случай — и снова о креативности Старкова. Мною уже были сделаны десятки интервью с разными видными деятелями. Со всеми «крутыми» экономистами, писателями, политиками.

С А. Аганбегяном и В. Леонтьевым, с А. Солженицыным и А. Приставкиным, с Н. Назарбаевым и Л. Кравчуком, с С. Шойгу и Б. Березовским, с С. Говорухиным и Ю. Лужковым, с В. Черномырдиным и Б. Громовым...

Мы обдумывали, кого бы следующего «взять за жабры», когда Старков неожиданно предложил мне сделать интервью с... моей мамой! «Она вырастила столько детей, по твоим словам, добрая, умная, современная: машину водит, до осени в речке купается. Разве не интересно, что думает сейчас о жизни старшее поколение?»

Пришлось сказать маме, что пишу на диктофон для себя, для детей. Она задумчиво, но честно отвечала на мои вопросы и многие ее признания для меня были неожиданными. Мы напечатали это интервью. Старков гордился тем, что такая замечательная мысль пришла в его голову и что беседа с матерью — простой россиянкой — получилась сердечной, глубокой и принесла нам большую почту (правда, в этом недостатка у нас не было).

Конечно, это был суперход, до него не додумался бы ни один редактор, тем более такого многомиллионного издания, где все как бы по определению завязано на звездах.

Вот так у нас и рождались материалы. С одной стороны чье-то острое искреннее письмо, с другой — беседа с Мастером любого дела.

Помню, когда вернулся на родину Александр Солженицын, шеф сразу же попросил меня сделать с ним большую беседу. Я с трудом разыскала телефон его помощников, попросила записать нас к нему на очередь. И уже через пару дней вечером раздается звонок: «Я Солженицын. О чем вы хотите со мной поговорить?» Я тут же «выстреляла» десятком вопросов о важных российских проблемах. И почувствовала, что это была небольшая проверка: на самом ли деле здесь нужны его мысли, или газета просто хочет похвастаться, что в ней публиковался великий писатель. «Приходите завтра утром в девять». Назвал адрес. Мое сердце чуть не выскочило из груди от радости: сам Солженицын! Позвонила шефу. Он мне: «Всю ночь читай «Теленка»!» «Да я же его уже читала!» «Еще!» — только и сказал Старков. Он сам

был переполнен чувствами. Моих вопросов шеф уже давно не спрашивал, ему самому интересней было читать их в готовом материале.

Рано утром я разбудила по телефону нашего замечательного фотокора Борю Кремера. Потом шеф выгонит его за непослушание. Это будет большой ошибкой.

С Борей встречаемся без пяти девять у дома Солженицыных. Звоню по домофону, сообщаю жене А.И. Наталье Дмитровне о том, что со мной фотокор. Она не согласна с таким раскладом. Я уговариваю, дескать, какое интервью без снимка. Сдается. Попадаем в квартиру — без штор, картин, ковров, ваз и прочих уютных вещей. Дарим красивый гжелевский кувшин. Как увидел его Александр Исаевич, так руками и замахал: «Уберите это немедленно!» Наталья Дмитриевна объясняет, что он терпеть не может лишних, ненужных вещей. А на дворе начинался торговый бум, и нам, наоборот, хотелось и того, и другого. Но я потом сто раз убеждалась, как это барахло засоряет нашу жизнь.

Борю впустили в дом «на одну минутку». Но для профи и это клад. Он щелк — щелк, попросил Н. Д. встать за А. И. еще щелк и ушел. И вот тут я рассмотрела Солженицыных. Его — стройного, достойно, тихого и мудрого. И ее — не просто красавицу, а обаятельную и умную женщину. Атмосфера такая — будто ты у себя дома. Ни напыщенности, ни пафоса, никакого напряга. Мы поговорили о текущих событиях, и перешли к записи беседы. Александр Исаевич вытащил листочки, исписанные мелким почерком, и стал, заглядывая в них, отвечать на мои вопросы — о судьбе России, о войне с Чечней. Я была поражена его такому серьезному отношению к прессе. До этого многие мне «ляпали» первое, что придет на ум. Слава Богу, если иногда задумывались. А тут и бережное отношение к слову, к тому, как его поймут, и, конечно, желание вместить в ответ как можно больше полезного, продуманного. Выходило, что ночью мы оба готовились к этой встрече.

Эту беседу мы опубликовали на всем развороте. А на первой полосе дали большое фото. На нем сидящий Александр Исаевич, за ним

стоит Наталья Дмитриевна. Именно это фото выбрал Старков. Когда я привезла стопку наших свежих номеров в дом Солженицыных, Наталья Дмитриевна, увидев обложку газеты, мне закатила скандал. Я долго не понимала, что случилось, пока она не объяснила: «АиФ» читает весь мир. Зачем вы меня вынесли на обложку? Я не хочу быть ни как Елена Боннэр, ни как Раиса Горбачева. А потом... в каком я здесь виде? (Вид был супер). Я за минуту до вашего прихода закончила мыть пол. И вот такую — без пудры и расчески, в старом свитере — вы вынесли меня на обозрение всей страны...» Вот такие интересные моменты происходят в нашей профессии. (Все это не помешало мне подружиться с этой удивительной и трудолюбивой женщиной, и этими отношениями я очень дорожу)».

Андрей Бинев, журналист: «Мне запомнилась одна его фраза, сказанная как-то на редколлегии куда-то в сторону, будто своим мыслям. Это как последнее слово отца семейства детям за обеденным столом. Он сказал: «Если кому-то в каких-то газетах важно, чтобы в них работали профессиональные журналисты, знающие, как излагать мысль и как придерживаться жесткой формы жанра, то для нас — это вред, даже больший, чем совершеннейшее незнание профессии. Потому что мы должны писать не ради своей подписи после статьи, а во имя аргументированности и фактичности материала, а это требует ощущений куда более глубоких, чем просто филологических и журналистских. Поэтому у нас и работают выходцы из других профессий, и там, в других профессиях, журналисты «АиФ» тоже чего-то когда-то стоили. Читатель это чувствует и верит больше, чем просто красивым словам, хоть и очень правильным и образным».

Возможно, Владислав Андреевич сказал это не совсем так, я не берусь цитировать его дословно, потому что не записывал, конечно же, но смысл в его словах был именно этот. Может быть, поэтому мне легко было уступать место в подписи своему случайному псевдониму. И даже не подписываться вовсе, оставляя читателю лишь

сухой текст или скупое интервью, но сохраняя для себя лишь право на жирный «врез» перед материалом или статьей. Потому что именно в этом содержался смысл его идеи, а газета, несмотря на наше, большее или меньшее участие в ней, была его детищем, и его персональным проектом».

Наталья Бояркина, журналист: «Мы нашли свою нишу, в которую потом многие газеты после нас ринулись, но от этого те газеты не стали «АиФом», а мы тоже не стали хуже, оттого, что нашу идею украли. Однажды у меня вышел материал с заголовком, который через неделю украли сразу несколько изданий.

В то время мы носили пейджеры, мобильных телефонов еще не было, и моя статья называлась «Удар ниже пейджера», она рассказывала о проблемах в сексуальной сфере. Заголовок интимный, но не пошлый. Это выражение стало практически пословицей. Тут же его украл то ли «Огонек», то ли «Коммерсант». Я пришла к Старкову с обидой, давайте, мол, будем судиться. А он говорит: «Гордись! Плохое не воруют!»

Я думаю, что дар у Старкова был от природы, он все-таки по первой профессии программист, а это определенный склад ума. Он говорил, что у него в спальне два телевизора, он все время щелкал программы, вбирал в себя информацию, потом переваривал ее и выдавал что-то новое, свежее, потому что мы не могли, конечно же, конкурировать с ежедневными газетами, но нам и не надо было пережевывать новости-однодневки».

Анатолий Мамцис, друг: «Наступил момент, когда у газеты уже появились хорошие прибыли. Курсы валют быстро менялись, цены росли, и надо было как-то «спасать» деньги. Тогда Старков и придумал купить в Питере для редакции квартиру. После долгих поисков нам это удалось; отремонтировали ее, обставили мебелью под старину. Теперь желающие из редакции могли поехать туда с семьей и насладиться великой культурой Северной Пальмиры: побывать в теат-

рах, музеях, погулять в чудесных пригородах. Сделать для газеты материалы со здешними звездами и отдохнуть в уютном гнездышке, где никакие горничные не донимают вас.

Используя этот опыт, мы в дальнейшем приобрели квартиры в Испании, во Франции, в Германии. Это было замечательное вложение денег, приносящее пользу всему коллективу. Параллельно с этим мы построили небольшой пансионат в Анапе. За лето там могли отдохнуть десятки сотрудников с семьями. Это был период большой заботы о коллективе».

ТРУДНО РАБОТАТЬ С ГЕНИЕМ

Выплываю из сна глубокого,
Не понимая, почто одиноко мне?
Почто жизнь бурлящая, с сучьими нравами,
Не пахнет донником, росными травами?!

В.С.

Справка. Яркий, одаренный человек, каким был В. Старков, не всегда мог быть для коллектива мягким и ласковым. Жесткая, напряженная жизнь требовала нередко и таких же жестких отношений.

Коллектив спокойно отнесся к желанию первого заместителя главного редактора (его «палочке-выручалочке») на несколько месяцев уехать на работу на Кипр. Но Старков расценил это не меньше, чем предательство. Он, казалось, не слышал слов о том, что наш человек изучит зарубежную обстановку, будет давать нам эксклюзивные материалы, возможно, создаст там наш корпункт и филиал газеты, заодно поправит свое здоровье. «Нет, это игры за моей спиной», это...»

«В конце концов, если дело там не пойдет, он скоро вернется обратно...», — пытались мы унять его негодование. «Да кто его

возьмет? Кому он тут нужен?» — возмущался наш шеф. Люди поняли: только личная преданность способна «украсить» сотрудника в его глазах.

Николай Зятьков, главный редактор: «Одно дело — дружба на расстоянии, другое дело трудовые взаимоотношения: он — начальник, а я — подчиненный. Всегда возникает масса ситуаций, которые могут разрушить отношения. У нас, к счастью, не было особых проблем. С самого начала он видел, как я формировался. В человеке многое перемешено. Я не знаю, хорошая эта черта или плохая, но Владислав был человеком властным, порой жестким. Он не любил, когда человек сам, без его участия, принимал какое-то решение.

Прошло уже много времени, лет 10, я захотел уехать на работу на Кипр. Всего на несколько месяцев. У меня к этому времени появилась жуткая усталость. Когда он узнал о моем предстоящем отъезде, то он был страшно обижен. Сильно переживал, потому что решение я принимал сам, впервые не посоветовавшись с ним. Старков с огромным неудовольствием меня отпустил.

После этого в наших отношениях наступил тяжелый период и длился даже тогда, когда я вернулся. В общем, мне пришлось заново завоевывать свою позицию в редакции. Ушел я с должности первого зама главного редактора, а вернулся, понятно, кем. Кабинет мне дали около туалета, направление работы, соответственно, тоже: спорт и еще что-то... Ну, ничего, спустя какое-то время все восстановилось, мы снова нормально сотрудничали».

Андрей Дорофеев, художник: «Работать с Владиславом Андреевичем было и приятно, и мучительно сложно. Приятно, потому что хорошую работу он высоко ценил, и не только в материальном плане. Видно было, что он искренне радовался за журналистов, приносящих талантливые работы. А к халтурщикам относился плохо. Обижался сильно. Поэтому, чтобы его не обижать, все стремились выложиться по максимуму. Не у всех получалось. Уходили в другие

редакции, где полегче и требований поменьше. Кто выдержал, можно сказать, тот сдал экзамены Высшей школы журналистики под названием «Аргументы и факты».

Помню, часто он повторял, перефразируя Сократа: «Покажи мне свою работу, и я тебя увижу!» Лично меня он увидел месяца через два после того, как я начал работать в «АиФ». Как только доказал работами свою авторскую состоятельность».

Лидия Ершова (Скрябина), журналист: «Еще на Бронной мы с Колей Попадьиным, вторым заместителем «ответсека», выпускали сдвоенный номер «АиФа». Устали ужасно и справедливо ожидали похвалы и премии, но попали под плохое настроение Старкова и получили вместо пряника обидную взбучку: «Считаете, что переработали? Подумаешь, месяц без выходных! Какие там еще отгулы? Припишите их себе — куда хотите! Э-э-э... к пенсии. Выйдете на неделю раньше на пенсию», — засмеялся главный, радуясь собственной удачной шутке.

Заступиться за нас, попав под горячую руку шефа, желающих не нашлось. Зарплаты были маленькими, а премии — большими. Владислав Андреевич знал толк в обуздании творческого самолюбия. А я на насмешку взбеленилась! Вот это благодарность за вкалывание по двенадцать часов! Все! Развод! «Ах, развод!?» — обрадовался главный редактор, любивший укрощать строптивых, и разжаловал меня временно в отдел писем.

В поведении главного не было «ничего личного», как любят говорить американские киллеры, спуская курок. Более того, я числилась в его любимчиках. Но таким образом он взнуздывал почти всех сотрудников «АиФа» поочередно. Из строптивых и буйных Старков быстро выжимал все соки и хладнокровно выкидывал их творческие останки на улицу.

В таком кровопускании были и свои плюсы — постоянный приток новых людей. Внутренняя конкуренция, желание и возможность быстро сделать карьеру. У него все «на ходу подметки рвали». Впрочем,

на волю беззастенчивых лизоблюдов он тоже не отдавался полностью и отчитывал их, как и всех остальных, когда подходила очередь».

Наталья Бояркина, журналист: «Иногда мне казалось, что он совершенно несправедливо выдергивал куски из моих материалов. Мне это было очень больно, но я понимала, что спорить с ним бесполезно — он все-таки главный редактор и видит, возможно, шире, глубже, чем мы. Да, нам, журналистам, кажется, что каждая строчка — это шедевр. А в результате Старков вот таким беспощадным способом помог мне профессионально вырасти. Только я какое-то дело затевала, только я понимала, что в нем «уютно устроилась» — меня тут же брали за шкирку и кидали в совершенно противоположный угол — в другой отдел редакции».

Галина Волчек, актриса, режиссер: «Совершал ли он какие-то ошибки? Наверняка. Я сама часто совершаю ошибки. Не может руководитель вообще не ошибаться. Сама работа, само положение уже провоцирует на то, что ты не можешь быть объективным. Кому-то дашь большую роль, кому-то — нет, кому-то можешь повысить зарплату, кому-то нет. Я уверена, что и у него было так же. Я видела, как вырастали ваши звезды.

Он много раз рассказывал, как «сочиняли» новую газету, эту империю — не с точки зрения бизнеса или творческих амбиций. Ему хотелось, чтобы издание было запоминающимся, красивым, каким-то особенным. Почему-то он очень комплексовал в отношении любви. Мог сразу влюбиться в кого-то и смотреть на этого человека сквозь «розовые очки».

Дмитрий Макаров, журналист: «Вспоминаю, как однажды меня мои бывшие сослуживцы пригласили в американский круиз. И вот Старков мне говорит: «Я тебе не советую туда ехать, тебя в коллективе не поймут». Честно говоря, я удивился: причем здесь коллектив? А потом понял, что он знал, как сам возненавидит меня за эту

поездку. И не хотел этого. Некоторое время спустя такая же история произошла и с Ариевичем. Но тот, в отличие от меня, не послушался, поехал в Америку. В результате ему пришлось уйти из редакции.

Я подумал, может, он так поступил потому, что сам он особо нигде в мире не был, только в Болгарии. Прошло время, и когда он поехал в первый раз в Америку, то возвратился оттуда счастливый, довольный. «Ну а теперь вы все можете туда ехать, да вообще куда угодно», — сказал он. И только после этого журналисты стали разъезжаться в разные уголки мира.

...Никогда не знаешь, что тебя ожидает от визита в его кабинет: то ли расцелует, то ли отругает. Но его похвала была как орден. Когда Евгений Примаков стал министром иностранных дел, я решил написать его политический портрет. Старков дал добро. Много людей рассказали о нем забавные, интересные истории. Все было правдой. Я написал этот материал и дал почитать Старкову. И он сказал: «Поздравляю тебя, очень хорошо получилось». Я вышел от него довольный, окрыленный. Материал опубликовали сразу.

Через день после выхода этого номера был какой-то прием с участием Примакова и других официальных лиц. Старкова решили представить министру иностранных дел, подвели к нему, а тот и говорит: «С вами я знакомиться не желаю, вы про меня такое-всякое понаписали». Старков пришел на работу и начал мне выговаривать, дескать, что я негодяй. Почему? Я там ничего не наврал. Самый безобидный был материал. В данном случае у Старкова проявилась такая черта, как боязнь начальства. За это не следует осуждать, так как все мы вышли из Советского Союза».

Ирина Солганик, журналист: «Помню, что муштра была страшная, совершенно немыслимым считалось искажение факта или фамилии. Помнится, в одной из первых «Аргументовских» статей я для красоты и большей внятности сократила сложносоставное имя тогдашнего руководителя ЮНЕСКО, кажется, мавританского человека, сведя его к тому, что было мной принято за инициалы и фамилию.

После выхода газеты выяснилось, что я упустила важные составные части. Коллектив встретил меня пасмурно и не без сочувствия, указав на гостеприимно распахнутые двери редакторского кабинета. Молча и мрачно, встал мне навстречу Старков, протягивая газету с искаженным именем — кажется, ничего сказано не было, но его взгляд возымел действие отрезвляющего и пробуждающего удара палки дзэн-мастера, не позволяющего ученику погрузиться в потоки грез. Во всяком случае, сложносоставное имя мавританского начальника я помнила даже спустя десятилетия.

Неугодных Старков довольно мстительно преследовал и безжалостно вытеснял; преданных жаловал; как и все, предпочитал подпевал. Не будучи человеком пафоса, он в то же время хранил верность старым своим привязанностям и вполне был способен из сентиментальных побуждений держать при себе никому не нужного, пожилого и не вполне вменяемого человека, которого в любом другом месте давно уже препроводили бы на свалку».

Виктор Перушкин, журналист: «Работая в обыкновенной школе обыкновенным завучем, я мечтал только об одном: уйти из системы образования куда угодно. И мои друзья по спорту предложили мне должность старшего тренера сборной СССР по триатлону. Но к работе надо было приступить с ноября. А в тот момент было лето. Неожиданно раздается звонок от мамы, она сообщает, что «есть интересная работа в газете «Аргументы и факты». Вот тебе телефон и имя женщины. Звони. Там ждут». — «Мам, что я там, в газете, делать буду? Карандаши затачивать?» — «А ты пойди и узнай, не упрямься. Не забывай, у тебя два высших...»

Светлана Егорова возглавляла отдел писем. Через него проходили все новички. После небольшого собеседования я уже писал заявление в отдел кадров. Для себя я решил перекантоваться в газете до ноября. А там — приветствую тебя, триатлон! Я даже и представить себе не мог, что проработаю здесь целых одиннадцать (с хвостиком) лет!

Никогда не забуду свою первую встречу с Владиславом Андреевичем. Светлана Егорова пригласила меня на планерку. И когда зашел Старков, я сразу подумал: «Ну, все, с ним у меня точно не будет никакой любви». Самое интересное, что он сидел, видел меня, совершенно постороннего человека на планерке, и игнорировал даже мой взгляд. Его очень коробило, что, пока он был в отпуске, Егорова оформила меня в штат.

Вот как интуиция шефа посылает ему сигналы об опасности! Подумал ли тогда Старков, когда впервые увидел Виктора, что это именно тот самый «черный» человек, которого он подсознательно боялся всю жизнь?! И если бы не Света Егорова с ее самостоятельным решением, может быть, при личном знакомстве во время переговоров, у шефа и прозвенел бы «звоночек», что этому человеку нельзя и близко подходить к «АиФу»?

Был очень сложный начальный период, когда я работал в отделе писем. Я мечтал что-то написать. Когда же сделал первую свою заметочку, я был в невероятном восторге. И вот ко мне стали подходить коллеги, приглашать в другие отделы. Мне было неудобно перед Егоровой. Она меня привела, а я ей скажу, что ухожу. Но если бы я этого не сделал, вряд ли бы остался в «АиФе». Я согласился перейти в отдел к Биневу. Это тоже был период, когда Старков жестко ко мне относился.

Но когда образовался отдел национальных отношений, и я написал материал о цыганах, он никому не понравился, только Старков похвалил: «Отличный материал». С этого момента у меня начались нормальные отношения с ним. Было все — и ругал, конечно, но в то же время поднимал зарплату, создал отдел расследований. Но его постоянно настраивали против меня люди, которые видели во мне конкурента. Хотя меня вполне устраивало то, чем я занимался. У меня с шефом даже был такой разговор. Он мне сказал: «Ты должен поменять свое отношение к людям». Я говорю: «Владислав Андреевич,

я не кулуарный человек. Мне больше нравится находиться в стороне, заниматься делом, а не какими-то там интригами». И я ему сто раз это говорил. Но он, к сожалению, меня не слышал».

Наталья Желнорова, журналист: «Я считаю, что депутатство коллег по большому счету не пошло на пользу нашей газете. Да и любой другой: сплетение «веток» власти не дает хороших плодов. Мы приблизились к «верхам», но потеряли «низы». Если прежде наши руководители были ближе к своим читателям, а при наших миллионах это, естественно, были простые люди, то теперь, попав «в верхи», отдалились от них, как бы заслуженно почувствовали себя «элитой». У них завязались связи с кремлевскими «кукловодами» и они гордились этими контактами.

Так что газета, к сожалению, постепенно стала допускать и обслуживание народных «слуг». Те могли позвонить в редакцию и попросить поставить нужный им материал. Причин допустить это у шефа могло быть несколько. Первая — материальное преуспевание (если мне сейчас хорошо, значит, правящая элита — хорошая). Вторая — любовь к любым переменам (если раньше было плохо, а сейчас что-то меняется, значит, это точно к лучшему). Третья — личная благодарность Ельцину (если он дал мне квартиру, значит, меня высоко ценит, значит, и я должен ценить его).

«Не царское это дело» — часто слышалось в редакции: такими словами баловали Бориса Николаевича депутаты, лепя из него очередной «культ личности». Их все меньше трогали невыплаты народу по целому году зарплат, пенсий, запущенность всех хозяйственных «узлов». И шеф вместе с ними стал больше ценить сотрудников уже не по заслугам, а по услугам. Но не всегда это ему удавалось...

В разгар чеченских событий я сделала интервью (с ныне уже покойным) генералом Александром Лебедем. Там он дал негативную информацию о тогдашнем министре МВД Анатолии Куликове. Газета вышла в свет, и Куликов подал на нас в суд. За клевету. На суде пришлось отбояриваться мне, как автору.

Слава Богу, что сохранилась запись на пленке, но все равно, нас считали виноватыми, так как мы «размножили» непроверенную информацию. То, что оба генерала были чиновниками и сами должны нести ответственность за свои слова и действия, в расчет не принималось. Там был один важный момент — у меня спросили, что мы выбираем: крупный штраф и делу конец, либо будем биться до последнего. Но ответ надо было дать сейчас же.

Я решила посоветоваться с шефом, и позвонила ему. Старкова в редакции не было, помощник все-таки нашел его, но он не захотел подойти к телефону. Я помощнику: «Зови его!» Тот в ответ: «Он не идет!» Я снова: «Зови немедленно!» Шеф, наконец-то, подошел, и первое, что мне сказал: «Я тебя увольняю!» Ну и ну! «А я не у вас лично работаю, поэтому сама буду принимать решение, когда мне увольняться!» И все. Больше никогда он мне не произносил подобных слов, хотя другим не раз угрожал ими...

Словом, в редакции происходило много разных «горячих» событий, и в них отражалось — как в зеркале — то, что было во всей стране». «А курс у нас один — правильный», — так бы подытожил все это Виктор Черномырдин».

ВИПОВСКИЕ ОБЕДЫ

Зачем, друзья, все эти озарения,
Застольные беседы о «верхах».
Уходит постепенно поколение,
Скользнувшее по жизни впопыхах.
В.С.

Справка: Министры, лидеры партий, губернаторы, послы считали делом чести приехать в «АиФ» и дать интервью Старкову. Проходили эти встречи по четвергам в кабинете главного редактора за обедом. Весу ему добавляло и то, что из редакции шесть журналистов были

избраны депутатами. «АиФ» с таким гигантским тиражом в 33 миллиона экземпляров был серьезным явлением в стране. Многомиллионная аудитория воспринимала Старкова как человека влиятельного.

Конечно, «випы», тогда еще не столь избалованные, млели при виде пышного приема. Красивый особняк, обаятельный главный, повара (собственные!) постарались вовсю — стол был уставлен изысканными блюдами. Беседа произвольного характера записывалась на диктофон, кроме моментов, не предназначенных для посторонних ушей, то есть для публикации в газете. С каждым новым гостем Старков и сотрудники набирались опыта, а также знаний «законов» подковерной политики. Все чаще Старков стал говорить об этом: «Без интриг скучно. Они — моя стихия». (Эта стихия впоследствии и поглотила его именно тогда, когда он твердо решил, что стал «королем интриг»).

Наталья Желнорова, журналист: «Мне приходилось часто бывать на таких обедах, поскольку из застольных разговоров надо было сделать материал для публикации. Это было нелегко, так как при еде кровь обычно приливает к желудку и отливает от головы. Поэтому ответы соответствовали подаваемым блюдам. Но все равно, там можно было почерпнуть немало интересного.

Тогда и задавались вопросы, не всегда приятные. «Вип» немного терялся, шеф демонстративно защищал его, а потом все-таки просил «уважить женщину», ответить на вопросы. И тут же следовал тост «за ее здоровье». Если у меня был совсем уж дерзкий вопрос, я глазами сигнализировала об этом главному, он находил момент «на минуточку» покинуть кабинет, и тогда гость полностью был предоставлен в мое «распоряжение». Таким образом нам удавалось «взять за рога» расслабленного героя. Нередко он выбалтывал какие-то тайны.

Плюс от этих обедов был не только в получении материалов, но и в нашем понимании закулисных интриг: кто с кем, против кого и главное — за что? Было и влияние на этих руководящих особ. Они

растворялись в обаянии шефа и порой сами просили посоветовать им выход из какого-то щекотливого положения. Просили, чувствуя преимущество Старкова. А оно было очевидным: он сам создал свою компанию. Гости же чаще всего сидели на готовых креслах, пододвинутых под них либо государством, либо всегда заблуждающимся электоратом. Правда, были и жаркие споры, только что за грудки не хватали друг друга; были и требования к «випам» от шефа: «помирись с тем-то» или «не дружи с этим».

Николай Зятьков, главный редактор: «Общение принимало даже такие удивительные формы, когда приглашенные ВИПы приходили к нему, не просто как к журналисту, известному редактору, а как к политическому деятелю. Его таким воспринимали лидеры различных партий, министры, главы администраций президента. Старков на эти обеды-интервью приглашал меня и других членов редколлегии, а также журналистов, занимающихся той же проблематикой, что и приглашенный гость.

Зачастую, особенно к зениту его карьеры, эти интервью превратились в явный инструктаж. Старков не просто спрашивал, что и как. Он внушал, настаивал, что надо сделать так-то и так-то, и строго спрашивал: а почему вы так не делаете? Я не помню, чтобы кто-то возмутился и сказал: а кто вы, собственно, такой, чтобы советовать мне?! Да вы просто журналист, редактор уважаемой газеты, а мы, мол, сами все знаем. Такого не было. Во-первых, он умел не обидно подать свои советы, во-вторых, после этого завязывалась яркая дискуссия. А в-третьих, все-таки большинство этих советов были разумными.

Чиновники закисали в своих рутинах, проблемах. И, наверное, взгляд со стороны им очень был нужен. Они сами говорили, что эти идеи Старкова — интересные. Кстати, и с Лужковым был обед, где Старков дал семь четких советов, что нужно делать в центре Москвы, на окраинах, в районах. Как человек, совершенно не воспринимающий критику, Лужков сразу начал спорить, но все-таки в итоге с ним согласился.

Были и другие моменты. Я помню один случай с Явлинским. Беседа приняла жесткий оборот. До оскорблений, драки, правда, дело не дошло, но за грудки друг друга они похватали. Старков говорил ему, что он там, в политике, все упустил. Кстати говоря, он в этом был провидец. Когда-то Явлинскому предлагали перед выборами пост премьер-министра, а он соглашался только на президента.

Старков говорил: «Если для страны надо, ты должен стать премьером: ты — экономист, ты прогрессивный, ты либерал». Советы перешли в упреки. Дошло до того, что мы их разнимали. Я помню, как успокаивал Явлинского: «Поймите, Владислав Андреевич все так видит, это не злобный взгляд». — «Нет, я больше к вам не приду». А Старкову я говорил: «Явлинский такой обидчивый — он ведь привык к власти, он лидер партии». Но в итоге все потом как-то утряслось».

Галина Волчек, актриса, режиссер: «Я никогда не забуду приемы в его кабинете — это был какой-то праздник для всех. Дело ведь не в том, что тебя вкусно накормили — вкусно кормят во многих местах. А в том, как и чем это сопровождалось. Меня это потрясало. Старковское неравнодушие проявлялось во всем: главным образом, в его отношении к своей работе, в его умении устанавливать атмосферу».

Тамара Фатеева, секретарь: «К устроительству приемов и конференций Владислав Андреевич подходил со всей серьезностью, продумывая каждый нюанс, каждую очаровательную мелочь. У него было необычайно развито чувство красоты, он, в хорошем смысле, был эстетом».

Владимир Воинов, сотрудник редакционного аппарата: «Однажды Старков попросил меня пригласить на такую встречу лидера коммунистов Зюганова. Мы вместе учились, я ему позвонил, он согласился. Приехал на 20 минут раньше. Я доложил Старкову, что Зюганов уже в редакции. Главный редактор ответил: «Пейте чай и 20 минут вспоминайте свои студенческие годы». Потом у себя в кабинете Стар-

ков стал задавать коммунисту острые вопросы, которые волнуют читателей. Не доев свою киевскую котлету, товарищ Зюганов встал и, обидевшись, ушел.

Старков сказал мне: «Догони и объясни своему студенческому товарищу, что завтра на первой полосе будет опубликована его фотография и комментарий о позорном бегстве из редакции». Я догнал и объяснил Геннадию Андреевичу, что его поведение напоминает бегство с трибуны на площади, где собрались сотни людей на митинг и забросали его помидорами, и посоветовал вернуться и сказать, что неожиданно «зашалило сердечко» и пришлось отлучиться в туалет. Интервью появилось в очередном номере газеты — большое и острое.

К мнению Владислава Андреевича прислушивались, ценили. Помню, как премьер-министр страны попросил аудиенцию у главного редактора. Премьер захотел провести беседу не у него в кабинете и не в редакции, а на нейтральной полосе. Старков предложил встретиться в Переделкино на своей даче. На следующий день весь Кутузовский проспект был перекрыт, и кортеж Черномырдина прибыл на дачу Старкова. Встреча продолжалась 5-6 часов. Обедали, гуляли по лесу, пили чай и кофе. Нам пришлось съездить в ближайший магазин за продуктами, разместить в беседке и накормить человек 20 из свиты Черномырдина.

Премьер уговаривал Старкова войти в состав правительства, занять должность вице-премьера и начать руководить средствами массовой информации. Старков ответил, что свою родную газету оставить не может, и предложил на этот высокий пост Генерального директора ИТАР–ТАСС Виталия Игнатенко. К тому же Игнатенко когда-то уже трудился в аппарате ЦК КПСС и имел огромный опыт работы. Вскоре появился Указ Президента о назначении В. Н. Игнатенко вице-премьером Правительства. А тогда на даче Старков, расставаясь с премьером, высказал единственную просьбу: сохранить за Игнатенко пост почетного директора ИТАР-ТАСС. «Когда он уйдет из Правительства, он снова станет Генеральным директором своего информационного агентства». Так в последствии и случилось».

ВЛЮБЛЕН И ОЧАРОВАН

…А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других…
Максимилиан Волошин

Справка: Старков и раньше любой рассказ близкого человека воспринимал как призыв к действию; он всегда старался помочь, что-то дельное посоветовать, вдохновить, приободрить. А когда стал уже влиятельным и известным человеком, всем своим друзьям безоговорочно оказывал любую помощь.

Умение влюбляться — одно из прекрасных качеств, чаще всего присущих молодым людям. Старков был уже не молод, но с каким удовольствием он влюблялся в людей! Отношения с «полюбившимися» из-за этого часто были неординарные. Первый этап — слепая любовь, он не замечал недостатков, он забывал о том, что реальность сурова и человек имеет полное право не соответствовать поставленному перед ним «образцу», — нет, он все равно был очарован понравившимся человеком.

Вторая часть — разочарование, порой бурное: «как ты посмел не оправдать моих надежд и ожиданий?!» Редакцию иногда сотрясало от этой любви — сначала в одного, потом в другого, третьего. Если это касалось известных людей, то все знали: в газетном слове их трогать нельзя. Разве что только дифирамбом. Так что необузданность — одна из сильных черт характера Старкова — достаточно тяжело вписывалась в деловую атмосферу коллектива.

Николай Зятьков, главный редактор: «Да, была у Владислава Андреевича постоянная влюбчивость. Мы пережили много властей. И в целом занимали (во всяком случае старались) жесткую позицию

в отношении власти, все на это были нацелены, настроены. Но возникал какой-то новый руководитель страны, правительства, и Старков как редактор ведущего издания с ним знакомился.

После этого приходил, собирал нас и эмоционально говорил: «О, нам так повезло, это такой человек! (Это после знакомства с Горбачевым, Гайдаром, Ельциным). Теперь все точно поменяется к лучшему». А мы все в ответ: «Давайте посмотрим, жизнь-то хуже становится». Он — нет, и все тут. Даже обижался на нас, что мы его не поддерживаем, не понимаем, не верим его интуиции. Потом проходило какое-то время, и он сам говорил: «Да, все не так. Советов газеты не слушают». В общем, так было до следующего человека, который восходил на престол.

Конечно, к друзьям своим он относился необыкновенно тепло. Старков интересно рассказывал, как он дружил с Аллой Пугачевой, с Филиппом Киркоровым. Однажды Филя Киркоров пришел к нам в буфет, и мы просто сидели, разговаривали, перекусывали, а он привык, что вокруг него всегда поклонники. Он все время требовал к себе повышенного внимания, чтобы его хвалили: «Что вы все о своем, опять о газете. Поговорите лучше обо мне». Чувствовал себя у нас совершенно неуютно.

Старков после этого рассказал, что как-то на 7 ноября позвонил ему Киркоров и спросил, что тот делает. Старков ответил, что у него гости, приехала дочь. Протекает обычная активная жизнь. И Филя вдруг спросил его: «А можно мне к вам приехать?» И голос такой грустный-грустный. Праздники тогда были довольно длительные. Все разъехались, у него гастролей нет. И вся эта свита, вся эта шелуха от него отвалилась. Такие они «крутые», а на самом деле — очень одинокие и ранимые».

Татьяна Зеленанская, журналист: «Когда мы с моей коллегой создали независимую женскую радиостанцию «Надежда», а было это в 1992 году, и «Аргументы и факты» уже всей стране были известны, Старков всячески меня поддерживал. Он умудрялся в трудные для

радиостанции времена помогать ей даже материально, чего просто невозможно представить в наше такое прагматичное время! Это мог делать только он».

Елена Коренева, подруга: «Я видела, что Владик готов на все ради близких друзей — он очень ценил Борю Павлова, Толю Мамциса, Володю Суичмезова и многих других.

Со мной вообще вот такой случай был. Несколько лет я жила в Израиле. Владик знал, что мне там не очень хорошо. Я уже была от него далеко, но он помнил о нашей дружбе, по телефону уговаривал вернуться и обещал мне в этом помочь. Я согласилась. Владик позвонил послу РФ в Израиле Александру Бовину, что меня очень тронуло.

Ну, подумайте, кто я, и кто он?! Старков попросил Бовина оказать содействие в моем выезде в Россию. Бовин меня принял. Он сказал: «Владислав Андреевич — это святое. И если вы ему близкий друг, то я готов помочь вам выехать обратно в Россию». Я навсегда запомнила эту встречу».

Мария Варденга, журналист, сценарист: «Вспоминаю свою первую встречу со Старковым, так как забыть ее просто невозможно, она у меня перед глазами. По дороге в «АиФ» я твердо решила, что имею дело с классическим образчиком несостоявшегося режиссера. Его театр начинался даже не с вешалки — с уличной будки охранника: «Вы к Владиславу Андреевичу? В первый раз? Да что вы! Ну, поздравляю, поздравляю...».

Подобные «предупредительные выстрелы» перед визитом к главному редактору газеты меня крайне удивили. Я не понимала реакции. Ну, написала статью. Статья, как сказала мне редактор отдела культуры, Старкову очень понравилась. В связи с чем он пригласил меня на собеседование.

На второй этаж к его кабинету я поднималась, однако, с ощущением какого-то важного, определяющего события моей жизни. Быть

может, оно рождалось общей торжественностью происходящего: восхождение по парадной, устланной ковром лестнице до белых дверей настраивало на безусловный праздник. В приемной толпились посетители. Чувство торжественности подкреплялось постоянными заинтересованными расспросами: «Ой, а вы новенькая? Написали что-то? Да что вы!».

Тот, кого я увидела в кабинете, окончательно утвердил меня в мысли, что я имею дело с постановщиком высокого класса. Сидевший во главе огромного стола человек с пронзительными, просверливающими глазами начал без всяких предисловий: «Знаешь, что ты — большой талант?» Я растерянно пожала плечами. «Так вот — знай! Это навсегда и это — не лечится. А что из этого следует, знаешь?»

В 25 лет я этого, разумеется, не знала. «Из этого следует, что тебе будет трудно. Любовь у тебя есть?» — спросил он дальше. И я удивилась: с чего это он думает, что я с первого слова начну рассказывать такие вещи? Вслед за чем — неожиданно для себя — все рассказала. «Вот видишь! — сказал он удовлетворенно. — Все потому, что ты — талантливая. Значит, мужчина тебе нужен — гениальный. А много на свете гениальных мужчин?»

Я испуганно покачала головой. «Правильно. Единицы. Поэтому ты должна научиться быть счастливой одна. Поняла?» Откуда он все знает, судорожно соображала я, он ведь видит меня первый раз в жизни! «Если встретится гений, держи его крепко, — невозмутимо продолжил Старков. — Предложение делай первая. Сама. Не стесняйся, ничего не жди. Понравился человек, подходящий — предлагай жениться первая. Мужчины жениться не любят. Никакие и никогда. В том числе я. Поняла?»

Я окончательно растерялась. «Это я к тому, что все эти предрассудки общественные сразу выкинь вон из головы. И вообще все обычные правила выкинь, которые на других распространяются. Иначе будешь страдать...»

Откуда он все знает? От сидевшего напротив меня человека исходило необыкновенное ощущение силы и знания о том, как обра-

щаться со всем вокруг происходящим. «Про Доронину хорошо ты написала. Но про театральный институт не жалей. Нечего тебе там было делать, — прервал молчание Старков — Ты для этого дела слишком умная. И вот теперь давай подумаем, что же со всем этим делать», — говорил тем временем Владислав Андреевич. «А что делать?» — спросила я. «Как что? — и Владислав Андреевич, широко улыбнувшись, откинулся в своем кресле, — Тебе надо идти работать в «Аргументы и Факты». И начинать строить здесь свою жизнь. Ты в Париже была?» «Нет», — вздохнула я. «Вот видишь! А я тебя пошлю! А в Лондоне была? Ты и в Лондоне у меня будешь. И в Нью-Йорке... И везде, где захочешь. Будешь от нас ездить, писать свои гениальные статьи, творить...»

Он был абсолютным патриотом собственноручно созданного театра-государства: его монархом, его первым почетным гражданином, его солнцем. «А если не получится?» — «Как это — не получится? — искренне удивился Старков. — У тебя?!» И он довольно засмеялся. Как смеялся каждый раз, когда спектакль произвел должное впечатление на собеседника. Ошарашивать было его любимым занятием. Ему нравилась роль всесильного вершителя судеб, эдакого Зевса, которому позволено вторгаться даже туда, куда не пускают порой и близких друзей.

«Значит, так, Машенька, садись, рассказывай. С кем ты, моя девочка, в отпуск едешь? Говори». — «Допустим, с подругой». — «Не допустим! Ехать надо с кавалером. Молодым, задорным. Повышающим самооценку. Поняла меня?» Ну что на это сказать? Киваю головой. Поняла, мол. Не проходило и это. «А не надо мне отговорок вроде «откуда его взять». Я тебе сразу скажу, откуда. Взять его надо у нас. Из семьи. Вон сколько в «АиФе» мужчин. На любой вкус, от 20 до 60. И каждый из них захочет с тобой поехать. Если добрый Владислав Андреевич его с тобой в командировку зашлет...» И он радостно хохотал над затеей: «Значит, так. Едешь в Петербург. С тобой поедет Вася (Петя, Миша, Коля). Мальчик хороший. Поведет себя хорошо — будем рассматривать. Если что — сыграем свадьбу, не бо-

ись. Идет?» — И опять смех. Ни с кем и никогда я так не смеялась над неразрешимыми проблемами бытия».

Галина Волчек, актриса, режиссер: «Это было далеко за перестройку, где-то 90-е годы. Он мне позвонил и говорит: «Галь, у меня душа разрывается, Бог знает кто ездит на иномарках, а ты на Жигулях». «Мне нормально, у меня нет комплексов. Я всю жизнь на них проездила», — ответила я. Он говорит: «Мы продаем автомобили, в основном своим. Вот есть машина, на которой я ездил. Она была в хороших руках. Галь, возьми ее, покупай. Беленькая «Вольво» с кондиционером. Ты на ней будешь с удовольствием ездить». «Ой, нет. Это дорого, наверное», — говорю я. «Она стоит всего 1000 долларов — символическая цена. Ну, представь, если бы тебе очень захотелось платье за эту же цену, ты же ведь купила бы?!» «Я бы все-таки подумала». Короче говоря, он меня уговорил. Я купила машину. И я с такой благодарностью несколько лет ездила на ней!

Нас со Старковым породнило трепетное отношение к людям. Для меня важнее награды нет, чем когда ко мне приходят мои сотрудники и говорят: «У меня день рождения, а можно его отметить на этаже?» Я счастлива, что человека тянет к театру, как к своему дому. Старков очень любил, когда я посвящала его в наши театральные глупости и рассказывала что-то смешное — и про Ефремова, и про Евстигнеева, и про себя, и про других известных артистов. Очень ценил и любил юмор.

Что мне досталось от него лично? Как рефрен — его неравнодушие. Равнодушный человек может не заметить, как кто-то корчится от боли. Только рассуждает о человеколюбии. А Старков во всем был неравнодушен».

Наталья Желнорова, журналист: «К вопросу о шефской влюбленности. Вспомнился такой смешной эпизод. У Старкова дома была любимая кошка. Она принесла приплод. Куда девать котят? Стал уговаривать меня. Я отказывалась. Тогда он самовольно поставил

в мою машину коробку с котенком. Еду вечером домой, котенок беспрерывно мяукает, а я злюсь. При резком торможении коробка упала с заднего сиденья, крики прекратились. Принесла коробку в квартиру, поставила на пол. Дома эта кроха молча вертела милой головкой, торчащей из коробки. Дети не поверили своим глазам, были на седьмом небе от счастья. У нас уже был щенок, и теперь все, что творили эти два веселых малыша, вызывало наш дружный смех.

Котенок вырос, стал большим, важным котом. Все было бы хорошо, но он часто метил свою территорию, приводя меня в жуткое негодование. На расспросы Старкова о своем «котенке», я честно рассказывала о его плохом поведении.

Прошло несколько лет. События так быстро развивались, что нам всем уже было не до котов и кошек. И вот при очередном нашем споре Старков, как злой следователь, неожиданно спросил: «А как там мой кот?» и в упор посмотрел мне в глаза. «Недавно снова облил мое одеяло!» — со злостью ответила я, давая понять, что и кот его такой же «вредноватый», каким бывает и он сам. «Так он у вас по-прежнему и живет?» — вдруг ласково зазвучал голос шефа. «А где же ему еще жить?» — удивилась я. Старков расцвел: «Я думал, что ты его уже давно выбросила на улицу...» «Это хорошая идея», — буркнула я.

Через неделю у меня был день рождения. Старков преподнес мне объемный пакет, в котором оказалось... большое теплое шерстяное одеяло. (Берегу до сих пор). Вот таким был этот удивительный человек».

Юлия Кузнецова, жена: «Почему он был так сильно привязан к своим друзьям? Скорее всего, потому что внутренняя закрытость не позволяла ему легко принимать в свою судьбу новых и новых друзей. А обходиться вообще без друзей он абсолютно не мог. Полезных, нужных людей превращать в больших друзей у него не получалось, да он этого и не хотел! Отсюда — очень узкий круг друзей, который был сформирован еще в юношеские годы. Видимо, поэтому он так и дорожил им, почти как антиквариатом.

Старался помогать людям. Вот какая история произошла с Вячеславом Костиковым, который был в те времена послом России в Ватикане. Он написал книгу о Борисе Ельцине, главы из которой начал печатать «АиФ». Но после опубликования этих глав Костикова уволили с должности посла. Владислав очень переживал, думал, может, не стоило печатать, может, еще рано. И когда Костиков остался без работы, то Владислав предложил ему работать в «Аргументах». Он до сих пор там, у него в редакции лучшее перо. Старков в этом отношении просто молодец.

У него было такое трепетное отношение к друзьям, что даже один из них — Борис Павлов (в 2009 году он умер) — довел нас... до развода! Он пытался ухаживать за мной, обнимать, поглаживать руку, постоянно говорил комплименты, и мне это настолько не понравилось, что я вынуждена была попросить мужа отказать ему от дома. Владислав тогда возмутился: «Как ты так можешь? Тебе это показалось! Ничего этого не было!»

Ну как мне показалось?! Я уже была не маленькая девочка, у меня это был второй брак. Конечно, меня воспитали в хороших нравственных правилах, и неужели же я не могла разобраться, где дружба, а где — ухаживания? В итоге я твердо заявила мужу: «Я не хочу его видеть в нашем доме!» — «Ах, раз так, то, может, ты и меня не хочешь здесь видеть?! Тогда мы не можем быть вместе!» — объявил в запальчивости Владик. Но я ему спокойно ответила: «Не можем быть вместе — значит, не будем вместе». Он ушел из дома, оставив такую записку: «Будь несчастлива!»

Из дома-то он ушел, но мы тогда все равно вместе работали в Гидрометцентре. И я, разумеется, узнала, что он завел себе подружку, какую-то очень красивую женщину, даже быстро женился на ней. Прожили вместе они всего полгода, а потом постепенно-постепенно он стал возвращаться ко мне. Мне он сказал (так, видимо, говорят все мужчины, которые возвращаются), что с ней он больше не может жить».

Глава шестая

БОЛЬШОЙ ПАПА

У каждого своя есть мера власти.
И каждый склонен упиваться ей.
От власти наши горести, напасти
С рождения и до последних дней.
В.С.

Справка: Все сначала с удовольствием воспринимали Старкова как папу. Это выглядело вполне позитивно, было редкостью — все-таки отеческая забота. Тем более, что главный редактор обожал работать с молодежью, ему казалось, что из них можно вылепить все, что хочешь. С кем-то так и происходило, но не со всеми...

В редакции к тому моменту появилось много новых хороших журналистов. ***Вероника Сивкова, Мария Кактурская*** *делали отличные материалы по социальной тематике,* ***Татьяна Нетреба, Виталий Цепляев*** *сообщали о том, что творилось в Кремле и Белом доме,* ***Марина Мурзина, Владимир Полупанов*** *знакомили с культурной жизнью,* ***Игорь Попов, Сергей Осипов*** *готовили исторические материалы,* ***Ольга Шаблинская, Игорь Изгаршев, Юлия Шигарева*** *«раскрывали» тайны звезд, моды и светской жизни,* ***Владимир Мартынов, Борис Мурадов*** *вообще способны были интересно написать обо всем, а* ***Ольга Попова, Татьяна Кузнецова*** *сообщали, как живут люди в регионах. И каждый из них старался на своем поприще. Не было ни одной ниши, из которой они не выдернули бы самых умных и опытных людей.*

Виктория Шкаровская, журналист: «В редакции Владислава Андреевича называли не столько по имени-отчеству, сколько... «Срочно с полосой к шефу!», «Папа приехал — все на планерку!»... О его настроении («жует щеку» — была у него такая привычка — значит, сегодня не в духе) весть разносилась по редакции моментально. Все робели, тем более, что не всегда чувствовали его критерии, что для газеты хорошо, что плохо. Он не выносил посредственности, лени, к вялым «материалам» был беспощаден — в день подписания номера корзины распухали от перечерканных красной ручкой полос.

Не любил, когда ему перечили, легко раздражался, и все помнил. Причем, не только плохое. «Как с ним трудно!» — это говорили практически все. Собственно, он и был папой. Со всем полагающимся: и выпороть, и приласкать, сегодня одного, завтра другого — «детей-то» куча. И те на него, как водится, и обижались, и рыдали, и матом за глаза крыли, и, в сердцах, бывало, заявления начинали писать об уходе — из «дома», из «АиФ».

Николай Зятьков, главный редактор: «Коллектив у нас был такой яркий и творческий, живой и мобильный, как театральная труппа. Старков, как и мечтал, был режиссером, основателем большого дела. Так случилось, что характер Старкова формировался под влиянием матери. Со временем он становился жестче и жестче. Жизнь заставляла. Может быть, как компенсация этой черты в нем возникла уверенность, что он все знает и умеет. В итоге — он уже руководит не только своей семьей, но и сотрудниками, друзьями. Он всем все рекомендует, вплоть до того, как одеваться, как вести себя в семейной жизни, сколько детей должно быть, куда их отправить учиться.

В большинстве своем это было интересно и полезно. Особенно на начальном этапе, когда все подавалось в таком дружеском плане: я — как бы «большой папа», а вы — мои дети. Это было редкостью и потому удивляло. Он и был для нас Большим Папой первые семь или даже десять лет. А потом, когда сотрудники уже выросли, и многим было за сорок, эти поучения и советы стали понемногу

восприниматься как навязчивые, менторские. И коллективу все труднее было воспринимать их, особенно, когда они касались личной жизни сотрудников».

Людмила Новикова, журналист: «Не ко всем Владислав Андреевич одинаково относился, кого-то любил, кого-то еле терпел, кого-то ненавидел, быстро выгонял с работы. Помню, когда я руководила региональными «вкладками», у нас в Благовещенске был семинар, и мы летим в самолете, стюардесса еду разносит, вдруг красный огонь загорелся, мы попадаем в большую турбулентность. Все орут. Я тогда сильно перепугалась.

В общем, в Иркутске мы приземлились с большим трудом, и там сидели всю ночь. Потом этот самолет подремонтировали, на нем же до Благовещенска и долетели. Когда обратно прилетели, я рассказываю Старкову, что перепугалась, а он: «Слава тебе, Господи, хоть летать перестанешь». Я: «А вам-то что?» Он: «Тебя жалко. У тебя же давление».

Еще он был хорош тем, что на людей редко кричал. Я только один раз слышала, как он орал на одного из наших сотрудников, что-то тот перепутал. Потом обнимает его, целует: «Ладно, иди, работай». (Просто сейчас, когда мы его потеряли, вспоминается только хорошее)».

Наталья Бояркина, журналист: «Меня Старков ценил за то, что я любила ездить в командировки. Правда, у меня была одна такая хитрость, которую он не разгадал. Я любила ездить в командировки, во-первых, летом, во-вторых, всегда совмещая приятное с полезным. Иногда брала командировку на пять дней — за два быстренько успевала сделать тему, переговорить со всеми, и еще два дня из этой командировки я отдавала ребенку: делала крюк длиной в 300 км, чтобы встретиться со своей дочкой, отдыхавшей в это время у родственников в Башкирии.

Потом Старков что-то заподозрил и сказал «в Башкирию ее больше не пускать». Но он плоховато знал географию. Пензенская, Мор-

довская области расположены близко, а Свердловская и Челябинская просто граничат с Башкирией. И я все равно видела своего ребенка летом по два-три раза. Старков не знал об этой моей хитрости. Хотя это было явное использование служебного положения в личных целях.

Я помню, когда у меня в семейной жизни были проблемы, я приходила к нему, плакала, говорила, что с мужем развожусь. Он выяснял, люблю ли я мужа. Однажды все это слушал, слушал, а потом неожиданно резко сказал: «Мне надоело твое кислое лицо». Он меня встряхнул и заставил плюнуть на все эти проблемы, растереть их и пойти вперед».

Наталья Желнорова, журналист: «Журналистский коллектив сам по себе достаточно строптивый. Без этого в нашей профессии не проживешь. Но как же его сделать послушным, хотя бы в стенах редакции? Шеф по своей любимой «капитанской» привычке узнавал, чем человек живет, о чем мечтает, что думает о других своих коллегах. Известен до тонкостей его прием: скажет что-то не очень лестное о ком-то и ждет, что последует в ответ. Сотрудникам легче было согласиться с ним, чем упрямиться. Если поддакивал, значит, это «свой человек». Эта ситуация была совершенно типичной, абсолютно классической для нашей страны с ее вековым «холуйским» менталитетом. Либо ты начальник, либо ты дурак. Либо ты раб, либо ты враг...»

Елена Старкова, дочь: «После инсульта он изменился. Стал жестче, стал закрываться. У него пострадала левая сторона, которая отвечает за такие женские качества, как доброта, открытость, ласка. В результате меньше стало проявляться сострадание. Все чаще он говорил, что «если ты держишься сильных людей, ты развиваешься», с другой стороны, душа его, которая по прежней привычке испытывала сострадательные чувства ко всему живому, боролась.

Была ли разница между тем, какой он был дома и какой на работе? В целом, думаю, нет. Всегда он был умным, прямолинейным, же-

стким, четким. И всегда — кроме его — ничьего мнения не существовало. Эти игры его ума не давали ему общаться с людьми на тонком уровне, на тонких вибрациях.

При всем при этом он был очень разносторонним. Отец был гармоничен в своем состоянии ума и души, но не мог их соединить. Хотя в целом был счастливым человеком. Видимо, за счет того, что достигал цели, к которой шел. Естественно, ею была не только своя газета, но и стремление к свободному мышлению. С одной стороны, у него была эта тяга к свободе, а с другой, он ее и побаивался. То есть, его чувства диктовали свободу, даже требовали ее, а включение рационального ума напоминало, какие при этом могут быть последствия. Ну, например, что будет, если призвать народ выйти на улицу».

Юлия Кузнецова, жена: «Место главного редактора газеты его очень устраивало. Главное, что он хотел быть свободным человеком, быть не чиновником, а творцом. Он не хотел высоких должностей. В этом плане никому не завидовал. Да и кому? Его яркая, необыкновенная, притягивающая всех к себе харизма была, скорее всего, врожденной, а ее слагаемые — это высокий интеллект и отличная память. Я тоже так считаю, если с человеком интересно, это уже харизма. Если человек много знает, умеет донести свои мысли до других, то он явно значителен в глазах многих людей».

Марина Мурзина, журналист: «Все мои воспоминания о Старкове связаны исключительно с работой в редакции «АиФ», куда он принял меня, что называется, не глядя, 1 апреля 1994 года. Скажу, что была немного изумлена: принесла публикации в «Известиях», где проработала 8 лет, то, что печаталось во время службы в пресс-центре на Российском телевидении.

Нарядилась, припомадилась: еще бы, такая газета, такой известный человек! Волновалась. И вдруг редактор отдела культуры и моя тогдашняя знакомая Рая Валитова, которая пошла договариваться к шефу (а Старкова называли в редакции именно так), очень быст-

ро выходит из его кабинета и говорит: «Увольняйся с РТР и с 1 апреля ты у нас!» А как же важная встреча? И творческое собеседование? Ничего не понадобилось! К моему глубокому удивлению, разумеется.

У Владислава Андреевича, как у человека талантливого, настоящего лидера, наверное, было свое чутье — кто ему нужен в работе, он понимал с пол-абзаца. А дело в том, что как-то я зашла к Рае в «АиФ» поболтать, и она попросила срочно написать в номер о смерти Джульетты Мазины. Вот так — сесть и написать, мне, чужому и неизвестному здесь журналисту. Села. Написала «срочно, в номер» буквально страничку текста — «Улыбка Джульетты Мазины». Оказалось, как после сказала мне Валитова, шеф запомнил! Конечно, это было очень лестно и приятно. Это к вопросу о чутье, которым он обладал.

Лидер. Личность. Журналист с интересом и вниманием ко всем сферам жизни, как многие знали, — особенно к искусству, музыке, живописи, театру. А это редчайший случай, когда «главный», при своей огромной занятости и ответственности (а Старков жил по принципу «я отвечаю за все, был именно «главным», но и требовал того же от других) активно и с пониманием относился к сфере и к людям искусства.

В кабинете Старкова, благодаря этому его интересу побывало множество знаменитых и талантливых — от Аллы Пугачевой и Галины Волчек до Андрея Вознесенского и Алексея Германа, Олега Табакова и так далее, без счета. Очень интересно было изредка присутствовать при их беседах. И надо сказать, это были очень личные и опять же искренне заинтересованные диалоги.

Кстати, с его кабинетом связана и одна забавная история! Редакция, любая, как известно, коллектив творческий, подобно театру или съемочной группе. А творческие люди любят и отдохнуть, хорошо посидеть, расслабиться. После работы, понятно. А Владислав Андреевич частенько уходил из редакции поздно. Ну что же? Сидим, ждем. А был чей-то день рождения. Заглядывает любимая всеми Тамара

Васильевна Фатеева, помощница шефа, наш редакционный «талисман» и шепчет: «Ребята, шеф уехал, можно начинать!»

А мы сидим в особняке на Мясницкой в больших залах, поделенных на «боксы-клетушки». Набились в мой бокс, человек десять, сидим и на столах, на коленях кто-то у кого-то. А на столе, заваленном текстами, — что? Шоколадки, бутербродики, апельсины, ну, и понятно, что еще. И пластиковая посуда. Смели все в 15 минут. С тем, что еще — тоже управились. И вдруг — распахиваются двери, на пороге — шеф! Заглянул, поздравил именинника и говорит так серьезно: «Нет, ребята, это не дело — на столе пусто. Пошли все ко мне в кабинет, там после очередного обеда столько осталось!» Мы не без радости, а главное — удивления, всей гоп-компанией двинулись.

Владислав Андреевич позвал Володю, своего помощника по застольям: «Неси все!» Тот принес. Кто-то, осмелев, попросил сигареты (курили у нас в зале — Старков не любил дыма). Притащил и сигареты! Но... в ответ шеф потребовал нашу гитару принести. Какой же отдел культуры без гитары, она у нас в шкафу была. И многие в редакции играли отлично, а уж пели, по-моему, все! А шеф, надо сказать, любил, когда поют. И потребовал песен. Спели одну, другую. Он засобирался домой, мы повскакивали. А он напоследок: «Не-ет, вы все доедайте и допивайте!» Так мы однажды похозяйничали в его кабинете.

Человек яркий — всегда неожиданнен, непредсказуем, порой яростный, жесткий. Так и Старков. Был, как видите, способен на широкие жесты. Мог быть не в духе, и вся редакция это сразу понимала. Мог кого-то невзлюбить, «отдалить». Имел свои недостатки. Кто-то его боялся, как говорится, «до валерьянки». Видела, как после визита к шефу иных отпаивали ею. А иные и рыдали. Что ж, на то он и шеф.

А у меня над столом висел плакат — приказ Петра I: «Входя к начальству, вид надлежит иметь лихой и веселый, дабы не смущать оные излишним разумением своим!» Владиславу Андреевичу он нравился».

ИГРЫ С ВЛАСТЬЮ: КТО ЗДЕСЬ НЕЗАВИСИМЕЙ?

И в этом мраке таинств и незнанья
Ваш вязнет взгляд в грядущие года.
И что вас ждет в той эфемерной дали,
Быть может, вам не ведать никогда.
В.С.

Справка: Старков принципиально не поставил в своем кабинете «вертушку» — телефон правительственной связи. А друзья, среди которых и Алла Пугачева, и Юрий Лужков, и Майя Плисецкая, и Виталий Игнатенко, и десятки других людей, должны были звонить по обычному городскому телефону. И прекрасно дозванивались.

Некоторые начальники не могли дозвониться в редакцию по обычному телефону и говорили: давайте мы вам «вертушку» поставим. Мы же стояли на своем: не надо, у нас есть редакционные телефоны, читатели дозваниваются, и вы дозвонитесь. Над нами командиром был читатель, и только читатель. Были профессиональные амбиции, был «кайф» от работы — а без этого творческий коллектив жить не может. Нам нравилось, когда мы первыми поднимали какой-то важный вопрос, всегда хотелось быть на острие жизни.

Но на наших глазах реальностью в стране становился афоризм, что «революцию делают фанаты, а пользуются ее плодами негодяи». Привычное рушилось, на смену ему приходили рвачество, нигилизм, пренебрежение болью и мнением народа. У простых людей была одна «отдушина» — СМИ, которые до этого всюду декларировали свою связь с обществом и преданность ему. Куда же все это подевалось?

Ответ на этот вопрос нам дает выдержка из аналитического исследования, проведенного по заказу одного независимого агентства.

Характерно, что в эти годы частные инвестиции в СМИ отнюдь не преследовали цели получения прибыли, а руководствовались преимущественно стремлением целенаправленного воздействия на общественное мнение. Столь алогичное на первый взгляд поведение российских бизнесменов объясняется, скорее всего, тем, что власть над СМИ укрепляла их политическое влияние и обеспечивала возможность активного участия в приватизации и переделе собственности, а следовательно, получении прибыли.

Довольно сложно точно определить сферы влияния различных капиталов на информационное поле. Печатные издания в последнее время нередко появляются и быстро исчезают, часто переходят из рук в руки, меняют владельцев и главных редакторов, а вместе с ними — политические симпатии и антипатии.

Особое место в информационном поле занимают еженедельник **«Аргументы и факты»** и целый ряд приложений к нему, выходящих в 35 регионах России: «АиФ-Москва», «АиФ-Петербург», «АиФ-Кубань» и т.д. Определенной популярностью пользуются также тематические приложения к еженедельнику — «Интерфакс-АиФ», «АиФ-Здоровье», «Дочки-матери», «Жизнь и кошелек» и другие. Их владелец — В. Старков — декларировал позицию независимой журналистики.

Анализ публикаций его изданий свидетельствует об их лояльности проводимому Президентом РФ курсу, негативном отношении к левой оппозиции и ее представителям в Государственной Думе. Еженедельник не раз поднимал тему парламентских привилегий и льгот, но вместе с тем публиковал разъяснения по этому поводу, полученные из официальных думских источников.

Некоторые наблюдатели считают, что издания В. Старкова независимы от финансовых влияний отечественных «олигархов», что обуславливает объективность и самостоятельность оценок и комментариев их авторов.

Николай Зятьков, главный редактор: «У главного были свои особые хитрости работы с властями. Он умело действовал где ласками, где сказками... Собственно, любая власть, и нынешняя в том числе, не любит, когда про нее пишут откровенно, когда критикуют «верхи». Как человек, который вышел из недр тоталитарного режима, и которому после каждого номера звонили, давили и говорили, что «ты не так там написал», Старков знал, с кем пообщаться, если в га-

зете должен появиться острый материал, и чувствовал, когда надо срочно исчезнуть после публикации...

И все-таки мы поняли главное — власти не надо бояться! Надо ее воспринимать, как данность. Все-таки — это сила, за ней стоят и суды, и прокуратура, и типографии. Поэтому способ выживания СМИ — это лавирование или выбор такого пути, который даст возможность максимально что-то сказать и не сгореть самому, и не спалить издание, что происходит у нас регулярно».

— Каким, по-вашему, должен быть хороший главный редактор? — спросил у **Н. Зятькова** корреспондент. И вот что он ответил, основываясь на методах работы Старкова:

— Во-первых, очень творческим человеком. Он не просто должен знать технологию производства газеты. Он, как играющий тренер, и сам должен уметь хорошо писать, и показывать коллегам направления, как и куда двигаться к лучшему. Редакция по большому счету этакое научно-техническое объединение, и для успеха дела нужны какие-то инновации, для того, чтобы коллектив не засыпал, чтобы появлялись новые идеи, чтобы люди старались их воплощать и получали при этом удовольствие. Умение создать такую атмосферу в коллективе — это самое основное качество главного редактора. Коллективу нужен некий творческий «кнутик». Человек по природе своей склонен к равновесию, и если его сильно не колебать, не раскачивать, он стремится лечь в ложбинку. И тогда начинается халтура: заимствования из других изданий, журналисты перестают выезжать из редакции, перерабатывают информацию из Интернета — и в газете замирает жизнь. В конечном итоге издание отрывается от своего читателя, и все хорошее, что было раньше, быстро теряется».

Наталья Желнорова, журналист: «На рынке СМИ «АиФ» выделялся своей яркой независимой позицией. Примеров не счесть, но приведу из своей трудовой жизни, так как они, естественно, запоминаются лучше, чем чужие.

Однажды меня попросили сделать доклад о нынешней экономике России для Международного форума нефтепромышленников, который должен был состояться в Вене. Я очень удивилась и вместо себя предложила поискать для них толкового «экономического» министра или академика. Тем более, что я всех знала, так как с каждым делала материалы. Однако организаторы форума не захотели принять этой замены.

Мне сказали, что на предыдущих мероприятиях такие специалисты уже выступали и еще больше запутали картину, которая складывалась в головах мировых «богатеев». А меня в Вену зовут не случайно: выясняли, какое российское СМИ лучше, доходчивее всех пишет об отечественной экономике, и «тендер» выиграл «АиФ». «А кто в газете заправляет этой тематикой? — Поэтому именно вас и зовем с докладом».

Я пошла к Старкову жаловаться на «австрияков», просить меня «отмазать» от их дурацкой затеи. Неожиданно он согласился, что приглашающие правы, мне обязательно надо ехать и сделать там свой доклад. Так я оказалась в Вене. Мой доклад об экономике был написан в духе писателя Артура Хейли. Озвучив его на форуме, я видела, как люди вскакивали с мест со своими вопросами. Организаторы попросили меня сразу же после доклада ответить на вопросы из зала. Их было несколько десятков. Некоторым ответам даже бурно аплодировали.

После этого меня пригласили на обед с организаторами и «випами» Форума, и еще там часа два мне пришлось отвечать на их вопросы. Почему-то запомнилось, как пожилые миллиардеры приставляли руки к своим ушам, чтобы получше услышать, что я там говорю про Россию. А я говорила о том, как мощно она может выдвинуться на мировой рынок. Увы.

...Этим еще раз хочу подчеркнуть, что наш шеф был прозорлив, потому что я бы сама добровольно на тот «слет» не полетела.

Но почему-то на него нашло какое-то затмение от этих ельциных, чубайсов, бурбулисов, гайдаров... Можно было сделать разобла-

чительные интервью с «теперешными» министрами, сторонниками приватизации, большого «хапка», и шеф знал, что я легко справлюсь с этой задачей, но был против, чтобы «не поставить газету в неловкое положение: «Мы же — демократы! Мы же — за Ельцина и Новую Россию, мы же — за Рынок! За Капитализм!» А в дальнейшем, чтобы не портить с «чубайсятами» отношения (при мне это было бы обеспечено, так как я знала, что у них в голове ничего не складывалось в пользу страны, там были одни схемы «мухлежа»), шеф — подальше от греха — в редакции «поставил на экономику» бывшего музыканта. Я же стала заниматься «политическими портретами».

Свою негативную роль сыграла влюбчивость, особенно в тех, кто говорил что-то новое, необычное. «Это гений!» — восклицал он. «Ну почему гений?» — удивлялись журналисты. «Они так уверенно и непонятно говорят. Значит, что-то такое знают, чего не знаем мы», — просвещал он нас. «Не обольщайтесь, — просили шефа. — Кажется, мы идем к большому краху. И никакие непонятные слова не спасут нас, а напротив, «заколотят в гроб страну». Но своих соратников он не слышал. Они стали ему надоедать.

Шеф в то время часто спрашивал меня: «Почему ты не любишь Ельцина? Ты же с ним знакома?» «Поэтому и не люблю», — отвечала. Когда Горбачев прессовал Б. Н., мне было жалко этого «строптивца», и я приносила ему стопки писем от наших читателей, в которых люди его поддерживали. Он был за это мне благодарен. Когда же его имя запретили вообще упоминать в прессе, а нам хотелось порадовать и его, и людей, которым он полюбился, мы решили сделать выдержку о нем в нашу популярную рубрику «из зарубежной печати».

Нашли подходящую статью, ее немножко подсократили, и опубликовали. Это был кусок его интервью одной испанской газете. На следующий день в помещении Верховного Совета Ельцин подходит ко мне и выражает недовольство, что не все интервью поместили. Я объясняю ему, что, дескать, скажите спасибо, о вас же больше нигде не пишут. Он упрямится, говорит, нет, опубликуйте все. Отвечаю, что наша площадь «бесценна», и если он так настаивает, то в следую-

щем номере дадим только обрывки тех фраз, которые мы сократили. А там было что-то типа вводных слов. Только так отбилась.

Но я запомнила, что он нам не подписал письмо-обращение, где мы просили депутатов замолвить свое слово за нашу редакцию в плане «улучшения жилищных условий». Тогда у нас еще не было дома на Мясницкой, а для его получения требовались ходатайства депутатов.

А чего стоила его история с купанием в речке? Мы с одним парнем из «Известий» были первыми, кому из журналистов он рассказал, как все было. Подчеркиваю, сам. Вечером у нас проходила читательская конференция в Доме кино. И среди записок — вопрос об этом падении. Поскольку утром я слышала эту историю из первых уст, ее и пересказала.

На следующий день в этом же зале выступали члены Межрегиональной депутатской группы вместе с их «папой» — Ельциным. Естественно, что ему был задан тот же вопрос. А ответил он на него уже по-другому: его соратники эту историю политически «зачистили». Когда слушатели заметили эти несовпадения и указали на них, он все свалил на меня: «Желнорова вам соврала».

Вечером мне позвонил домой наш друг, заместитель председателя Моссовета Николай Гончар, и все это с недобрыми словами в адрес Б. Н. пересказал. Но я не скрыла обиду и при очередной встрече выразила ее Б. Н. «Но вы же сами понимаете, людям не надо знать всю правду...», — ответил он.

В редакции я об этом сообщила шефу и не сомневалась, что он будет порицать меня: все мы тогда были подсажены на «священную корову» — политическую целесообразность. Однако, вопреки ожиданиям, Старков сказал: «Правильно сделала...» Для меня это было удивительно, потому что шеф меня ради этой «священной коровы» уже не раз предавал...

То был год бурных выборов: Горбачев или Ельцин? На этом фоне блистали «народные мстители» Гдлян и Иванов. Их имена гремели по стране, так как именно они, опытные следователи, раскрыли гром-

кое дело о коррупции в Узбекистане. «Верхи» приписывали урожаи, присваивали себе премии, звания, деньги. Вся страна, не отрываясь, следила за ходом следствия и, естественно, была на стороне этих «следопытов».

Депутаты от имени народа требовали создать независимую комиссию по расследованию этой «мафии», чтобы как следует наказать сановных чиновников. Вопрос был только один: кому доверить эту комиссию? Человек должен был обладать и большим авторитетом, и быть безупречно честным, чтобы выводам расследования поверили в народе.

...На очередном заседании Съезда народных депутатов мы были вместе с главным редактором. В перерыве вместе со Старковым подошли к историку Рою Медведеву, блиставшему своими разоблачениями на Съезде. «Как вы относитесь к узбекскому делу?» — спросили мы его. «Считаю, что Гдлян и Иванов сами просто бандиты, — ответил Рой, — не верю им, не могут узбекские руководители покрывать такое безобразие! Не было его!»

Я все записывала на диктофон, рядом стоял и слушал шеф. Этот разговор вошел в большой материал, который мы давали по итогам съезда. В следующем номере он был опубликован. И наши огромные тиражи пошли гулять по всей стране.

Но пока люди изучали нашу газету, создается Комиссия по проверке узбекского дела. И председателем этой «независимой комиссии» назначается... Рой Медведев! Вот тебе и скандал! Сейчас бы СМИ радовались такому нечаянному пиару, а тогда было не до шуток. Страна уже проинформирована устами Р. Медведева, как он ненавидит Гдляна и Иванова, а Горбачев находит в его лице самого честного правдолюбца и назначает его председателем. Словом, власти сели в лужу.

В те дни я была уже в отпуске, в Алуште. Услышав по радио эту новость, очень удивилась. Какая тут Независимая комиссия, когда у Роя «рыльце в пушку», уже есть своя четкая позиция: следователи — сами бандиты. «Как же будет выкручиваться Рой?» — думала я. Люди прочтут «АиФ» — и всем станет ясно: вот еще одна подтасовка Горбачева.

На следующий день я покупаю свежий номер нашей газеты. А там... опровержение! «Извините нас, глубокоуважаемый Рой Медведев, за то, что наша журналистка такая-то опорочила вас, дав непроверенную и неверную информацию. Главный редактор АиФа».

Вернувшись в Москву, я пошла к шефу: «Все записано на диктофон, вы стояли рядом, все слышали и всему удивлялись! Как можно после этого давать опровержение?» Старков стал оправдываться: «Понимаешь, как ужасно вышло для него — назначили председателем, и все подумали, что это хорошо для следствия, а тут — как гром среди ясного неба — выходит наша статья. Рой только что в ногах моих не валялся, умолял пожертвовать тобой, а не им... Что мне оставалось делать? Понимаешь, политика...»

...Вот так вдруг и нынешняя «чернуха» подействовала на нас. Как сказал когда-то Максимилиан Волошин: «Расплясались, разгуделись бесы по России вдоль и поперек...» Кому-то казалось, что если мы не вольемся в эти мрачные ряды, то отстанем от общего стада».

ГДЕ НАШЕ «НЕТ»?

Идеологию — «Все лучшее себе!»
Антихрист заложил во все живое.
И мир погряз в разборках и борьбе,
И нет ему с рождения покоя.

В.С.

Справка: С главным редактором в коллективе всегда соглашались, ему поддакивали — так каждому в отдельности было комфортнее. Думали, что и ему так спокойнее: он же «всегда прав!» Акционеры словно забыли, что несут коллективную ответственность за любые решения, и все сваливать на одного — значит, не «страховать» его действия и не удерживать от опрометчивых поступков.

Кроме того, лесть, которая в неприличных дозах разливалась в адрес нашего начальника, парализовала его, сбивала с толку, ли-

шала возможности оценить ситуацию со всех сторон, воспользоваться помощью своих коллег. В итоге приносила делу один единственный вред. Шеф не мог опереться на честное мнение коллег — он его не знал. Впрочем, если бы и знал, скорее всего, оно было бы проигнорировано. «Я сам все лучше всех знаю!» — это его убеждение было непоколебимым. Поэтому люди вокруг него шли по проторенному историей пути — говорили в лицо одно, а за спиной — тому противоположное.

Результат был очевиден: главный редактор (равно как и любой другой кумир) рано или поздно за это «непрошенное» идолопоклонство будет «наказан». В данном случае своими коллегами, и в первую очередь акционерами, у которых не хватало «пороху и духу» вовремя сказать ему о каких-то просчетах. Типичная ситуация: «Ты этого хотел, мы на все закрывали глаза, во всем тебя поддерживали, а теперь...» Но до этого дело пока не дошло. Мы еще были на стадии: «Что хочешь — бери и делай, только отстань от нас!»

Николай Зятьков, главный редактор: «Старков страшно переживал, когда в открытой дискуссии кто-то критиковал его детище. Если на еженедельных обсуждениях сотрудники критиковали редсовет за какие-то ошибки или проколы в вышедшем номере, то не всегда это заканчивалось хорошо для критикующего. Он обязательно спрашивал: «А ты сам что сделал?» Выяснялось, мало, что сделал. И получалось, что этот человек не имеет права критиковать. Пара человек из-за этого уволились. Старков иногда предлагал мне: «Ты иди и веди эту летучку, потому что я знаю, кто что скажет». Но надо отдать ему должное, что он не закрыл эти обсуждения.

Дмитрий Макаров, журналист: «А я вспоминаю такую историю. Перед последним этапом 98-го года я решил написать материал о семье Овечкиных, которые когда-то пытались угнать самолет с заложниками за границу, а теперь те, кто уцелел, вернулись на родину после того, как отсидели свой срок в тюрьме. Я полетел к ним в Иркутск.

Там же обошел музыкальную школу, где они учились, опросил преподавателей, следователей, друзей: труд был серьезный.

Я не сомневался, что материал пройдет в нескольких номерах — настолько он был интересным, эксклюзивным. А вышло всего... полполосы. Старков как будто взревновал, подумаешь, мол, ну и что из того, что ты слетал и столько там набрал материала...

Для меня тогда это была настоящая драма. Тем более, что я не понимал, почему родное издание отказывается от такого серьезного и интересного исследования? Но отдать свой материал в другие издания я не мог, как не могли в аналогичной ситуации и мои коллеги. У нас был мощный внутренний патриотизм. Однако внутреннее недовольство и раздражение оставалось и накапливалось...».

Наталья Желнорова, журналист: «Можно было позитивно влиять и на Старкова, если бы мы почаще говорили ему спасительное для нас (и для него тоже!) слово «нет». Каждый мог бы выбрать то, что ему «по плечу». От твердой формы: «Нет, это для нас не годится...» до мягкой: «Не уверен, что это правильно...», «Надо поискать лучшее решение...». К сожалению, спасительное «нет» наш шеф редко когда слышал.

В числе немногих я пыталась высказывать свое мнение, после этого оно автоматически считалось «оппозиционным», отсюда происходили наши споры. Меня они изнуряли, его заставляли организовывать против меня хотя бы часть коллектива. Тогда начинались наши боевые действия. Разумеется, видя это, коллеги не испытывали горячего желания идти по моему пути.

Сейчас я вспоминаю, где не сошлись наши точки зрения. Мне было не по душе, что ради прибылей ЗАО (считалось, что и так мы жили неплохо) резко увеличили подписную цену и сразу же лишились огромной аудитории читателей. «АиФ» был завален письмами, в которых люди умоляли нас не кидать их один на один с жестокими реформами, а сохранить эту драгоценную дружескую связь. Читать письма было так же тяжело, как травить себя ядом.

Была я против перевода журналистов на гонорарную сетку с параллельным снижением зарплаты. Корреспондентам пришлось, чтобы не потерять в доходах, как можно больше ставить на полосы свои материалы, таким образом «изгоняя» статьи специалистов (иначе с ними следовало бы поделиться гонорарами). А что значит «свои»? Раз написал хорошо, два, три... Но где ты в себе найдешь столько «коронных» материалов, способных украсить многомиллионное издание?! Не надо быть пророком, чтобы не предвидеть, как скоро упадет содержание номеров, оно тоже «питается» идеями специалистов, наполняется народной энергией.

Выступала и против того, чтобы платить бешеные деньги за наш пиар (например, за размещение логотипа «АиФ» на минутной стрелке часов перед телепрограммой «Время» за немыслимые деньги), потому что мы сами со своими 10 миллионами — самый лучший пиар. Высказывалась (резко) против безоглядной поддержки ельцинского режима, против «травли» наших приложений (об этом еще впереди), против «желтухи». Словом, работала «диссиденткой»...

Правда, однажды я неожиданно получила поощрительный приз от своих сослуживцев. Когда на редсовете зашел разговор, в каком банке хранить наши деньги, мы предложили создать свой банк «Аргументы и факты», мотивируя это тем, что: первое — сами за ним следим, второе — что люди нам доверяют, значит, доверят и свои деньги... Коллеги заинтересовались, но встал вопрос: а кто будет управляющим? Кому мы можем эти деньги доверить? И тут все без размышлений — как выдохнули — произнесли мое имя. (Потом отделение банка «АиФ» в самом центре столицы будет создано, но это сделают уже другие люди).

Думаю, что я нашему главному редактору тоже «дорого» обошлась. Хотя, не понятно почему, но он всегда, по любому поводу хотел знать мое мнение. В каких-то моментах мне по всем параметрам «дешевле» было бы отмолчаться, но не тут-то было! Душу вынь, но «скажи, что ты думаешь об этом событии». Стоило мне «честно признаться», как... все и начиналось. Впрочем, много раз он учитывал мои наблюдения.

Иной раз мне казалось, что не спорь я с ним по разным темам, он давно бы уже здесь, в газете, заскучал. А этого он очень-очень не любил...

Вспоминаю такой случай. На каком-то мероприятии мы встретились с Михаилом Горбачевым, и я попросила его дать «АиФу» интервью. Он с трудом, помня нашу борьбу, но согласился. Сидели мы долго, он был почти откровенен. О «режиме Ельцина» говорил жестко и справедливо. Я подготовила материал и, как положено, послала ему на визу. Он кое-что поправил и вернул мне. Первую часть мы опубликовали, сделали ссылку, что в следующем номере будет продолжение. Но его не было. Видимо, из окружения Ельцина попросили шефа «не афишировать» Михаила Сергеевича и его, ставшие уже реакционными, взгляды.

В одном номере продолжения нет, в другом, в третьем. И вдруг оно появляется в «Новой газете». Коллеги ко мне: «Ты отдала?» — «Нет, конечно. С какой стати?» (Акционеры были связаны обязательством не сотрудничать с другими изданиями. Отдать статью в чужое издание расценивалось, как предательство: «Зарплату ты получаешь здесь, а вкалываешь на других?!» Из-за этого много наших сильных материалов так и не увидело свет.)

Шеф болел, но узнав о «Новой», позвал нас к себе. Мои коллеги были убеждены, что я сама отдала, и «покусывали» меня, как могли. Старков прямо спросил: «Отдавала?»– «Нет». — «А тогда кто же еще?» — запротестовали мои сослуживцы. — «Да пошли вы... знаете куда?» — разозлилась я. Старков всех успокоил: «Я уверен, она этого не делала. Будем разбираться с «Новой». А там и не скрывали, что текст им прислал сам Горбачев, когда увидел, что в «АиФе» продолжения нет.

К чему я это? Да все к тому же — к его чутью, знанию людей, оценке того, кто на что способен, от кого чего ожидать...» У моего друга поэта Геннадия Красникова есть такие стихи: «Мы любим усложненья те, блеск возражений, буйство спора, нам неуютно в простоте, в ней для гордыни нет простора». Кажется, они точно подходят к нашему случаю».

Глава седьмая

КУМИР СТАНОВИТСЯ... ТИРАНОМ

«Не сотвори себе кумира», —
Господь землян предупреждал.
Но вновь и вновь «владыку мира»
Народ на горб себе сажал.

В.С.

Справка: Главный редактор умел зажать людей в такие рамки, чтобы они никогда не чувствовали себя спокойными и уверенными. И на это есть у психологов умное наблюдение: «Не создай ближнему комплекс, а то рано или поздно он превратится в пружину, которая сожмется и ударит тебя по зубам ровно в тот момент, когда ты этого не ожидаешь». По свидетельству коллег, Аннушка уже пролила свое постное масло, и пружина заметно сжалась...

...«Сияние» харизмы Старкова не ослепляло нас, не затмевало нам разум. Тем более, что к хорошему быстро привыкаешь, а вот плохое — как ложка дегтя в бочке меда — постепенно превращало жизнь коллектива в постоянный стресс. Эти взрывные ситуации немного гасило участие во всех делах его первого заместителя — сдержанного Зятькова. В целом же трудовой день журналистов напоминал спектакль, в котором заранее не было известно, кому какая роль на сегодня отведена.

Николай Зятьков, главный редактор: «В конце творческого пути он уже легко допускал, когда целыми днями обсуждались вторичные темы, а в это время «номер стоял», то есть не читались полосы перед

подписью в типографию — некому было их подписывать, все ждали, когда Старков наконец-то обратит на газету внимание. В эти моменты никому из секретариата к главному редактору элементарно нельзя былопрорваться. И естественно, что у всех, причастных к выпуску, возникало раздражение: никто не мог знать, что ему на полосах понравится, что нет. А если надо будет менять материал или какие-то его акценты? Где взять время, когда уже запущен производственный конвейер?

...Наверное, всегда так бывает. На взлете тебя горячо воспринимают, все впитывают, внимательно слушают, а на вылете все поняли, что больше у тебя нечему поучиться».

Мария Варденга, журналист: «Мы со Старковым много ссорились. Он получал от меня обычные статьи вместо запланированных гениальных — и сердился, объясняя, что я не имею на это права. Да, «не ты имеешь права, когда тебя так любят, так выгораживают перед коллективом, так заботятся! Неужели нельзя за такое отношение хотя бы раза два в месяц выдать эпохальный текст?»

Я ужасно обижалась. С самого начала я честно предупреждала: «Невозможно наладить бесперебойное производство шедевров! Ну как же вы не понимаете? Это же глубоко внутренний процесс, непредсказуемый! Не надо от меня этого ждать! Не всегда так выходит, что автор находит то самое слово, которое...» — «Не пори ерунду. Ты — гениальная. Остальное — отговорки. Сядь вон в углу и переписывай. Ты сможешь. Я знаю».

Это солнце грело, лечило, исцеляло и больно жгло, в том случае, если ты не сохранял ему верности. Но жить в другом температурном режиме после этого солнцестояния было трудно.

Понимал ты это, правда, только тогда, когда уходил. Сам Старков искренне считал, что в его «АиФе» можно и нужно работать всю жизнь. Непонятную охоту к перемене мест и творческому разнообразию признавал только умом — сердце на любую попытку «взгляда на сторону» реагировало, как на бегство блудного сына: «Это куда это ты собралась? Чего тебе здесь не хватает?»

Было трудно, невозможно объяснить, что любому человеку периодически хочется перемен. Хочется попробовать себя в другом жанре, другом стиле, может быть, даже в другой сфере. Но рассуждения о необходимости открывать в себе новое упирались в непоколебимое: «Чушь. От любви не уходят. Здесь тебя любят. Ты понимаешь, как это много?» — «А вот Ницше считал, что целью человеческой жизни является экспансия личности, — исчерпав все аргументы, бормотала я через шесть лет, выкладывая на стол заявление об уходе, — и в этом есть здравое зерно. Вы же понимаете, нет ничего хуже, чем копирование себя...»

Он устало, как-то неожиданно старчески, закрыл глаза. Помолчал. «Ну и что Ницше? Ницше был таким же человеком, как ты и я. Что-то понял. Что-то — нет. Может, он бы тебе сказал сейчас: «Куда ты собралась, дурочка? Знаешь, какой мир жестокий? Сиди, малышка, рядом с Владиславом Андреевичем — клубнику ешь! Где тебя еще так покормят?» А потом вздохнул, взял ручку — и подписал заявление. И дату проставил в пропуске: «Навсегда».

От нашей первой встречи тот день отделяли долгие шесть лет. Разумеется, до моего прихода в «АиФ» я никак не могла предположить, что способна так долго проработать в одном месте. Потому тогда, в наш первый разговор, спросила: «А вдруг вы ошибаетесь? Ну, вдруг у меня ничего не получится?» — «Что значит, не получится? — искренне удивился Старков. — У тебя?! Не может такого быть». Он встал, по-актерски оперся руками о стол и, посмотрев в упор, глаза в глаза — как на гипнотическом сеансе — медленно проговорил: «Не имеешь права. У тебя дар! Изволь запомнить, что я в тебя верю!» А потом сразу сделался мягким, подошел ко мне и погладил по голове: «Когда в человека так верят, знаешь, что происходит?» И не дожидаясь ответа, он отставил в сторону руку и повертел в воздухе ладонью: «Он начинает летать!»

Наталья Желнорова, журналист: «В редакции, как и положено, были журналисты, которые могли написать сильные газетные статьи. Шеф требовал от них постоянных шедевров, старался выжать все, что можно, как из лимона. Этим, естественно, ему хотелось взбод-

рить себя, и показать, какой высший пилотаж совершают в «АиФе» его журналисты.

С точки зрения издания — это смело можно записать в боевые заслуги главного редактора: максимально задействовать потенциал своего коллектива. В таких случаях он, как жокей, жестко использовал, не затрачиваясь на промежуточные варианты, только кнут и пряник. Иммунная система этих «талантов» с трудом выдерживала такие всплески: один день ты был гений, на другой день (чтоб не зазнавался) — уже негодяй. В конце концов, закончилось так, как и должно было. Сначала он задушил их в своих объятиях, потом выкинул, как не оправдавших его ожиданий.

Вспоминаю несколько смешных эпизодов. Первый. Работала у нас молодая талантливая девушка Вероника Сивкова. Писала о «социалке» (это всегда трудная тема), и делала это с такой душой, даже со страстью (отстаивая интересы облапошенного народа), — зачитаешься! Она знала себе цену и была немного строптива, что ужасно не нравилось шефу. Однажды она что-то не так ответила нашему главному и он решил с ней расстаться — «навсегда». Уже «обработал» редсовет и решение было, считай, в кармане, тем более, что и другим членам редсовета она тоже время от времени дерзила (видимо, для поддержания своего тонуса).

Мне было жаль не только ее, а весь «АиФ» — как можно отказываться от журналиста, который своим трудом «маслом мажет» наш бутерброд?! Перед редсоветом я попросила секретаршу Томочку сделать ксерокопии всех сивковских материалов. В разгар нашего обсуждения Томочка, ничего не зная, не понимая в происходящих событиях, медленно и важно внесла увесистую пачку ксерокопий в кабинет шефа. «Что это такое?! Сейчас же убрать!» — скомандовал он. «Нет уж, давайте мы сначала посмотрим на Вероникины труды, а потом уберем их. И ее тоже...», — спокойно предложила я. Стол был усыпан ксерокопиями, а заголовки ее статей взывали к нашей совести.

Суть этого демарша была в том, что газета, как и желудок, «старого добра не помнит», и все уже благополучно забыли, что она там писала-

печатала, всем было начхать на то, что «было» (то есть в прошлом), всех интересовало, что происходит в сей миг. А в сей миг Сивкову «надо» выбросить. Но, слава Тебе, Боже, после ксерокопий это не удалось.

Второй эпизод. Как любителю новых ощущений, шефу казалось, что только молодые сотрудники могут внести свежую струю в отлаженный механизм, и поэтому он стал форсировать мобилизацию в «АиФ» неоперившихся журналистов. (Сейчас я понимаю, что в нем таилась мощная тяга к воспитательной работе).

«Юные ленинцы» что-то там понемногу ваяли, их быстро ставили на полосы. Старков пытливо посматривал по сторонам, кого бы из «стариков» (а им-то было всего под сорок) сдвинуть с места, как к нам в гости пришел молодой амбициозный редактор нового малотиражного (100 тысяч экземпляров) издания. Он сидел как оракул, шеф (о, чудо!) внимал ему.

Оракул, втайне страшно завидуя нам, вещал, что «большие тиражи — это уже не модно». «Нигде в цивилизованном мире нет таких тиражей. А подписка — вообще какая-то деревенщина, анахронизм. В западном мире тоже нет таких подписок (миллионы экземпляров!) Надо быть элитарным, а не народным изданием».

Вижу, что Старков как-то застеснялся, почувствовал себя вдруг старым мастодонтом, и даже воздух втянул, словно от него уже «рогожей» пахнет.. Неожиданно оракул добавляет: «У нас в газете работал сплошной молодняк, но не тянут, нет, не тянут. По совету главного редактора «Таймс» мы теперь набираем опытных журналистов. У вас нет таких — лишних — для нас?» Шеф облегченного вздохнул — он еще не успел своих «лишних» выгнать на улицу.

Эпизод третий. Был у нас трудолюбивый парень, писал о музыке, о молодежи, о сексе (последняя тема ему очень даже нравилась). Потом начал делать первое приложение к «АиФу» — «Я-молодой!» и законно стал его редактором. Речь идет о Коле Солдатенкове. В газете крен у него был исключительно в сторону развлечений.

К сожалению, там не было материалов о самых важных (на мой взгляд) молодежных вещах: как подобрать себе профессию, где учить-

ся и найти работу, как «добыть» себе жилье и обзавестись семьей, выстроить отношения со старшими (живая тема «отцы и дети»). Без этого «я-молодой» превращался в «я-разбитной». (За что Колю я не любила). Но это, подчеркиваю, мое мнение, может быть, таким и требовалось для молодежи подобное приложение.

Однажды шеф сказал на редсовете, что Коле (он жил в Подольске) предложили квартиру, а он от нее отказался. (До Коли эту квартиру предлагали мне, и я тоже отказалась, так как там нужны были большие деньги на ремонт, а квартира на окраине того не стоила). Старков был разгневан не моей, а Колиной неблагодарностью: «Вы сейчас сами увидите, какая это свинья! И что он нам тут будет молоть! Вы только послушайте!»

Нажимает на селектор, вызывает к себе Колю. Я, предчувствуя, какая здесь будет свара, под благовидным предлогом выхожу и в дверях кабинета сталкиваюсь с бледным Колей, идущим на расправу. «Коля, благодари!» — только и успела ему шепнуть. Ну а дальше... Шеф театрально рисует всем «картину маслом», ждет от Коли продолжения «черной неблагодарности», а Коля вдруг говорит, что он «тронут заботой, готов занять деньги у всего коллектива, чтобы отремонтировать квартиру, а главному редактору — большое спасибо!» Сидящие в кабинете члены редсовета так и не взяли в толк, где то, что обещал шеф, то есть где Колино «свинство»?

Аналогичный эпизод, когда Колю «застукали» на одном некрасивом деле: якобы он ставил в своем приложении материалы разных авторов, а писала их одна и та же сотрудница. Сами понимаете, не Бог весть что. Но шеф жаждал «показательных процессов». А Коля — как на беду — сопротивлялся, говорил, что ничего не знал о чужом «авторстве». То есть явно упорствовал, чем еще больше «разжигал» главного редактора. И вот-вот начнется «избиение младенцев» перед ожидающей крови публикой. «Закланник» вызван к шефу — врасплох.

И снова я выхожу из кабинета и еле-еле в дверях успеваю ему сказать: «Коля, кайся!» Коля перед редсоветом начинает виноватым

тоном описывать ситуацию, как его ввели в заблуждение, а заключил свое покаяние словами: «Простите меня, больше такого не допущу!»

Почему я так поступала? Потому что генетически не люблю, когда все на одного, «...когда стреляют в спину». Даже если этот «расстреливаемый» и не прав.

Добавлю, что газету «Я-молодой!», которую Коля усердным трудом за несколько лет довел до тиража в полмиллиона экземпляров (в стране тогда еще не было молодежных изданий, он здесь оказался пионером) и которая приносила «АиФу» высокую прибыль, шеф закрыл только из-за того, что в какой-то очередной раз повздорил с Колей. Естественно, что этот «первый залп по ребенку» не сулил впереди ничего хорошего».

ДЕФОЛТ «АиФа»

Окостенели наши души,
И стали черствыми сердца,
Чужой беды не слышат уши —
Своим несчастьям нет конца.
В.С.

Справка: На нас неуправляемо надвигался дикий капитализм, и со страниц «АиФа» — как из богатых торговых залов — стала куда-то пропадать «Марьванна», этакая старушка с пучками лука, и постепенно ее образ, настоящей российской женщины, озабоченной выживанием своей семьи, и как гарант этого — всей страны, стал превращаться в комичный. На смену ей приходила гламурная буржуазия.

Страницы «АиФ» тоже стали менять окраску — чернеть, желтеть и голубеть, на что очень жаловались читатели: «Теперь мы газету не можем принести домой, перед детьми стыдно! Зачем вы предлагаете нам что-то совершенно для нас неприемлемое (сексуальную распущенность, свободу гомосексуализма) под тем предло-

гом, что всем надо испить эту «чашу» для излечения от всяких иллюзий? А если мы не хотим этой «бурды»? Почему вы перестали нас уважать и не сохраняете прежний боевой настрой? Почему гребете к чуждым для нас берегам?» — так писала нам ***Валентина Гриднина*** *из Выборга. Трудно было читать такие письма, а их становилось все больше и больше.*

Ирина Солганик, журналист: «...Появляясь в Москве, я исправно заходила в «газету исхода», обнаруживая поредевшую и поседевшую поросль старых соратников, замечая некие недоговоренности. За закрытыми дверями толковали о шокирующих причудах главного редактора; о редакционных торжествах с сумасшедшими сексуальными призами; о повышенном эротизме газетных обложек, раздражавшем людей, привыкших к приличному изданию».

Дмитрий Макаров, журналист: «Теперь, когда после ухода Владислава Андреевича из «Аргументов» минуло почти 10 лет, а с момента его физической смерти — больше пяти, многое начинаешь понимать совсем по-другому. Есть вопросы, на которые мы, его близкие сотрудники, до сих пор ищем ответы. Самый важный — это что произошло в августе 1998 года, месяце, который буквально все перевернул в России и в ее «лаборатории перестройки»? Напомню, это был месяц дефолта, ударившего по очень многим компаниям и гражданам России.

Закрытое акционерное общество «Аргументы и факты» не стало исключением. Финансовые убытки ЗАО, его сотрудников и акционеров были ощутимы. Но к ноябрю 98-го года все потери ЗАО «АиФ» были возмещены, благодаря умелой работе старковских замов: Александра Мещерского и Николая Зятькова. Казалось бы, можно все забыть и работать дальше. Но не тут-то было. Не будет преувеличением сказать, что в редакции начался настоящий террор. Вспоминать об этом очень тяжело, особенно тем, кто начинал работать со Старковым в восьмидесятые, кто помнит, какая это была светлая личность.

Где-то в начале августа я отправился в отпуск. Кажется, первый за несколько лет. То есть я брал отпуск, но оставался в Москве, раза два-три в неделю появляясь на работе. Потому что работа была как малый ребенок, которого невозможно бросить, потому что это ТВОЙ ребенок. Но в тот год я решился поехать чуть дальше дачи. В Хорватию.

Перед отъездом зашел попрощаться с Владиславом Андреевичем, и это прощание вряд ли когда-нибудь забуду. Он сказал мне массу теплых слов, ругнул, что я еду отдыхать в Хорватию, а надо бы в Италию, сказал, что помнит о моем 50-летнем юбилее в октябре, который мы отметим как надо. В общем, я уезжал отдыхать со своей семьей, оставляя в Москве надежный тыл. И человека, который был мне больше, чем брат...

Дефолт застал меня, в буквальном смысле, на пляже — из радиоприемника я услышал слова, которых мы так боялись, но ждали. Так что последняя неделя отдыха далась тяжело: приходилось бегать по всем городским банкоматам, чтобы выцарапать деньги на отъезд. Но это были «семечки».

Что такое тяжело, я понял, когда вернулся. Потому что уезжал я родным человеком, другом, коллегой, а вернулся негодяем, бездельником, от которого мало толку и который зря получает зарплату. Впрочем, не я один. В изгоях оказалась почти вся редакция. Началась кампания по «добровольному» сокращению зарплат. Людей заставляли подписывать заявления, в которых они соглашались на зарплату в несколько раз меньшую, чем до дефолта.

В особенно тяжелое положение попали матери-одиночки. Таких у нас было несколько человек, и зарплату им определили кому в полторы тысячи рублей, а кому и меньше. Правда, повысили гонорары, но кормить семью стало очень тяжело. Технический персонал просто увольняли, но, поскольку законных причин для увольнений не было, то обставляли это дело так: «Ты подай заявление об уходе, а мы тебя потом восстановим»... Кого-то и впрямь потом восстановили. На ближнем, ростовском, круге дефолт, насколько я знаю, не отразился. Да и не мог отразиться, поскольку, повторю, еще до конца

98-го года ЗАО «АиФ» в финансовом плане полностью восстановилось. Однако непонятно, зачем развязанная война продолжалась, но долго так продолжаться не могло».

Наталья Желнорова, журналист: «На очередном семинаре редакторов наших региональных вкладок люди очень интересовались, какой идеологии им сейчас придерживаться. На местах они лучше нас видели, какая беда катится по стране, как пустеют деревни, как нищенствует народ, как чиновники, сросшиеся с преступным бизнесом, попирают совесть и справедливость, унижают и грабят население.

Редакторы восхищенно смотрели (видели в первый раз, живьем!) на Старкова и не сомневались, что сейчас, здесь, в круглом зале редакции, произойдет что-то наподобие сходки революционеров по спасению России. Как будем действовать сообща — они своими силами на местах, а мы — как штаб-квартира — обеспечим им поддержку и «крышу» в боях с чиновничьей и бандитской беспредельной властью. Все ощущали их горячность и решимость. Ведь газета не зря назвалась «народной»! Она сильная! Влиятельная! А Старков — вообще гуру!

Когда редакторы стали задавать вопросы: «Что самое главное мы сейчас должны делать?», Старков жестко отвечал: «Главное сейчас для нас — деньги, деньги и деньги». На вопросы сникших редакторов, можно ли им надеяться на нашу помощь, если при борьбе с местными чинушами она им потребуется (например, в виде правовых консультаций, выезда независимого юриста в регион, писем из центра губернаторам), шеф заявил, чтобы на нас не надеялись, рассчитывали только на свои силы и возможности.

Тогда стало ясно, что этот семинар — нам не на пользу, а во вред. Мы предавали тех, кого приручили, и кто на нас искренне рассчитывал. Потому что ну не может русский (российский, как хотите) человек жить и действовать только во имя денег! (Причем, даже не для себя, а для управляющей компании!)»

Ну как тут сдержаться и снова не процитировать Черномырдина: «Если у кого-то чешется, то пусть чешут в другом месте»?!

КРИЗИС НАС ИСКУСИЛ...

Все сущее в миру живет «во имя»,
А человек все хочет «вопреки» —
Тому, что в нем хранилось, как святыня,
Как кладезь его жизненной реки.

В.С.

Справка: Руководящий состав ЗАО «АиФ» пользовался большим авторитетом и влиянием. Мы зарабатывали приличные деньги, многие (преимущественно из акционеров) смогли улучшить жилищные условия, купить автомобиль, съездить отдохнуть за рубеж. Внешне все выглядело благополучно. Но к кризису 98 года мы подходили, сами в какой-то степени охваченные внутренним кризисом.
Казалось бы, ну что еще нужно человеку в конце XX века?

Оказалось, что у людей присутствуют и другие потребности. Сердца их были «для чести живы», и в них болью отзывались картины о том, сколь горемычной становится жизнь «дорогих россиян», и радоваться успеху олигархов или чиновников-казнокрадов не позволяла совесть. Наши журналисты готовы были и дальше продолжать борьбу с чиновничьей ратью, которая в прямом смысле слова «гнобила» народ. Они словно боялись, что потом, спустя годы, им придется с горечью принять исторический упрек: «Суждены вам благие порывы, но свершить ничего не дано».

«Из кризиса мы выйдем еще более сильными» — Так считает Владислав Старков, создатель издательского дома «Аргументы и факты». Вот как шеф отвечал на вопросы корреспондента Интерфакс-АиФ Александра Степанова:

— Владислав Андреевич, как вашему детищу живется после 17 августа?

— Кризис для нас стал первым крупным испытанием. Я в это время был в отпуске в Крыму, да уж какой там отдых, когда все мысли

только об одном: что предпринять, как выстоять? Но потом, когда спала первая волна эмоций, пришло понимание простой истины, основанной на диалектических законах развития: кризис смертельно опасен для больного организма, а здоровому он даже предоставляет новые возможности для саморазвития. Это оказалось вполне справедливым и по отношению к нам. Не буду лукавить, удар мы получили крепкий, однако выдержали его достойно. И стали думать: как нам теперь жить дальше?

— И что же надумали?

— Ну, во-первых, осмотрев со всех сторон свой корабль, пришли к выводу, что днище его порядком обросло ракушками, из-за которых мы стали, как говорят моряки, терять ход. Например, прежде у нас было 60 региональных приложений и мы без особых проблем могли себе их позволить. Теперь же, проинспектировав эти подразделения, мы приняли решение отказаться от 20 из них: в одних был слабоват журналистский коллектив, другие работали без должной финансовой эффективности. Принято нормальное управленческое решение: пожертвовать второстепенным во имя главного. Вот и пришлось кое-где «подрастрясти жирок»: заметно сократилась компьютерная служба, охрана, автопарк, меньше стало курьеров, уборщиц...

Легко понять, что принятые нами решения, укладывающиеся в популярную сейчас формулу «кризисный менеджмент», тяжело сказались на судьбах многих наших коллег, товарищей, с которыми мы делали одно дело. Нам по-человечески жаль всех, кого мы вынуждены были уволить, но с управленческой точки зрения это были неизбежные шаги, предпринятые для преодоления сложного этапа развития нашего издательского дома.

— А какую нишу вы отводите семье изданий «АиФ» на рынке печатных СМИ?

— Это издания, органично сочетающие качество и массовость, стремящиеся завоевать и сохранить возможно более широкую аудиторию, но не желающие при этом опускать планку качества на неприемлемый, с нашей точки зрения, уровень. Ведь суть дела не в том,

чтобы напрочь отсечь определенный круг тем — положим, эротику или секс — а в том, чтобы решать их на должном уровне вкуса и профессионального мастерства, без физиологизма, грубости и пошлости. Я еще раз хочу подчеркнуть: на рынке печатных СМИ сейчас пройдет довольно жесткий естественный отбор, и те, кто выживет, смогут занять новые позиции, утвердиться в освободившихся нишах.

— То есть ваше будущее видится вам в светлых тонах?

— Именно так. Мы ведь работаем еще и в смежных сферах, имеем свою телестудию, информационное агентство «АиФ-Новости», подразделение, способное предоставить комплексное медиаобслуживание различным потребителям: от фирм, намечающих рекламную кампанию, до политиков, намеревающихся баллотироваться на тот или иной пост, вплоть до самых высших. PR-услуги, коррекция имиджа, спичрайтеры первого класса, детальное планирование избирательных кампаний — все это в наших силах. И еще. У нас молодой и динамичный коллектив: большая часть «перьев» — в возрасте до 30 лет. Я люблю работать с молодежью: молодые мозги и современное видение мира — большой плюс.

— А как же опыт, Владислав Андреевич?

— Для этого есть те, кому надлежит быть опытными — руководящее звено. Скажем, приложения возглавляют люди в возрасте около 40 лет.

— Словом, для «АиФ» все сложности позади?

— Отвечу вам одним из мнимых парадоксов, содержащихся в «Законах Паркинсона»: здоровому организму кризис только на пользу. Но с этого мы и начинали наш разговор, не так ли?»

Дмитрий Макаров, журналист: «Как-то в пылу откровенности он вдруг сказал мне, что жалеет о том, что акционирование газеты было проведено с участием журналистского коллектива. «Нужно было сделать это так, как сделал Паша Гусев в «Московском комсомольце», стать единоличным хозяином «АиФ» или...» — тут он вспомнил, что я тоже акционер, причем избран в узкий круг Совета директоров.

Ощущение, что он совершил ошибку в том, как надо было акционироваться, постепенно переросло у Старкова в ненависть к Александру Мещерскому, вся «вина» которого состояла в том, что он взял на себя тяжелейший труд первым в России акционировать средство массовой информации.

Как-то тоже в пылу откровенности и Саша признался мне, что общение с Владиславом Андреевичем превратилось для него в пытку. Тяжело признавать, но по натуре Старков был по-сталински деспотичен: кого хочу — милую, кого хочу — казню. Это очень всех напрягало, люди часто откровенно страдали. Я старался держаться от него на большой дистанции».

Юлия Кузнецова, жена: «В последний период редакторства муж действительно пытался окружить себя близкими людьми и на работе. Многие сотрудники этого не одобряли, некоторые ревновали. Но мне хочется сказать, что друзья Старкова были талантливыми, незаурядными людьми. Анатолий Мамцис — кандидат химических наук, оказался незаменим в покупке недвижимости для «АиФа». Многие сотрудники благодаря Анатолию бесплатно отдыхали летом в Анапе и Ялте, а когда были в командировках в Питере или Ростове-на-Дону, могли бесплатно останавливаться в прекрасных квартирах. Он приобрел недвижимость для редакции в Германии, Франции, Испании. Но сейчас почти все это (как непрофильные активы) распродано банком...

Еще один друг Старкова — Борис Павлов — эрудит, знаток современного искусства. Он прекрасно редактировал, обладая великолепным знанием русского языка. Ему в редакции завидовали больше всего. После ухода из газеты Павлов стал директором Галереи на Солянке, которую возродил из небытия. К сожалению, он недавно ушел из жизни — умер от сердечного приступа прямо в метро.

Друзья могли сказать мужу то, что сотрудники не решались. Владислав ссорился с близкими людьми, но все равно прислушивался к их словам. Это ему было необходимо».

Глава восьмая

ЭТО МЫ, ГОСПОДИ!..

Раньше мы хлебали щи —
Были мы товарищи,
А как кончилась еда —
Все мы стали господа.
Частушка

Справка: В период кризиса руководство решило сократить свой творческий коллектив. Людям предлагали написать заявления об увольнении по собственному желанию, пообещав им потом, когда кризис «рассосется», взять обратно в штат. Не все верили этим обещаниям. Уход из редакции для многих был большой драмой, сотрудники не хотели покидать ставший им родным коллектив.

К сожалению, в тот период мы стали понемногу терять и свои доселе прочные позиции среди народа. Это происходило потому, что в наших публикациях преобладали поощрительные оценки действительности. Свойственная «АиФу» острая критика исчезала со страниц газеты. Параллельно с этим мы ради прибылей ударили и по карману своего читателя — резко возросла подписная цена на «АиФ».

А тут еще и сокращения внутри коллектива. Женщины плакали, даже баррикадировали свои кабинеты, лишь бы не уходить... (Может быть, их слезами и была полита наша дальнейшая дорога, превратившаяся в натуральный каток?)

Людмила Новикова, журналист: «Мне кажется, когда начался кризис, Старков немножко пожадничал, что и говорить. Перестали нормально платить людям. Помню, как Макарову и Коростиковой (акционерам!) дали зарплату, кажется, по 500 рублей (в то время как проездной в метро стоил 360). Людям это не понравилось, и они стали подумывать, что можно, наверное, продать свои акции.

Журналистам для встряски нужно обязательно куда-то тянуться. А тянуться-то уже было некуда. Команда в то время стала в разные стороны разбегаться. Негативным образом повлияло и то, что Старков взял в редакцию многих своих друзей, смешал служебную деятельность и дружеские отношения. Они стали вроде как наблюдатели над нами».

Наталья Желнорова, журналист: «Я спрашивала: с кем мы останемся? Кто будет делать газету? Старков посмотрел на меня и сказал: «Да хоть мы с Зятьковым». Я в ответ: «Стенгазету что ли?» Шеф слегка задумался. Предлагала, наоборот, не трогать журналистов, верой и правдой пашущих на газету — люди и так потеряли свои сбережения (если они у них были). Бесчеловечно оставить своих соратников при растущих ценах без работы (многие были единственными кормильцами в семье). Мне отвечали, что нет денег на зарплату, а я держалась за свое: будем перебиваться, есть доходы от розницы, выдадим зарплату через месяц-два, когда все восстановится...

Основным доводом сокращения было и то, что «другие редакции выбрасывают журналистов и об этом не жалеют». «Вот как раз и надо из этих «выброшенных» взять к себе талантливых, пусть работают, пока даже без зарплаты». — «Какой дурак согласится?». — «А почему нет? Поставьте себя на их место — вместо выгнавших их «Известий» пойти в «АиФ» — это же круто! И зарплаты дождемся». Но мои слова казались абсурдными. Может, такими и были?

«Знаешь, мне кажется, что я уже Бога за бороду держу», — в минуту откровения сказал мне шеф. Увидев мое побледневшее лицо и гробовое молчание, он как будто сам испугался такого нелепого признания. А я подумала: как же мало человеку надо, чтобы он возомнил себя самим Господом! Да, есть власть, но она в любой миг может закончиться, мы знаем такие примеры. Да, есть деньги, но и они в самую горестную минуту могут не пригодиться (что и произошло в дальнейшем), ведь «от смерти не откупишься». Да, есть сонм друзей, почитателей, но они также быстро могут развернуться в другую сторону (к его друзьям это не относится). И ученики твои могут забыть твои заповеди. Даже в родном доме — и то не всегда дождешься понимания. Трудно сделать счастливыми даже своих близких. А где собственное счастье? Увы. Значит, оно в чем-то другом, отличном от популярного «джентльменского» набора — власть, деньги, слава? Так зачем же тогда упиваться своей особой избранностью?»

Виктор Перушкин, журналист: «Сейчас, анализируя произошедшее, я понял, что любая запрограммированная мысль рано или поздно реализуется в жизни. Работал у нас Юра Рогов, ему тоже было тяжело от интриг, и он однажды в сердцах сказал мне: «Хоть бы эта редакция развалилась!». И буквально через несколько дней после того разговора объявили о создании акционерного общества. Рогов ушел из редакции и остался без акций, а мне достались его 0,3 процента. Именно эти ничтожные проценты сыграли роковую для «АиФа» роль.

...Обострение у нас с главным редактором пошло сразу после ситуации с банком, когда я приложил много сил, включил свои связи, чтобы вырвать редакционные подписные деньги из банка во время дефолта. Шеф эту заслугу присвоил себе и даже получил за нее премиальные. Старков понимал, что он не прав, кроме того, он знал, что я знаю, что он не прав. А так как он был «хозяином всего», началось несправедливое давление на меня.

«Хозяин всего» считал, что у него к каждому есть ключ, который он может повернуть, и человек будет плясать под его дудку. Когда все началось, я сказал ему: «Вы суперруководитель, но на каком-то этапе потеряли бдительность и допустили серьезную ошибку. Вы всегда находились посередине между двумя командами Мещерского и Зятькова — «мягких» и «жестких». Но сейчас опрокинули чашку и допускаете еще одну ошибку». Он: «Какую?» Я говорю: «Вам на меня молиться надо. Потому что у вас есть я, против которого можно «дружить». И это объединяет всех вас. А вот когда меня здесь не станет, вас эти «жесткие» люди и сожрут». Он сухо и резко ответил: «Тебе лечиться надо. У тебя завышенная самооценка». Я говорю: «Жизнь покажет, кто был прав». Я думаю, что как бы Старков меня ни ненавидел, но в душе уважал. Мне иногда казалось, что он мне завидует, только я не мог понять, чему».

Без Фрейда тут точно не обойтись. Один — молодой, красивый, против другого — богатого и успешного. А название приложения — «Разбор»? Оно словно предвестие того, что скоро случится с редакцией. Ее ожидает серьезный разбор...

Каким только странным образом не происходят серьезные события! Человек попал в коллектив случайно (на три месяца, чтобы перекантоваться до более привлекательной для него работы), акционером стал тоже случайно (эти 0,3 процента должны были принадлежать другому, на тот момент более заслуженному корреспонденту). И как же так — неужели случайно? — ему удалось расшатать большой и крепкий коллектив?! Это просто мистика!

Елена Старкова, дочь: «Огромное количество информации не давало его сердечным человеческим качествам выйти наружу. Он был очень нежным, открытым, ласковым, невероятно заботливым человеком, но в то же время он мог быть и очень жестким и ответственным.

У нас с отцом был такой разговор, когда он рассуждал, мог бы ли он открыться миру, людям... И он говорил, что, наверное, сильному мужчине нельзя этого делать, нельзя показывать свою душу, он сам чувствовал себя дискомфортно при этом.

Чему по жизни он меня учил? Я помню, чему он меня учил, но не факт, что я это делаю. Он меня учил любить свою семью. Не предавать ее. Заниматься своими детьми, дружить со своими родителями. Он учил меня все время познавать мир, любить своих друзей.

Завидовал ли отец чужому успеху? Думаю, что нет. Может быть, какому-нибудь редактору, например, «Таймса»... Или, например, такому человеку, как Боря Гребенщиков. Или тем художникам, поэтам, которые живут на свободе. Плохо ему было в жизни потому, что он не мог гармонизировать свое желание быть открытым, ласковым и нежным, потому что по сути своей был очень прагматичным.

Когда я была подростком, он устраивал на даче праздники. Готовился, причем маме по дому много помогал, это потом уже он понял, что может этого не делать, а кого-то нанять. А так умел все.

Устраивал он праздники и для друзей, приглашал их. Утром обязательно ездил в магазин, выбирал, покупал фрукты и овощи. И всегда привозил цветы. Я думаю, он хотел подарить их маме, но стеснялся. Он просто привозил их и расставлял в вазы. А какие подарки дарил маме! А как подбирал ей какой-нибудь шарф! В этом плане он был волшебным. Ходил и выбирал и для мамы, и для меня, был очень заботлив. Никогда из поездки не приезжал с пустыми руками. В Лондоне мог потратить на покупки несколько дней. Привозил маме костюмы, идеально подбирая размеры. Потом я, правда, просила его не покупать мне одежду. Он видел уже, что я сама хотела делать покупки».

Юлия Кузнецова, жена: «Есть люди, которые только потребляют и разрушают. А Владислав был созидатель, причем в разных сфе-

рах. Например, дай ему командовать какой-нибудь оперой, он бы ее тоже вывел на высшую ступень.

...«Аргументы» все время разрастались. Было уже много приложений по всем городам, они имели разную тематику. Редакция действовала и вширь, и вглубь. Начали выпускать свои газеты и за границей — в Испании, во Франции, в Германии и в Америке. Мир «Аргументов» расширялся. Владислава пригласили на Игры доброй воли. Вместе с мужем и другими журналистами поехала и я. Нам предоставили дом каких-то американских журналистов, которые специально на это время оставили его пустым для русских.

Дом был прекрасен, но там с нами произошла смешная история. При входе стоял низкий шкафчик, мы решили, что это для обуви, и Владислав положил туда мои туфли. А он оказался для грязного белья. Утром спохватились, а туфель нет. Мы спустились в подвал, где была прачечная, и обнаружили пропажу там. Слава Богу, что не успели их вместе с бельем отправить в стирку.

Дом был прекрасно технически оснащен, и Старков все наматывал на ус. Интересовался архитектурой. Смотрели дома, которые строятся на понтонах на озере, и там же проложены электрические кабели. Муж все это впитывал и очень хотел, чтобы сотрудники больше увидели разных новшеств и написали о них на страницах «АиФа». Он все время думал, как там без него идут дела, ему почему-то казалось, что без него там все развалится.

Владик любил свой дом, свою дачу. Цветы домой приносил по поводу и без повода, потому что сам их очень любил. И подарки всегда привозил из любой командировки не только мне и дочери, но и моим родителям, друзьям. А когда ездил с кем-нибудь из коллег, всегда спрашивал их, что они купили своим близким в подарок. Еще он любил искажать слова. Например, говорил не Дюймовочка, а «дерьмовочка». Много слов придумывал, он был неординарным человеком. Он мне много рассказывал, что происходит вокруг него. Не любил он жить по правилам, но приходилось, конечно, соблюдать их».

ЛЮБИМОЕ ДЕЛО – СТРОЙКА

Лишь истуканы безупречны –
без чувств, без сердца, без ума.
а гении – они беспечны,
и легкомысленны весьма.
Геннадий Красников

Справка: «АиФ» арендовал большое красивое здание на Мясницкой, 42. Его мы получили еще в 1990 году, после того, как обратились к Н. И. Рыжкову. Но редакционные подразделения все увеличивались, и возникла необходимость наконец-то построить собственный комплекс.

Все говорили о том, что у Старкова потрясающее чутье. А в вопросах, связанных со стройкой, архитекторы просто поражались его предвидению. В этом иногда даже виделось что-то мистическое. Казалось, у него не было особенных знаний в строительной отрасли, но и там многое понимал. Когда он вникал в какую-то проблему, то делал это заинтересованно, четко, скрупулезно.

Елена Коренева, подруга: «С Владиславом Андреевичем я знакома очень давно, с 1973 года. Нас познакомил наш общий друг, Анатолий Мамцис. И началась совместная культурно-развлекательная жизнь. Мы вместе ходили на премьеры, в кинотеатры, на выставки. Это была не деловая, а дружеская связь. И через много лет Владик пригласил меня работать в «АиФ» в связи с тем, что скончался Николай Баринов, начальник административно-хозяйственного отдела. Я профессиональный строитель, много лет работала в Управлении федерального строительства г. Москвы. И вот с этого времени мы с ним начали сотрудничать профессионально.

Я пять лет проработала в «АиФе» в качестве заместителя начальника административно-хозяйственного отдела по строительству. За-

нималась строительством нового здания АиФа, курировала другие объекты, которые подлежали реконструкции, ремонту, переделке. Вела строительство коттеджей.

Когда я начала работать и приходила к нему докладывать о стройке, он хотел знать все: конструкцию, технологию, архитектуру, особенно дизайн. Я поражалась его чутью, его видению архитектуры. Я сейчас говорю о здании «АиФа», что на Мясницкой. Он мне открывал такие вещи на архитектуру, которых я никогда не знала, хотя закончила инженерно-строительный институт, курсы дизайнеров архитектуры, работала в этой области в Америке, Израиле, России.

Когда мы делали его кабинет, то он говорил, под каким углом что-то должно быть, какая колонка, какая капитель, как и что должно быть видно. Он получал кипу журналов по архитектуре и дизайну из-за рубежа. Меня отправлял на какие-то дизайнерские курсы, влезал во все проблемы архитектуры и дизайна современного и прошлого. Нам всем оставалось только удивляться.

Однажды он вызвал меня в свой кабинет. Нарисовал круг на бумажке (у меня до сих пор сохранилась она), разделил его на три части, потом на две и еще пополам и сказал: «Я хочу такой дом!» Говорю, что это очень странно. А он ответил: «Ты думай, а я буду рисовать дальше». В результате этот круглый дом был воплощен в жизнь. Каждая деталь, решение каждого окна, а их порядка 50, каждой двери, интерьера пола — это было его продуманное решение. С кипой журналов, всяких книг по архитектуре он в это дело внедрился, как в профессию. И все время говорил, что надо сделать большое портфолио этого дома.

Был еще и такой характерный пример. Есть очень известный московский архитектор Шнайдер. В начале 2000 года он занимался макетами. Когда мы начали строить здание «АиФа» и коттеджи, я пришла к нему заказывать эти макеты. У нас не было творческого архитектора, а был обычный, и я в том числе. Мы выполняли только задумки Владика. Сами творческую инициативу не проявляли, а зарисовывали техническую сторону. Когда Шнайдер увидел чертежи,

схемы, он сказал: «Какой уникальный, удивительный проект! Кто это все создал?» Я ответила, что все придумал сам Старков. И он сказал: «Я уважал Старкова, всегда считал, что журналистика — это его единственная профессия. Оказывается, он еще и архитектор». Это было ценно услышать из уст высокого профессионала в Москве. Владислав интересовался строительством, абсолютно не снижая обороты во всем другом. Он был главным редактором, ездил на спектакли. Человек, который много всего успевал».

Наталья Желнорова, журналист: «Шеф нашел площадку на улице Заморенова, рядом с домом, где была его квартира, и дал команду готовить всю разрешительную документацию. Задумали проект здания, откладывали деньги на его постройку. Однако место было неудачным. Далеко от нынешнего помещения (а съезжать с него мы не собирались), в гуще жилых домов. Жильцы, узнав, кто будет по соседству, уже выражали свои протесты: на этом месте они хотели видеть что-то нежное, типа сквера, но никак не производственный комплекс. Словом, впереди нас ожидали большие проблемы.

Напротив нашего здания на Мясницкой, 41, был особняк, его мы могли выкупить и, отреставрировав, переместить туда свои новые подразделения. (Заместитель главного редактора Андрей Угланов брался за «добычу» этого здания и вообще был горазд на разного рода полезные выдумки). Но шеф держался за замореновскую стройку. Всех убедил в ее пользе. Главным доводом была высокая арендная плата за нынешнее помещение: «Мы платим по 500 долларов за квадратный метр. Это же разорение!»

...На 12 часов дня запланировано окончательное заседание. С него стартует стройка. До заседания я позвонила главбуху, чтобы уточнить, какая у нас арендная плата за квадратный метр. «Не помню», — отвечает он. «Узнайте и позвоните мне. Это срочно», — попросила его. Параллельно с этим заказала риэлторам экспертизу по стоимости зданий — на нашей улице и там, где предполагалась стройка. Тоже срочно.

...Все собрались. У шефа отличное настроение. «Сейчас мы примем это важное решение. Вложим деньги в землю, в песок и воду — как это советует делать наша Н. Н» (Когда-то этими словами я убеждала его начать постройку дачи). «Нынче не советую. 12 миллионов долларов — дорого для такого здания. И очень неудачное место», — ответила я. «А по 500 долларов за метр аренды — разве не дорого?» — гневно воскликнул Старков. Все стали умножать наши 2500 кв. метров на 500, получалась внушительная сумма. «Надо строиться!» — раздавались уверенные голоса.

Неожиданно ожил селектор. Звонил главбух. Шеф опрометчиво включил кнопку громкой связи: «Что надо? У нас совещание!» — «Да, я знаю, но прошу Вас передать Желноровой, что цена нашей аренды — 12 долларов за квадратный метр». Это слышали все! Шеф слегка сконфузился. Впрочем, тут же, как ни в чем ни бывало, продолжил агитировать за стройку. Но прежней бурной поддержки уже не было.

Минут через двадцать секретарша шефа, Томочка, приоткрыла дверь и попросила передать мне факс. На фирменном бланке специалисты проводили сравнительный анализ цен — за пределами Садового кольца (на Заморенова) и в центре (на Мясницкой). Разница была ощутимая, разумеется, в пользу особняка напротив. Таким простым образом идея об этой стройке отпала. И только наша соглашательская, компрадорская позиция приводила ко многим решениям, за которые мы потом упрекали шефа. «Все не бывает само собой» — отрезюмировал бы сие достопочтенный Виктор Черномырдин.

...Дальнейшие события показали рациональность принятого по стройке решения. Шеф долго со всеми обсуждал, кто и где будет сидеть в особняке, как получше расположить буфет и прочие необходимые помещения, как обставить свой кабинет. Это было наше первое собственное здание (не считая нескольких редакционных квартир за рубежом). Шеф с нетерпением ждал, когда мы переедем в это вновь отреставрированное здание. Он строил дом для коллектива, но в это же самое время и разрушал этот коллектив, убивая его спаянность и дружбу...»

Все, что должно было произойти, произошло просто, быстро и даже, извините, пошло. А редакция, как «виновница» своих заработанных потом прибылей, оказалась не в старковском особняке на Мясницкой, 41, а в... заводских корпусах почти на периферии столицы. И шефа, как и еще некоторых его соратников, уже нет среди живых. А многих из нас нет и в родной редакции... Как тут не вспомнить слова на кольце царя Соломона: «Все проходит, пройдет и это...»

Сейчас стоит новое красивое здание — напротив арендуемого, но... принадлежит все уже банку, а теперь даже не банку, а крупной корпорации, которой банком был перепродан наш красивый особняк.

Как же это произошло?

«ЗАПОМНИТЕ ЭТОТ ВЕЧЕР»

Перелистай былое день за днем —
везде сюжет дешевого замеса,
и то, что мы историей зовем,
какая, в сущности, дурная пьеса!
Геннадий Красников

Справка: К 2000 году Издательский дом «Аргументы и факты» попрежнему занимал лидирующие позиции на рынке российских еженедельников. Конкуренты взлетали и падали, а махина «АиФ» прорывалась через экономические и политические кризисы, оставаясь на вершине пирамиды по тиражам.

На пороге уже был 2000 год, и душа каждого человека просила праздников, любви, трудовых побед. Но внутри уже постепенно накапливался гнойник, которому в его положенное время суждено будет лопнуть. И тогда начнется нешуточная борьба. В чью она будет пользу?

Татьяна Зеленранская, подруга: «Конечно, я не знала всех нюансов того, что происходило в «АиФе», для этого надо было там работать. Но когда попадала на праздники, то видела, что это было веселье для всего коллектива. Там не делили сотрудников по занимаемым должностям: за одним столом с ним, главным редактором, сидели корреспонденты, распространители, его замы, это были все его родные люди. И каждый — и водители, и уборщицы — имели право что-то сказать, кого-то поздравить, предложить свой тост».

Наталья Бояркина, журналист: «Вспомнила редакционную вечеринку, мы праздновали встречу 2000 года. Дата необычная, третье тысячелетие начинается. Старков встал с бокалом шампанского и сказал: «Давайте обратимся к духам нашего дома, которые живут в этом старинном особняке, чтобы они помогли нам процветать, чтобы наша газета приносила людям счастье». И вдруг погас свет. «Духи меня не поняли, перехожу на автономное освещение, — громко сказал он и надел какую-то кепку, у которой закрутились лампочки, как рожки. Мы хохотали от души. Человек в 60 лет способен был на мальчишеские забавы, поступки. Он не стеснялся выглядеть смешным, у него на этот счет абсолютно не было комплексов, совершенно не было спеси.

Наталья Желнорова, журналист: «На праздновании Нового года все веселились от души, а в конце, когда наступила раздача подарков, шеф решил потрясти родную публику эксклюзивом и преподнес сотрудникам предметы ...из секс-шопа. Девушки краснели, принимая такие неожиданные дары, но отказаться не могли, все же они из рук главного... Молодые люди смущались, но уже меньше. Последние годы их приучили к тому, что сексуальные темы непременно должны присутствовать на страницах газеты. Эта тема не всем нравилась, но на планерках они молчали, чтобы не расстраивать шефа, зато в курилках «отрывались от души».

Один из гостей, присутствующий на нашей новогодней вечеринке, тихо (но я услышала) сказал своему соседу: «Запомните этот ве-

чер, он — предвестие конца старковского «АиФа». Сосед его, услышав это, только похихикал: «Такому не бывать!»

Да, подумала я тогда. Не бывать, если бы основой трудовых отношений были, как прежде, уважение и доверие. Если бы...

Был ли Старков верующим? Он говорил, что нет. Но я бы так точно не утверждала. Часто он совершал щедрые, красивые поступки, которые были не по плечу и верующим людям. Например, когда я ездила на праздники в знакомый мне детский дом и везла туда разные нужные вещи, то Старков раза два предложил взять из редакции какие-то суммы, чтобы докупить на них еще что-то... Легко давал микроавтобус для перевозки этих покупок. Я чувствовала, что за его душу, как и душу каждого из нас, борются с переменным успехом силы зла и добра. И никогда не угадаешь, какая из них сегодня победила...

Знаю такую притчу про двух волков. Когда-то давно старик открыл своему внуку одну жизненную истину: «В каждом человеке идет борьба, очень похожая на борьбу двух волков. Один волк представляет зло: зависть, ревность, сожаление, эгоизм, амбиции, ложь. Другой волк представляет добро: мир, любовь, надежду, истину, доброту и верность». Внук, тронутый до глубины души словами деда, задумался, а потом спросил: «А какой волк в конце побеждает?» Старик улыбнулся и ответил: «Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь». Исходя из притчи, мне казалось, что наш папа заботливо кормит сразу двух волков».

Юлия Кузнецова, жена: «Я хочу вспомнить, как мы семьей с друзьями отмечали Новый 2000 год. Встреча этого удивительного года была в Большом театре. Сцена была опущена вниз и составляла одно целое со зрительным залом, везде стояли столики. Мы сидели в партере, а зять Денис с нашей дочкой Леной — в ложе. Все было потрясающе, какая-то сказка, а, может, мне приснилось, что единственный раз в жизни мы с Владиком танцевали вальс на сцене Большого театра!

И именно тогда на большом экране появился Ельцин и сказал всему народу о своем уходе и о своем преемнике В. Путине. Березов-

ский, присутствующий в зале, кому-то достаточно громко прокомментировал (я стояла рядом и хорошо слышала), что поскольку пока больше некого, пришлось временно поставить Путина, но это ненадолго. Так сказать, на переходный период. Вот так было. Мы стали свидетелями истории.

А сам праздник получился великолепным. Там лежали красивые тарелки, на которых было написано «Большой театр — 2000 год». Владислав внимательно посмотрел на них и с юмором сказал: «Каждый берет по одной тарелке». Вот такой он был шутник».

Ирина Солганик, журналист**:** «Спустя какое-то количество лет, будучи в Москве, я опять взлетела по парадной лестнице, отметив про себя недоброжелательную прохладность парадных зеркал. Старков, выглядевший совершенно так, как преуспевший руководитель крупной транснациональной компании, сидел в своем кабинете, рядом с бальной залой, окруженный охраняющими серафимами приличного роста и сложения. Он говорил, что времена отъезда прошли, ныне все из-за рубежа возвращаются; я сильно преувеличивала собственные муравьиные успехи».

«ДЕТКИ» В КЛЕТКЕ

Пустите, ну, пустите же меня!
Не рвите, ну, не рвите вы мне душу!
Нельзя хлестать без устали коня,
А то я все, в конце концов, разрушу!
В.С.

Справка: Наступил период жизни, когда, как часто бывает в творческих коллективах, атмосфера резко ухудшилась. Место интересной работы, которая, по существу, сплотила нас, стали занимать уже более серьезные интриги. Вырваться из них было очень трудно. Словно кто-

то запихнул в тесную клетку журналистов-акционеров и захлопнул ее. В это время какой-то отдушиной для всех стали приложения к основному выпуску. Их было много: «Дочки-матери», «Здоровье», «Молодой», «Разбор», «Есть идея!», «Любовь», «На даче», «Семейный совет», «Кот и пес», «СВ»... Туда уходила большая часть материалов, которые накапливались в редакции. Росли их тиражи, приложения приносили прибыль.

Но через какое-то время Старков понял, что «энергия масс» уходит на сторону и «взревновал» коллег теперь уже к... своим детям — приложениям. Ему стало казаться, что именно там появляются лучшие статьи, что редакторы неожиданно почувствовали свою самостоятельность, а это, считал он, никак нельзя было допустить, даже ценой очевидных выгод для ЗАО.

Началась новая волна напряжения: у кого какие затраты, прибыли, тиражи. Бухгалтерия по приказу шефа выдавала фальсифицированные данные, необходимые, чтобы ущемить неугодного в эту минуту редактора. (Но в то же самое время редакторам выдавали правильные показатели, понимая, что, как члены редсовета, как акционеры, они вправе их запросить). Атмосфера накалялась. Даже преданным Старкову людям было тяжело.

Николай Зятьков, главный редактор: «Я и тогда понимал, что не надо зажимать других в инициативе, не надо себя ограничивать. Истина бывает не только в одной инстанции. Надо все пробовать, а потом выяснять, кто прав.

Нельзя быть главным во всем. Журналистика, с одной стороны, вначале заставляет взять на себя ответственность — уметь кого-то заставить, где-то приказать. Но с другой стороны, это не промышленное предприятие, тем более, не воинская часть, чтобы у людей не отбить охоту творить, создавать.

Я сделал вывод, что надо меньше интересоваться и вмешиваться в личную жизнь. Кто женился, кто развелся, кто там сходил налево,

кто направо. У каждого бывают ошибки, даже если ты умнее и опытнее, все равно человека не убережешь. Своих детей мы идеально не можем воспитать, а что говорить о коллективе. Ну конечно, есть определенное табу и нравственные ценности. Например, нельзя предавать, нельзя давить свой коллектив».

Дмитрий Макаров, журналист: «...Только сейчас я действительно пришел к пониманию, что ревность оказалась той самой болезнью (или проявлением какой-то иной), которая его сгубила. Ну, к примеру, у нас были приложения. Хорошие газеты, и те, кто в них работал, как могли, старались сделать их достойными основного издания. И вдруг на планерках стали возникать однотипные скандалы: почему этот материал появился, скажем, в «Здоровье», а не в основном номере? Поначалу это дико удивляло: как же так, разве «Здоровье» — не наше родное дитя, которое нужно холить, лелеять и радоваться его успехам? Оказывается, нет. Родное «дите» — это только «АиФ».

Прихожу как-то к Старкову, а он мне говорит, что Желнорова «достала» его своей критикой. «Я нашел ей новое дело. У нас есть приложение, в котором она будет главным редактором. Вот пусть им и занимается, а ко мне больше не пристает». Таким образом он искал и находил выход из любых тупиков, но все равно не успокаивался. Однако зерно раздора уже было посеяно...»

Наталья Желнорова, журналист: «Если ты попал в ситуацию долгих споров и разборок, есть замечательный выход — уйти в работу. И ты спасен. «Работа избавляет нас от трех пороков: скуки, лености и нужды» — не зря предупреждал великий Вольтер. Но и здесь не было отрады: материалы даже высокого качества могли месяцами лежать на столе у редактора, если он поставил перед собой задачу «проучить тебя». Ходила даже такая «шутка»: «Лучшие материалы мы читаем в редакции, средние — выдаем читателям». Вроде как они не доросли до «лучших».

Главный редактор радовался, когда ситуация благополучно разрешалась, но и огорчался, видя, что журналисты среди своего авторского состава приобретают вес и влияние. Возможно, поэтому он так часто «тасовал карты». Менял тематику, которую вел журналист, и зачастую — радикально.

Для газеты это имело двоякий смысл. Плюсом было то, что журналист на новой тематике неожиданно загорался, так сказать, новым светом, у него был свежий взгляд и какие-то иные подходы. Минусом было то, что на полгода–год эта тема явно увядала, пока новый журналист не нарабатывал свой «портфель».

В этот момент Старков и предложил мне редактировать наше приложение «Есть идея!». В нем читатели могли публиковать свои проекты, идеи, всякие полезные научные штучки. До этого приложение вполне нормально редактировал один из друзей шефа, но у них с шефом что-то там не заладилось. Я согласилась, хотя чувствовала новую интригу. Согласилась главным образом потому, что теперь мне на законных основаниях можно было меньше находиться в кабинете шефа, из которого к концу дня все выходили измочаленные, уставшие больше, чем после перекопки огорода. Да и тяга к творчеству победила. Сделали новый логотип, рубрикатор, пришли новые авторы...

Шеф видел, что дело закрутилось, но его новая, неизвестно откуда взявшаяся страсть «помешать процессу», взяла свое: он дал команду не финансировать журналистов «Идеи». Смысл был такой: откажись от газеты, а я потом всем объявлю, что вот, мол, она не справилась. Но я упорно продолжала свое дело, хотя теперь, чтобы не выглядеть «сволочью» перед внештатными журналистами, мне пришлось платить им деньги из своей зарплаты. Когда я говорила со Старковым на эту тему, он только посмеивался и советовал мне, «чтобы лично не разоряться... пореже выпускать «Идею»! «А как же подписчики, распространение?» — ужасалась я. «Да никак!» — с издевкой отвечал он».

Наш коллега Виктор Перушкин, выпускающий свое приложение «Разбор», столкнулся с таким обстоятельством: ему стали гово-

рить, что его издание убыточно. Это звучало странно. Тиражи растут, откуда же убытки? Где идет «утечка прибыли»? Перушкин стал собирать информацию по каждому этапу: сколько стоит бумага, полиграфработы, распространение.

Расчеты показывали: нет убытка! Чтобы «сделать его», на приложение стали списывать и содержание всех зарубежных квартир, и командировочные шефа, и его немалой свиты. Этих расходов наши приложения не могли потянуть. Разумный совет учитывать пока прямые затраты на издание, дать ему время на раскрутку — успеха не имели, как будто никого не интересовали ни большая почта, ни все возрастающая подписка... Аналогичная история произошла и с «Идеей».

Елена Старкова, дочь: «У меня есть сын Ваня, и есть сын Платон. Ваня появился неосознанно для меня, в юности, я была еще почти ребенком. А Платон рожден осознанно. Они разные. У Вани такие же черты, такая же мимика, как у меня. Я это чувствую. И к Ване применяю такие же методы, какие папа применял ко мне. А с Платоном все по-другому.

Такие понятия, как семейная тирания, передаются от поколения к поколению. Есть кармический круг, по которому мы ходим и не можем перейти на другой, не можем разорвать эту цепочку. Все действуют одними и теми же методами, идут по одним и тем же стопам. Так действовала его мать, так действовал папа по отношению ко мне, так действую и я по отношению к Ване. Если я сейчас разорву этот круг, то больше в нашем древе такого не будет происходить. Может, мне и не удастся, а получится у Вани. Или у меня, но уже с Платоном.

Он выбирал за меня то, что сам не выбирал для себя в моем возрасте. Например, журналистику. Я работала у него, это было одно из лучших мест в Москве, где можно было работать.

Потом по его воле я работала в ИТАР-ТАСС. У меня этой цели не было, для меня там не было свободы. Каждый день с 9 до 18. За-

чем? Мир такой огромный, такой прекрасный, интересный, а что я здесь делаю с этими министрами иностранных дел, зачем они мне нужны? Я ушла. Мама меня просила: «Ты только папе не говори, не расстраивай его». Когда я слышу слово «надо», я сразу впадаю в панику, в напряженность: «кому надо, почему надо?» А для него это было то, что «надо». Хотя мне все говорят, что он сам терпеть не мог это слово.

Я думаю, он ревновал меня ко всем мужчинам. Он не ревновал меня только к одному, с которым сам же и познакомил. Он мне подсовывал каких-то ребят, это были скучные мальчики. Сейчас я их даже не помню. Отцу окружающие люди просто не могли сказать слово «нет». Только мама ему говорила «нет», но это было в молодости, когда она была еще сильной. Рядом с ней он тогда выкарабкивался, становился сильнее и сильнее. Мужское начало у него крепло.

Юлия Кузнецова, жена: «Воспитание, которое мне дали родители, делало меня законопослушным и осторожным человеком. Но во время перестройки мне показалось, что нашей дочери нужны другие качества. Надо быть смелой, активной и независимой. Лена это усвоила. С детских лет ей было трудно кому-либо подчиняться, даже отцу. Если я всегда пыталась убеждать ее, договариваться с ней, то отцовского терпения на такой подход не хватало. Отношения у них были сложными, неровными, хотя, конечно, они любили друг друга. Вероятно, чувствовали родство характеров. То, что у нее на первом месте друзья и безудержный интерес к жизни — это от отца. Сейчас Лена увлекается живописью, у нее есть яркие запоминающиеся полотна. Она член «Профессионального Союза художников России». Но я уверена, что как и ее отец она получила свой укол журналистикой. Это ненасытная профессия для любознательных, неравнодушных и деятельных людей. Я надеюсь, что гены возьмут свое».

РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ

Не бойся ничего, — мне бездарь говорил. —
Пусть будут нареканья, стыдоба, огрехи,
Но бойся не успеть, когда начнут делить
Хоть где-нибудь, хоть чьи-нибудь успехи.
В.С.

Справка: К началу третьего тысячелетия выпускается 68 региональных приложений «АиФ». Издание распространяется в 52 странах мира! На очередном заседании редсовета был поставлен вопрос об аифовских приложениях. Главный редактор предложил закрыть две газеты. С того редсовета еще больше усилился внутренний раскол.

Когда-то была популярной такая фраза: «Можно пройти по всему минному полю, но подорваться на дерьме». Что-то подобное происходило и здесь. Все акционеры четко поняли: каждый может быть на месте осуждаемого. Надо что-то делать. Как когда-то говорили евреи, собираясь вместе: «Надо ехать», так и наши акционеры заговорили: «Надо продавать».

Но корабль по имени «АиФ» продолжал свое мощное движение. Почти во всех краях России выходили региональные вкладки, появилось много международных выпусков. Создана была кровью и потом своя крупная сеть по распространению — «Ариа-АиФ», которая «толкала» на рынок наши издания и кроме того сама зарабатывала продажей другой российской периодики. Над их продвижением работали опытные специалисты: ***Олег Желтов, Андрей Вавилов, Александр Данилкин, Сергей Кибец, Александр Левкин.***

К счастью, эти подразделения не входили в ежедневную «тусовочную» команду главного редактора, и посему твердо могли сказать словами Виктора Черномырдина: «Курс у нас один — правильный».

Наталья Желнорова, журналист: «Старков внутренне комплексовал, что он уже не молод. Мы этого не замечали, не придавали этому никакого значения — каждому из нас столько, сколько есть, и каждый дорог газете своей ментальностью, самостийностью, по существу тем, что все еще делало нас одной прочной, хорошо сбитой командой. Если перед редакцией вставал какой-то очередной вопрос, мы не терялись в догадках, к кому обратиться за помощью или советом, а сразу могли указать на своего сотрудника, которому с помощью его связей это решение «будет по зубам». И это состояние «плечом к плечу» придавало уверенности всему коллективу.

Но сейчас было не так. Терзание самых активных участников трудового процесса — акционеров, постоянное их ущемление — не могло не привести к каким-то печальным последствиям. Я предлагала Старкову выход: не тянуть «одеяло на себя», уже не тот возраст, не то здоровье, и самое главное — нет нужды это делать. А напротив — дать каждому дело «по зубам» — по его умению и хотению. Не дадим частями — потеряем полностью, словно предчувствовала я. Но вместо того, чтобы обсудить ситуацию и хотя бы начать этот успокоительный процесс, Старков не допускал даже разговоров о нем. А между тем, многим очень хотелось испробовать свою деловую удаль.

...Шеф не сомневался, что я твердо встану на защиту «Идеи», буду биться за нее, как за своего ребенка. Он даже инициировал ссору — ему хотелось новых острых ощущений. По сути дела, я «классически» так и должна была поступить: всем было ясно, что мне тяжело будет допустить гибель «Идеи».

Газета наполнялась жизнью, давала простор фантазии, содержала в том числе и такие популярные рубрики, как «если бы я был президентом» и «бредовые идеи», то есть это была хорошая площадка для всех «головастиков» и «кулибиных». (Даже сейчас, когда я нашла и специально критически полистала старую подшивку, душа заболела, что угробили отличное дело!) «Моим» журналистам нередко приходилось до ночи сидеть над этой газетой, чтобы и она лицом в

грязь не ударила, и в основной выпуск я успевала готовить оперативные материалы.

До последней минуты я не верила в абсурдность самого предложения о закрытии газет, у которых росли тиражи и была устойчивая подписка. Потом... закрыть-то любое издание легко, а попробуй открыть и начать с нуля! Но я уже ото всех этих «спектаклей» устала и, может быть, впервые в жизни предоставила событиям развиваться по свободному сценарию: «Как хотите. Решайте сами». «Высказывайтесь все, — произнес шеф, — но помните: мы не можем допустить убытки».

Коллеги стали дружно поддерживать Старкова: газеты интересные, полезные, но если убытки... «Никаких убытков нет — ни у «Идеи», ни у «Разбора», это провокация, вот у меня на руках реальные цифры», — возражал Перушкин. Его никто не слушал (не для того собрались). Постановили: закрыть два издания.

Дома я рассказала о редсовете. Муж: «Да радуйся, что с тебя сняли такую обузу! Ты же к ночи приходила домой! Свои деньги вкладывала — дикость какая: перерабатывать и еще за это платить!» «Знаешь, больше всего меня удручает поведение коллег. Почему они «повелись» на неправду? Сколько раз я их раньше защищала! Что, они уже ничего не помнят?» Мой 18-летний сын спокойно прокомментировал: «Не обижайся на них. Они перед Старковым — как кролики перед удавом. От страха ничего не помнят. Им лишь бы уцелеть, не разгневать его в эту минуту». (Вспоминая потом слова сына, все больше убеждалась в их справедливости).

...Как садовод, я еще раньше обратила внимание на такую «цветочную особенность». Сажаешь маленький кустик многолетнего цветка и видишь, как хорошо он развивается — резво и счастливо. Год-два-три его не делишь на части и не пересаживаешь на новую почву, и пока все в порядке.

Но уже через три года видно, как внутри он слабеет, вырождается. По бокам растут высокие стебли, так как у внешних корней есть доступ к свежей почве, а внутри все старые корни настолько оскуде-

ли от отсутствия новой земли, так туго переплелись, разрослись, что уже не дают ни сильных стеблей, ни цветов, лишь угнетают друг друга. Спасение одно — рассечь их лопатой по корневищу — и на новые места. «АиФ» — цветок. По бокам он цвел, а центр был уже безжизнен, страдал от самого себя и от недостатка света, простора, свободы. Но заметно это было пока только внутри «цветка».

Николай Зятьков, главный редактор: «Я, наверное, не повел бы себя так. Когда у нас была эпопея расставания, с подачи Старкова пытались журналистам дивиденды не платить, урезать акционерные права. Тогда это было легко. Хотелось, видимо, кого-то наказать, как-то утвердить себя. Сначала Владислав Андреевич был увлечен делом до фанатизма. Потом, конечно, это стало превращаться в рутину, и уже больше времени и внимания Старкова занимала вторая часть: «я сам в этом деле и как я могу получить возможные блага от этого дела».

Юлия Кузнецова, жена: «Благодаря своей сильной интуиции он понимал, что время четвертой власти уходит. Политики, известные люди, когда их узнаешь поближе, становятся неинтересными, они банально повторяются в своих «многоходовках». А статьи, даже самые жгучие, уже никого не зажигают, на них никто не реагирует, как это было в прошлом, и чего же тогда гудеть, когда поезд никуда не едет?! А если влияние СМИ прямо на глазах исчезает, то также исчезнет и его, старковское, влияние. Он помнил то время, когда по материалам газетных или журнальных статей проводилось следствие, снимались со своих постов ответственные работники, тогда — да, это было служение народу и ради этого можно было изнашиваться, терпеть, а если это ушло, то надо хотя бы пожить по-человечески».

Дмитрий Макаров, журналист: «Десятки раз я прокручивал в своей голове один и тот же вопрос: станет ли продажа акций, если она свершится, актом предательства? По ночам я допрашивал себя

как следователь-изувер, и утром думал, что, наверное, буду предателем. Но каждый рабочий день убеждал меня в обратном. Если бы речь касалась только меня, я бы, может, стерпел. Но видеть каждый день своих, таких же, как я, обобранных друзей, было тяжело. И тогда я решил действовать. Передо мной встало три задачи.

Первая из них состояла в том, чтобы собрать в «Аргументах» коллектив единомышленников, готовых продать свои акции. Не стесняясь и не боясь последствий, я говорил об этом почти со всеми акционерами. До сих пор не знаю, донес ли кто-то о моей подпольной работе Старкову. Во всяком случае, никакой реакции с его стороны не было.

Вторая задача состояла в том, чтобы достать для потенциального покупателя документы о материальном и финансовом положении нашего акционерного общества.

И, наконец, третья и самая главная задача — найти покупателя.

Не буду утомлять рассказом обо всех мытарствах, через которые пришлось пройти, но пакет был сформирован, документы отысканы, достойный покупатель найден.

Но неожиданно настал «час быка».

Мой товарищ Виктор Перушкин, который был в курсе моих действий по продаже акций, почувствовал себя оскорбленным сначала за закрытие приложения, которое он редактировал, а затем и за несправедливое лишение премии...»

Глава девятая

НОВЫЙ ГОД И ВА-БАНК

Потом на очереди встал
Вопрос о чести.
И человек ее изгнал
С совестью вместе.
В.С.

Справка: В канун Нового года один из акционеров, бывший редактор газеты «Разбор» (о борьбе с криминалом) объявил, что нашел на свой малый пакетик акций покупателя, который предлагал ему большие деньги.

...И вот ситуация приблизилась к своему апогею. Разрешить продажу — значит, в состав акционеров попадает непредсказуемая личность, она может начать провоцировать продажу и другими своих акций. Это может стать началом рейдерского захвата ЗАО «АиФ». Как такое допустить? Что делать?

Виктор Перушкин, журналист: «Конец декабря. Старков приехал из Парижа и пришел на празднование встречи Нового года. А за две недели до этого я подал заявление Зятькову о том, что хочу продать свои акции и предлагаю редакции их выкупить. У Николая Ивановича не хватило духу сказать об этом Старкову по телефону, чтобы не испортить тому командировку. Зятьков «приберег» эту новость аккурат под Новый год. Целый час они сидели в кабинете шефа, потом вместе они вышли и стали трясти поздравительными телеграм-

мами, рассказывая, что «АиФ» все поддерживают, что мы сильные, нас, мол, не сломишь.

Никто кроме меня не понимал, зачем эти очевидные слова. Шеф сел за праздничный стол, но выглядел, как убитый. Я подошел, сказал, что хочу его поздравить. Он спросил: «И все?» «Да, и все». Мы пошли в его кабинет. Я потом подумал, что в этот момент он мог бы допустить любую провокацию: упасть, закричать, что я на него напал. Что-то в этом духе. В своем кабинете он закричал: «Кто ты такой, что хочешь своим коготком прорезать дырку в нашем дирижабле?!» Но меня все это уже не трогало.

Это было совсем не так страшно, как в тот день, когда я нес свое заявление Зятькову. Раза три я подходил к его кабинету и не мог пересилить себя, открыть дверь, поздороваться и отдать. Все время возвращался, у меня просто не хватало духу все-таки вручить ему мое заявление. Потом я сам себе сказал: «Ты будешь полным трусом, если сейчас же не отдашь».

Почему так надо было спешить? Эта спешка была связана с той компанией, которая готова была заплатить деньги за мои акции. У нас с ней и с ее адвокатом Леонидом Липником уже была договоренность, и они подталкивали меня к конкретным действиям. Лет пять мы с Липником были знакомы. Это был единственный адвокат в Москве, сумевший отсудить у Чубайса три здания в центре столицы. Я к нему обратился со своей идеей продажи акций, а она родилась у меня еще во время кризиса в 98 году, когда я понял, что рано или поздно буду выброшен за борт «АиФа». Когда «клюнул жареный петух», я увидел, как Старков и Зятьков безжалостно обращаются с кадровыми сотрудниками. И в свои 40 лет, после 11 лет напряженной (и нередко опасной) работы в «АиФ», я не хотел остаться без всяких средств к существованию.

В определенные узловые моменты я тоже много делал для газеты. В том же 98-м году я помог вернуть редакции из обанкротившегося банка 1, 25 миллиона долларов. Это были деньги подписчиков. Увидев на счету эти деньги, Старков восхищенно тряс мне руку и го-

ворил: «Ну, ты — чудо, что сделал!». А потом он вернулся из Барвихи, где поправлял свое здоровье, и сказал всем, что это «я пришел и сам все для вас сделал».

В то же время все видели, как из редакции вышибают акционеров с малым пакетом акций. Было удивительно и то, что за два года до этих событий меня выбрали председателем ревизионной комиссии «АиФа». Как я ни раскидывал своим умом, никак не понимал, чем шеф руководствовался, почему ему это надо было. Это было равносильно тому, что пустить волка в овечье стало.

Старков — умный человек, и это я всегда признавал. Он много сделал и для меня, я не был обделен его вниманием. Но он совершил несколько роковых ошибок. Первая: нарушил баланс в редакции. С одной стороны, у него была группа журналистов-акционеров, представляющая собой интеллигенцию, а с другой — такие молодые шакалята–журналисты, без особых нравственных устоев. Шеф до поры до времени был посередине, он заигрывал то с одними, то с другими, но корабль все-таки двигался вперед. Но теперь он встал на сторону «шакалят».

Вторая его ошибка заключалась в том, что Старков не готовил себе преемника: вот есть я, а после меня хоть потоп. Старков «разводил» вокруг себя людей, способных быть только вторыми при нем, но не первыми. И только кто-то начинал поднимать голову, как он тут же готов был ее отсечь. Малейшее подозрение на лидерство кого-нибудь тут же искоренялось.

Третья ошибка была в том, что он собрал вокруг себя трутней из числа своих друзей, которые ничего не могли сделать для редакции и были позором для основного состава — истинно пахотных лошадей. Одни вкалывали, а все блага получали другие люди. Четвертая ошибка — снятие с моей премии 250 долларов. Новикова проводила премиальную комиссию, разумеется, она это сделала по указанию шефа. Тогда я написал заявление, что в связи с тем, что с меня совершенно необоснованно сняли эти деньги, я требую их вернуть, в противном случае оставляю за собой право поступать так, как сочту нужным.

Старков потрясал передо мной этой бумагой в негодовании, что виновата Новикова, и он сам разберется. Но это был спектакль. Дальше он собрал «шакалят» проанализировать ситуацию. Кто-то из них сказал, что это все мои «понты», ничего сделать он не сможет и надо просто его «гасить». В бухгалтерии мне сказали, что никакого распоряжения о возвращении мне 250 долларов от шефа нет.

Тогда я и пошел к Липнику... Я ему изложил свою идею, а до этого изучил наш устав ЗАО, права акционеров и информацию по строительству наших объектов — редакционного дома на Мясницкой, 41, узнал, как идут материалы и деньги на эти сторонние стройки. Эту информацию я получил как председатель ревизионной комиссии. Параллельно с этим я узнал, сколько могут стоить наши акции. Коммерческий директор и главный бухгалтер назвали мне цифру, ниже которой они ни при каком условии не будут стоить. Исходя из этого, я и объявил свою сумму.

Старков после этого кричал мне: «Ты не боишься, что с тобой может что-то случиться?» На это я сказал, если со мной в этот период что-то случится — то же самое случится с каждым — у меня готов список, к кому придут сразу. Вот даже если я горошиной подавлюсь, то ею подавятся и все остальные. Я был и в Чечне, и в Абхазии, и там есть люди, которые мне обязаны своей жизнью. Мне достаточно набрать номер телефона, они сюда приедут, сделают свое дело и уедут».

Старков потом предложил мне: «Давай все вернем обратно». Я ответил, что машина уже запущена, назад ничего не вернешь. «Я полгода говорил вам: не доводите меня до определенной черты, после которой я уже начну действовать. Давайте лучше не раздувать огромный костер, а рассчитайтесь со мной по той формуле, тихо, я передоверю вам свои акции, после этого мы с вами расстаемся в любви». Он ответил, что об этом не может быть речи, что мы будем драться. «Ты затеял очень опасную игру».

Наталья Желнорова, журналист: «Старков искренне считал, что только он имеет «право на все» (он его и имел!) Что он всех обучил,

расставил (так и было!). И если кто-то что-то получает, то этим он забирает часть его, старковского, добра. Отсюда и всегда низкий процент по выплачиваемым дивидендам. Отсюда и постоянная «прессуха» журналистов-акционеров, чья жизнь была гораздо напряженнее, взрывоопаснее, чем всех других сотрудников. Отсюда и то, что он так легко увольнял с работы акционеров — с глаз долой, чтобы душу не травили. Это был период, когда внутренне им явно управляло зло. Дыхание его все чувствовали, и поэтому в «час быка» вместо того, чтобы помочь шефу в его борьбе за «свои акции», начали подсчитывать, сколько же реально стоит «АиФ», а отсюда — сколько стоят их скромные пакеты акций. Процесс был запущен.

Только позже я поняла, за что он так «прессовал» акционеров. По Уставу ЗАО один раз в три года надо было переизбирать нашего президента. Для нас процедура эта была абсолютно формальной. Ясно, как Божий день, что пока Старков жив, до тех пор и будет президентом. Куда денешься — он наш папа. Но он, как любитель интриг, не верил, что все обойдется, он себя накручивал, что вот в какой-то «черный» выборный день кто-то обязательно выкинет какую-нибудь «бяку»! Так что с одной стороны, полная вседозволенность, «Бога за бороду держит», а с другой — вынужден зависеть ото всех этих Витек, Андрюшек, Димок, Сашек, Колек...» Тяжелая ноша.

Я это поняла, когда однажды перед собранием акционеров, увидела его совершенно бледное лицо. «Что с вами?» — спросила его. И шеф ответил: «Сейчас какой-нибудь козел всю нам малину испортит». До меня не сразу дошел смысл его слов. Поэтому, думаю, он и играл на весах, где на каждой чаше была своя команда с определенным пакетом акций. Если против меня выступит одна команда, то со своими акциями я войду в другую, и... все равно мы выиграем. Все правильно, кроме одного: ни одна команда не стала бы лишать его президентства!»

Николай Зятьков, главный редактор: «Владислав Андреевич довольно часто принимал резкие решения. Он был изощренным не

только во взаимоотношениях с властями, но и в редакции. В какой-то момент решение принимал он сам, а до этого проверял его на всех. Часто люди были изначально не согласны с его решением... Но постепенно все так подстраивалось, что выглядело как коллективное согласие. Все его «игры» с акциями, с увольнениями, со мной обсуждались, но в чем-то, в каких-то вещах я не до конца был с ним согласен. И он иногда временно отступал, потом практически меня убеждал, и в итоге не мытьем, так катаньем добивался того, чтобы его вариант принимался».

ГОРЕ ОТ УМА

Стал править миром
Металл презренный.
И мир пред ним…
Презренно пал!
В.С.

Справка: Наша редакция располагалась в особняке Барышниковых XVIII века, где Александр Грибоедов впервые читал свое гениальное произведение «Горе от ума». Несомненно, что призраки этого бессмертного произведения подействовали и на сотрудников «АиФа». Тут тоже оказались свой Фамусов, и свой Чацкий. И интриги здесь были поострее грибоедовских...

В этот ответственный момент решение могло бы найтись вполне достойное, если бы над ним, как было раньше, задумались все. Если бы это происходило на несколько лет раньше описываемых событий, коллектив, выступив единой силой, нашел бы приемлемый выход. Да никто и не позволил бы себе тогда так открыто и отчаянно действовать.

Но многим надоела стрессовая творческая ситуация и, возможно, они перестали верить тому, что не потеряют работу и акции.

Сюда добавились и те журналисты-акционеры, которые еще прежде покинули редакцию, но сейчас не были удовлетворены получаемыми дивидендами.

Наталья Желнорова, журналист: «На 15 февраля был назначен обед со всеми акционерами. (Часть из них еще раньше ушла из редакции). На повестке тот же вопрос: что делать с Перушкиным? По палочке дирижера высказывался то один, то другой, третий, десятый. Шло общественное порицание его поступка (сам он предусмотрительно отсутствовал, знал, что ничем хорошим это не закончится). Но идей не было. С одной стороны, шефу было приятно, что все заодно с ним, с другой... Дело же так и оставалось на мертвой точке.

Мне хотелось отмолчаться, ведь и так все было ясно. Но не удалось. Первый заместитель главного редактора попросил меня для всех озвучить свою позицию. Я сказала о честности по отношению друг к другу — если уж мы вместе в одной лодке. Неужели мы готовы растерзать свое дело за 250 долларов и всего лишь за одно приложение? Надо из двух зол выбрать меньшее. Восстановить «Разбор», а в дальнейшем, возможно, и отдать ему эту газету. Это дешевле всего, а если кто-то расценит такое решение как прецедент, то при желании и им, редакторам, можно отдать «их» издания. Нам надо расширять свою «контору», давать акционерам больше воли и самостоятельности. Люди устали от тесной спайки, тем более что уже приобрели опыт работы, каждый может быть редактором не хуже, чем те, кто руководит другими известными изданиями. А сейчас редакторами мы управляем, как неразумными младенцами!

Кто о чем мечтал в рамках нашего ЗАО (а такие мечты — о спортклубе, телекомпании, даже ресторане, и все это под маркой «АиФ» были), пусть то и получит, если это не противоречит нашим интересам. Надо из «минуса» сделать «плюс», продумаем условия, при которых эти дочерние подразделения не наносили бы ущерба «АиФу», а помогали ему расширяться и дальше. Рассчитаем паи, оставим основной куш на основное издание — и в рамках своей суммы дадим

возможность действовать. Крыша «АиФа» к вашим услугам. Кто прогорит — сам виноват. Кто не захочет самостоятельности — остается здесь, и ему тоже будет вольней дышать. А как же наш главный редактор? — Он по-прежнему наш «дорогой Папа», только еще более любимый, все приезжают к нему за советами, а он навещает всех. Пусть все будет, как и в настоящей семье, где дети уже выросли...»

Старков заявил, что это чушь, и он никогда на это не пойдет. Тогда я сказала: «Спасибо за обед, извините, я уйду». На душе было легко — я все сказала, как хотела. Единственное, что тяготило — такой сыр-бор мы устроили на Сретенье! И я виновата: не снизила напряжение, а усилила его. Вечером была в театре, и все время чувствовала: сегодня перешла Рубикон. Обратной дороги нет. Но это не огорчало, а — напротив — бесконечно радовало, окрыляло. В последние годы страшно устала от этих ежедневных разборок. Было досадно, что время идет, а я не на всю катушку использую свои творческие силы. Здесь и сейчас я, даже будучи членом Совета директоров ЗАО, замом шефа, мало на что могла повлиять».

Виктор Перушкин, журналист: «Старков чуть-чуть успокоился, подумал, что все само собой рассосется. Но так как я действовал строго по той схеме, которую мы с Липником составили, то через три недели я пришел к Зятькову и спросил: «Что вы решили с моими акциями? Вы их выкупаете, либо я их продаю другой структуре, которая готова мне заплатить эти деньги?» И тогда объявили об общем собрании акционеров. Мещерский (председатель Совета директоров ЗАО) мне сообщил, что уже решено отобрать у меня эти акции. Я позвонил Липнику. Он мне сказал: «Даже не думай сопротивляться! Давай молиться, чтобы это произошло». Чисто интуитивно, я тогда продавал все акции, кроме одной. И в дальнейшем она мне здорово помогла. Тогда я подумал, что, слава Богу, я остаюсь акционером, и у меня есть право ходить на все собрания...

На том собрании вынесли решение забрать у меня все акции, перед этим предложив мне: «Либо ты отказываешься от акций, либо

мы их у тебя забираем». Спрашиваю: «Можно я посоветуюсь с независимым адвокатом?» Вышел, позвонил другому опытному адвокату. Он мне сказал: «Как они могут отобрать вашу собственность, вы же все восстановите через суд и даже можете увеличить свою выгоду в четыре раза!» Я возвращаюсь. Шеф спрашивает: «Ну что?» Говорю: «Голосуйте за то, чтобы отобрать у меня все акции». На тот момент это был показательный ход, типа психологического давления.

Тогда для всех все было ново и неизвестно, всем говорилось, что я хочу продать их криминальным структурам. Шеф уже обращался в Генпрокуратуру, и мне грозили сроком до 15 лет за шантаж. Меня вызывали к следователям, пытались «пришить» уголовное дело. Старков побывал у руководителя администрации Президента Волошина с жалобой, что газету хотят захватить бандиты. Это мне рассказал Андрей Бинев (тоже акционер, наш бывший сотрудник), ему позвонил Старков. И хотя Старков сам когда-то уволил Бинева, и тот был на него очень обижен — теперь все было позабыто, шеф стучался в любые двери. Андрей Бинев подлил масла в огонь: «А вообще вы знаете, кто такой Перушкин? Вы знаете, кто за ним стоит? Может ли простой человек вот так поступить? А вспомните, ведь он ездил и в Америку, и в горячие точки, и немыслимые деньги вам вернул... Вы бы все это сопоставили. И сейчас он вам заявление написал открыто, смело. Кто бы еще пошел на такой шаг, если бы за спиной не было силы?» Он накрутил Старкова, мол, все, ребята, вам швах.

Я не стал никому ничего разъяснять. Есть такой прием: ты молчишь, а люди сами за тебя все додумают. Сочинят еще круче, чем есть в действительности. Собрание ставило перед собой задачу оттянуть время, чтобы что-то там подчистить в бухгалтерии. Потом меня сняли с должности председателя ревизионной комиссии. Я поехал к Липнику, и мы стали прорабатывать ситуацию с судом, чтобы вернуть отобранные акции.

Потом я показал главному редактору свое исковое заявление в суд. Шеф сказал: «Сейчас я еду в Париж, пока ничего не предпринимай, вернусь, и мы что-то решим». У меня появилась надежда, что

на самом деле мы разойдемся мирным путем. Потом он возвращается из Франции и говорит совсем другим тоном: «Или ты забираешь свое заявление, или ты тут не работаешь». Я ему отвечаю, что мне здесь не работать в любом случае, а в суде я всех буду прикладывать, как захочу, и написал заявление об уходе».

ВСЕ НА ПРОДАЖУ

Вы, идущие мимо меня
Не к моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни растрачено даром.
Марина Цветаева

Справка: Ряд акционеров, в основном миноритарных, объединились, чтобы продать свои акции и вырваться из той тяжелой атмосферы, которая царила теперь в «АиФ». Им это удалось.

Те, кто вели «предпродажную подготовку», искали покупателя, своих действий особо не скрывали. Они решили воспользоваться советом Виктора Черномырдина: «Надо всем лечь на это и получить то, что мы должны иметь»!

...Но почему же Старков сам стал наносить «ножевые ранения» своему детищу, почему не стал спасать его (и себя), когда над ним сгустились черные тучи, нагнанные на «АиФ» не сторонней черной силой, а собственной агрессивной энергией? Почему произошло именно так — нелепо, нелогично и больно для всех?»

Дмитрий Макаров, журналист: «Я искал покупателя и нашел. Так что для Владислава Андреевича появление в редакции известного финансиста Бориса Федорова с предложением «купить акции» не стало сюрпризом. Финансист не понравился.

Тогда стали искать другие кандидатуры, и, в конце концов, появился новый покупатель, обслуживающий нас банк, и его предложение о покупке акций миноритариев с согласия главного редактора было принято».

Виктор Перушкин, журналист: «Старков понял, что может потерять многое и решил выпустить из ЗАО тех акционеров, которые рвались из него — в основном все с небольшими пакетами акций. Их было 16 человек — больше половины, но сюда же неожиданно вошли и председатель Совета директоров Мещерский, и Желнорова, и Макаров, и Бинев, и Хлебникова, и Моржаретто, и Савичев...

И вот, наконец, было объявлено о собрании акционеров с целью продажи акций одному банку. Старков пригласил ОМОН. Мне звонит один из охранников и говорит: «Витька, ты что сегодня собрался с «АиФом» делать?» — «Да ничего, скоро приеду на собрание». Он говорит: «Ворота закрыли, ОМОН по кругу. На чем ты приедешь? На БТРе?»

Я рассказал об этом Липнику. Он спрашивает: «Зачем ты туда поедешь?» «Мне же надо было поставить свои подписи на бумагах, где я разрешаю другим продажу акций, то есть не претендую на них». Но он меня отговорил. Я остался у Липника в кабинете. Тут звонит Макаров: «Ты почему не едешь? Здесь нужна твоя подпись...» Я ему: «Приезжай ты сюда со всеми документами». Пока он ехал, у меня созрел такой план. Говорю Липнику: «Пусть вместо меня бумаги подпишет твоя секретарша, только сначала чуть-чуть потренируется...» Макаров приезжает, беру у него документы, иду в другой кабинет, она быстро все бумаги подписывает, выношу их Макарову, тот, довольный, уезжает».

Дмитрий Макаров, журналист: «Ящик Пандоры» был открыт, и я, сам того не желая, вновь выступил посредником. На сей раз между Перушкиным и редакцией. Финальной его точкой было собрание акционеров, на которое Виктор отказался прийти, и Владислав

Андреевич стал меня просить съездить к Перушкину и уговорить его подписать документы. Половина Мясницкой была оцеплена ОМОНом, и до машины меня зачем-то сопровождали вооруженные охранники, так как все боялись провокаций. Мои переговоры прошли успешно, документы он подписал. Вся «операция» заняла что-то около двух часов, и собрание акционеров терпеливо ожидало моего возвращения...

Двадцать человек сложились, но их акций хватило только на контрольный пакет. Сколько нам предложили, за столько и продали. Продали и ушли из газеты. Потом выяснилось, что было очень дешево. Но такую политику определил сам Старков. Он уговорил аудиторскую компанию сознательно занизить цену нашего ЗАО, ему очень не хотелось, чтобы кто-то «заработал» на «АиФе». А то, что при заниженной цене на «АиФе» заработают чужие дяди, палец об палец не ударившие для его становления, его не трогало.

Однако часть крупных акционеров, в том числе и сам Старков, приняли решение вместе держаться до конца, так как у них был серьезный пакет. И уж если продавать, то разом и за очень большую цену. Включая ту «маржу», которую недополучили мы. Между тем ЗАО «АиФ» с каждым днем все больше дорожало. Авторитет газеты был по-прежнему на недосягаемой высоте».

Виктор Перушкин, журналист: «Липник спрашивает: «Зачем ты это сделал?» Я ему говорю: «Теперь мой пакет не 0,3 процента, а уже — блокирующий!» Он удивленно посмотрел на меня. Поясняю ему: «Я подаю заявление о том, что мне не были предоставлены все документы, а подпись моя недействительна, это покажет любая экспертиза. Тогда я имею право выкупить весь пакет акций. Конечно, мне бы пришлось брать кредит в банке, но под залог я имел право оставить этот пакет».

Тут же я написал заявление в Совет директоров, что я не воспользовался своим правом выкупить акции (здесь как раз и пригодилась моя одна «непродаваемая» акция), поэтому прошу вас при-

остановить продажу ценных бумаг. Зятьков говорит: «Как, ты же подписал свое согласие?!» Я ему: «Это не моя подпись. Макаров же не видел, как я подписывал? Нет? А я и не подписывал!» Зятьков: «Мы на тебя в суд подадим за подделку подписи!» Я ему: «Как это можно на меня подать в суд за подделку моей подписи? Получается, что это не я подделал, а вы подделали!» Я смотрю, глаза его все шире и шире. Он звонит Старкову: «А ты знаешь, что это не подпись Перушкина? Он ее подделал». Тот: «Как так свою подпись «подделал?!» Так его ж можно судить за это!» Зятьков Старкову: «Нет, ты вдумайся, как он может свою подпись подделать?! И как его за это судить?»

Потом мне позвонил представитель банка Дмитрий Иванов и сказал, что они могут купить мою одну акцию. Предложил свою цену. Она меня не устроила. Потом мы поторговались, и они мне уступили. Еще один момент «грел» мне душу: они все-таки с уважением относились к моему слову. Все боялись, что даже после того, как я получу свои деньги, еще каким-то путем буду прессовать редакцию. Они попросили меня подписать соглашение, что после получения денег у меня не будет никаких претензий к «АиФу». Я подписываю, отдаю бумагу, Зятьков звонит шефу, говорит: «Все, он подписал». И тогда Зятьков говорит мне: «Старков просит, чтобы ты дал слово, что все на этом заканчивается». Я говорю: «Ну, зачем слово, я же бумагу подписал?!» Зятьков: «Старков хочет, чтобы ты дал слово». «Ну, хорошо, даю слово». Дмитрий Иванов сидит, удивленно смотрит, какое слово им еще надо, он ничего не поймет в наших сложных взаимоотношениях.

...Когда я стал работать на Первом канале ТВ, они под видом интервью пригласили к себе Константина Эрнста и стали внушать ему, что, дескать, он еще не знает, какое чудовище взял к себе на работу, он вам еще такое устроит. Эрнст ответил, что не хочет затрагивать эту тему: «Вы разбрасываетесь своими кадрами весьма глупо, если у вас больше ничего нет, то я ухожу».

Старков был исключительно неординарным человеком. Он был как достойнейший учитель, так и достойный враг, которого я ни до

этого, ни после этого не встречал. Это была для меня такая школа на будущее, такой толстый школьный учебник!

Впоследствии при работе на ТВ мне было смешно сталкиваться с чьими-то «одноходовками», выношенными в общественном туалете, нелепыми идеями — их можно было прочитать на лбу. С потужным стремлением выдумать что-то необычное — это все было «детсадом» по сравнению с тем, что мог бы сделать Старков. Как он выстраивал общественное мнение задолго до события, как направлял эту ситуацию!

Как мог тебя гладить, говорить комплименты, мог даже наградить, но потом это выглядело не как награда, а как наказание. Когда мне было поручено редактировать приложение «Жизнь и кошелек», переросшее затем в «Разбор», это тоже выглядело как награда. А Старковым оно уже заведомо было обречено на провал. И со временем, когда дело неожиданно стало выруливать, Старков тут же направил все силы, чтобы его раздавить, дискредитировать».

Наталья Желнорова, журналист: «В этот период времени мне было очень жаль Старкова. Что он делает? С кем воюет? Со своими верными детьми! За что? Они — дети — держатся за свою работу, понимая, что только она прокормит их семьи, а он за что? За деньги? Но шеф и так знает, что может пользоваться ими сколько угодно, никто против слова не скажет! Но зачем же тогда варить суп из курицы, которая несет злотые яйца? Ради того, чтобы только ущемить своих детей, указать им место «под лавкой», сделать больно, выгнать на улицу, спалив общий дом?

Незадолго перед этим у нас с шефом был разговор тет-а-тет. И он убеждал меня, как и всех других, что все акционеры — пустое место. «Ладно, представим, что вы — памятник. Большой и красивый. Согласны?» — спросила я. Он удивленно смотрит на меня. Продолжаю: «Но памятнику же нужен постамент. Крепкий и надежный. Постамент — это наши ребята. Редсовет, ваши замы. Если они, простите, пустое место, то выходит, что памятник стоит на пустом месте, и че-

рез короткое время, скажите, где ваш красивый памятник? Его уже нет». «Да брось ты свои образные штучки, я тебе точно скажу, что вот этот (называет фамилию) уже давно...» И понеслось.

Глядя на шефа, я думала, что если с него «счистить коросту» всей этой ЗАСЛУЖЕННОЙ благополучной жизни — убрать официантов, помощников, водителей, охранников и лизоблюдов, если поубавить количество денег и наслаждений, то мы получим своего прежнего золотого внутри (а не снаружи) Старкова, классного мужика! А сейчас у него — одни пряники и никакого кнута. Сейчас он капризничает, как ребенок, которому все дозволено. Нельзя человеку без судьи. У верующих есть спасение — Бог любящий и карающий. Но Старков не верит во Всевышнего...»

Юлия Кузнецова, жена: «Ситуация с акциями его, по-моему, сильно напрягала. Он хотел продать их какой-то госструктуре. Шли переговоры с РЖД, там даже давали больше денег, чем банк. Однако они хотели получить пакет акций из 51процента. Тогда муж стал уговаривать оставшихся акционеров — Виктора Романенко, Николая Зятькова, Людмилу Новикову, Андрея Угланова — сложиться и уступить свой пакет РЖД. Условия были привлекательными, так как все оставались на своих местах: не станут же в РЖД убивать курицу, несущую золотые яйца!

Но ребята Старкову ответили в таком духе: «Вы уже старый, не хотите или не можете работать, а мы не собираемся уходить из «АиФа». Возможно, они просто не поверили мужу, что всем можно будет остаться на своем рабочем месте. Возможно, не захотели рисковать работой, плюс к этому, наверное, мечтали отправить его из редакции. Тогда Старков в гордом одиночестве и продал свой пакет банку. Он, конечно, советовался со мной. Я ему отвечала: «Делай так, как тебе самому будет лучше». Я видела, что ему не только тяжело постоянно читать, править это бесконечное количество полос, но ему это уже становилось и неинтересно. Хороших статей появлялось все меньше, а напрягать свои мозги, силы уже не хотелось. Он не раз го-

ворил о том, что журналистский коллектив, как и театральный, по-настоящему творческой кипучей жизнью живет всего 20 лет. Это время уже истекало.

Он сам выбрал этот путь, когда продал свои акции, а, может, ему немного и помогли. Он учитывал свои силы: стал хуже себя чувствовать, понял, что дальше не сможет так выкладываться, как раньше. Может, он на самом деле был слишком резок со своими коллегами, друзьями, окружением... Все, что он говорил, все должны были воспринимать беспрекословно, как самое правильное решение. Он, конечно, имел диктаторские замашки. Но времена меняются, не все хотят, чтобы ими командовали».

ПРИГОВОР СЕБЕ

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма
И меня на этот раз уволь.
Борис Пастернак

Справка: Как только «АиФ» переехал в новое здание, так тут же пришла информация, что Старков продал свой пакет акций и он уже не владелец «АиФа». Для рядовых сотрудников этот факт являлся чистой информацией, а для оставшихся акционеров — большой неожиданностью. У газеты сменился главный редактор — Владислава Старкова сменил Николай Зятьков. За Старковым остался пост шеф-редактора.

Акционеры устроили собрание «трудового коллектива», на котором громко кричали об этом «предательстве» и требовали: в редакцию Старкова больше не пускать! Шефа гневно клеймили позором, почти как в советские времена. Сам Владислав Андреевич на собрании не присутствовал и ответить на обвинения не мог.

Андрей Угланов, журналист: «Едва ли стоит расписывать историю, как акционирование «АиФ» стало тем вирусом, который впоследствии и разрушил этот Колосс. Но как бы то ни было, однажды вечером Сам позвал меня в свой кабинет, усадил на стул и сказал о том, что продает свои акции, слагает с себя полномочия главного редактора, чтобы остаться в неведомых никому правах «президента».

Я всегда довольно долго соображаю в первый момент. Так было и сейчас. Но продолжалось мое замешательство совсем недолго. Я сказал ему: «Делайте, что хотите, и что хотите — продавайте. Но не уходите из Главных». И объяснил, почему. На мой неискушенный взгляд, наши великие «аифовские» журналисты устроены так, что через день после объявления Главным другого человека, все они дружной толпой пойдут к нему на поклон. «А вы (каким бы великим ни были), станете для них досадным препятствием».

Старков тут же назвал меня то ли дураком, то ли идиотом. «Неужели ты питаешь иллюзии относительно того, кто такой я и кто такой Зятьков?» Он совершенно справедливо полагал, что его авторитет в редакции останется непоколебимым навсегда. Он даже разозлился на меня, как будто я пытался умалить какие-то его достоинства.

Но я упрямо стоял на своем: «Останьтесь главным редактором, делайте, что хотите, даже в редакцию можете не приезжать. Но только не сдавайте дела». Впрочем, Сам уже все решил, но, видимо, решил проверить, насколько я искренен. В его кабинете появились другие люди, и в том числе Зятьков. Зная, что они обо всем уже договорились, и Зятьков ходит окрыленным до всех темных глубин его души, я повторил при всех: «Не уходите!» Было ясно, что «дядя Коля» готов был в этот момент меня разорвать — я это чувствовал, но продолжал долдонить «не уходите!»

Но он ушел. Прошло формальное собрание коллектива по выборам нового главреда. Сам предложил Зятькова, и за него проголосовали все.

Кончилось, увы, так, как я и предполагал. Бывший Хозяин сидел в одиночестве в своем кабинете, злился, что с ним почти не советуются. А народишко стал бегать на четвертый этаж, где сидел Н. И. Зятьков.

Скоро началась и вовсе постыдная вакханалия. На планерках, которые Сам продолжал посещать, ему подло хамили бывшие ученики. Присутствовать при этом было невыносимо стыдно. Но он этого не просчитал и был вынужден поставить на всем крест.

Через какое-то время он сделал попытку вернуться. Зятьков к тому времени стал любимцем новых хозяев «АиФ», они ни за что не променяли бы этого господина «чего изволите» на матерого царедворца и профессионала экстра-класса. Коллектив написал письмо новым хозяевам с просьбой оставить все, как есть.

Участвовал в этом и я. Войти еще раз в ту же воду было уже нельзя. Думаю, едва ли можно назвать ту мою подпись под письмом подлостью. Просто все случилось так, как и должно было случиться, когда он ушел вопреки желанию тех, кто его любил. И к кому он так и не прислушался».

Дмитрий Макаров, журналист: «Большой человек — потому и большие ошибки. Старков думал, что оставит себя в кресле президента и будет посредником между редакцией и банком. Будет главным советником. И Зятьков, и Угланов накидывались на собрании на Старкова, упрекали его, что он втайне от них продал свой пакет (самый большой) акций, что предал их, остальных акционеров.

Наталья Бояркина, журналист: «Мне тоже приносили какое-то письмо из администрации редакции, в котором журналисты якобы высказывались против возвращения Старкова, но я даже читать его не стала и, естественно, не подписывала.

Помню, как сам Владислав Андреевич рассказывал о своем будущем: «Я не буду главным редактором — главным будет другой человек, тот, кого изберет коллектив. А я хочу оставаться с вами вот каким образом: не буду иметь ни исполнительную, ни карающую,

никакую власть, буду, если вы мне позволите, мозговым центром, буду продуцировать идеи, темы, направления».

После своего ухода с поста главного редактора Старков как-то пришел в редакцию, и мы встретились в холле — он входил, а я выходила. Мне хотелось броситься ему на шею, у меня был какой-то восторг. Он улыбался и спешил к лифту, но я успела сказать ему, как хорошо он выглядит. Вот и все. Никогда не знаешь, какая встреча будет последней».

Людмила Новикова, журналист: «Мне кажется, когда он уходил, то думал, что, так или иначе, останется. Но коллектив был с этим не согласен. И он не простил нам этого.

Сейчас я считаю, что — нет, это не правильно, что он не простил нам то, что мы не простили его. А тогда даже не сомневалась, что мы поступаем правильно. Самое печальное — мы даже не знали, что он серьезно болен, были уверены, что это просто его постоянные капризы.

Если бы знали, точно все было бы по-другому. Нам никому не нужно было уходить. А напротив, нужно было держаться вместе, тогда бы мы спасли газету. А мы разъединились. Тяжело было тогда».

«ВСТАНЬТЕ, КТО ВСе ИМЕЛ!» (Черномырдин В.С.)

...А что поделать? Не пройдешь сначала
Тот путь, что ты уже прошел.
Не от тебя зависело начало,
Не ты решал, к чему в конце пришел.

В.С.

Справка: Последняя из крупных газет, созданных еще в советское время, утратила независимость. «Промсвязьбанк» приобрел контрольный пакет акций ЗАО «Аргументы и факты».

«Только когда меня не станет, вы поймете мне истинную цену», — сказал когда-то давно папа Пий Четвертый. Эти же слова за ним мог бы повторить и Старков.

Его не сумели снять с должности в период социализма сильные люди из самого высочайшего органа страны, потому что его защищал идейно сплоченный коллектив. Но прошло всего одно десятилетие, и его своею сутью — материальным интересом — отодвинул строй, которому он поклонялся и пел осанну — капитализм. Именно в «разгар рынка» от своего учителя и папы отказались ученики-коллеги, которые были рядом, «кушали из одной тарелки», но с трудом выносили противоречивый характер Старкова.

Николай Зятьков, главный редактор: «Я думаю, что ему просто все надоело, сколько лет — одно и то же. Все это по 10-му кругу, все одни и те же темы, все те же лица. Немножко что-то меняется, но, по большому счету, ничего. И проблемы те же самые: опять воровство, безответственность власти, нечестность.

К этому времени он очень многого достиг. Повстречался со всеми великими, сильными мира сего не только СССР, России, но и зарубежья. Бывал и в Кремле, и за Кремлем, и под Кремлем. Увидел их жизнь. Понял, что такой она будет всегда. Их жизнь — тоже рутина. А он постоянно искал новые ощущения в своей жизни. Он прошел многомиллионные тиражи, прошел смену нескольких властей. Он был принят, обласкан и награжден всеми властями. Сама работа у нас творческая, но все-таки — производство, тоже рутина, а постоянно зажигать всех, вести за собой, очень нелегко. Все время что-то новое трудно придумывать. Он убедительно сказал, чтобы всем было понятно: «Мне это надоело».

Наталья Бояркина, журналистка: «Лично у меня ничего к главному после продажи им акций не изменилось. Может, у акционеров были к нему претензии, и их взаимоотношения испортились, так как они были очень обижены. На самом деле, до этого на одном из собра-

ний коллектива Старков говорил, не верьте, мол, слухам, что мы будем продавать на сторону акции, это клевета. Поэтому мы были в большом недоумении, когда вскоре узнали, что он сам же их продал. Но поскольку простых журналистов эти финансовые проблемы не касались, то никакого негатива к нему, как личности, у пишущей братии не было».

Людмила Новикова, журналист: «У Старкова всегда была идея, что без интриг нигде нельзя работать. Любил стравливать людей, чтобы, может быть, не объединялись против него. Последний год вообще был тяжелым. Мы тогда выбирали главного редактора. И он отказался участвовать в голосовании. Снял свою кандидатуру. А может, он просто устал. Ему уже 60 стукнуло. У него была очень большая эмоциональная нагрузка. Он сам откровенно говорил, что он устал, что ему надоело эти полосы читать.

«Просветить» эту драматическую ситуацию с продажей аифовских акций нам помог представитель покупателя — на то время заместитель Председателя правления «Промсвязьбанка» **Дмитрий Иванов**:

— Дмитрий Николаевич, после приобретения банком акций «АиФа» вы стали одним из руководителей газеты. Скажите, какое впечатление на вас произвел Владислав Старков?

— Наше знакомство с Владиславом Андреевичем произошло за год до того, как банком были приобретены акции издательства «АиФ». Конечно, мы были заинтересованы в клиентском обслуживании «АиФ» в «Промсвязьбанке». Работая в то время, я отвечал за развитие клиентской базы, его отделений и филиалов. Для того чтобы принять окончательное решение быть с нами или нет, Старков попросил меня сделать ему такое коммерческое предложение, от которого он не смог бы отказаться. Задача была экстра сложной. Тогда мы наметили создать для газеты специальное отделение в Центральном Выставочном Зале «Манеж» рядом с Кремлем и Александровским Садом. Старков, видимо, не поверил в такую возможность, но согласился подож-

дать. Через четыре месяца мы открыли отделение и назвали его «АиФ». С этого момента сотрудничество с газетой стало бурно развиваться.

Лично на меня Владислав Андреевич произвел впечатление мудрого, тонко чувствующего и совершенно непредсказуемого человека. В дальнейшем я увидел и узнал и другие его черты.

— Внутри коллектива дело дошло до точки кипения. Не исключено, что это была наша многолетняя усталость друг от друга. По вашему наблюдению, возможно ли было в тех условиях разрешить конфликт «мирным путем», не лишая газету независимости? Или уже нет?

— Вы совершенно правы, ситуация тогда носила очень «горячий» характер, и внутренний диалог постепенно сошел на нет. По моему наблюдению, возможности разрешения конфликта «мирным» путем редакцией не были исчерпаны. Возможно, нужно было взять таймаут, чтобы улеглись страсти и только потом решить вопросы полюбовно, памятуя о совместной и успешной работе, о пройденных сложностях и достигнутых результатах.

— Что в тот момент больше всего привлекало руководство вашего банка в «АиФе» — политическое влияние, улучшение имиджа или элементарная коммерческая выгода?

— В тот момент руководство банка в «АиФ» привлекали все три составляющие в разной степени их актуальности. «Промсвязьбанк» в то время был небольшим по размеру активов банком, а «АиФ» являлся уникальным бизнесом — финансово устойчивый с переизбыточной ликвидностью, с устойчивыми и растущими денежными потоками. Он вошел в пятерку крупных клиентов банков и находился в ТОПе-5 в течение нескольких лет. При этом банк получил серьезные денежные пассивы в виде депозитов издательского дома. Колоссальную роль в развитии бизнеса по привлечению клиентов сыграл имидж «АиФ», что бесспорно помогало банку быстро развиваться. А вопрос политического влияния возник несколько позже.

— Какими мотивами, на ваш взгляд, руководствовался Старков, продавая свои акции? Было ли у него «командирское» жела-

ние как-то «проучить» своих коллег-учеников или им руководило стремление обезопасить себя от их возможных негативных воздействий? Не сожалел ли он о том, что бросал свое детище на алтарь «золотого тельца»?

— На мой взгляд, Владислав Андреевич продавая свои акции, не руководствовал желанием кого-то проучить или обезопасить себя от возможности негативного воздействия. После разрешения акционерного конфликта и вхождения «Промсвязьбанка» в состав акционеров газеты, он осознал, что «АиФ», который создавал он и его коллеги, прежним не будет, будет уже другим. А желания и сил этим заниматься у него уже не было. «Акционерный конфликт» эмоционально и психологически дался ему очень тяжело. Мне кажется, он его надломил, а это послужило причиной отдалиться от дел и в итоге продать свои акции. Просто по-человечески он устал.

— Пресса, как «четвертая власть» — это политический, духовный и нравственный рычаги воздействия на общество. Слияние с банковской или другой финансовой структурой превращает ее в сугубо коммерческую систему, которая, убирая рычаги, делает прессу «пустышкой». Как избежать этого?

— Избежать этого можно экономической независимостью прессы и адекватностью акционеров.

Юлия Кузнецова, жена «В конце жизни его постигли многие разочарования, большие обиды, особенно, когда молодые девочки — его любимые ученицы — первые в него бросили камень. Он обижался на Романенко, который ходил с письмами, где надо было подписать, какой Старков плохой. На Солдатенкова, на Юлю Шигареву; на Андрея Угланова меньше, а на Зятькова вовсе не обижался. Он говорил, что Зятьков его ничем не удивил. На Желнорову никогда не обижался. Муж не раз высказывался в таком роде: «Наташа мне всегда все говорила прямо в глаза».

Сожалел ли он о том, что продал акции? Нет, наоборот, говорил, что все сделал правильно и вовремя. Да он никогда бы и не признался,

если бы даже думал иначе. Потом все, что он сделал, он передал в руки своих коллег. Кроме того, ему уже было тяжело работать в полную силу, тем более, что он привык все всегда держать под своим контролем и в своих руках. И тогда он стал думать, что же делать дальше. «Вот видишь, Наташа продала свои акции и теперь может отдыхать от «АиФа».

Владику явно не хватало свежего воздуха — в прямом и переносном смысле. «Как вы будете без меня?» — этот вопрос мы слышали от него чаще всего. Казалось бы, зачем его задавать? Он был еще относительно молод, особенно учитывая его хорошую генетику, он еще собирался много чего на свете сделать.

И все-таки, я считаю, когда он вдруг остался без работы, мир его обрушился. Он все время что-то создавал и привык быть всегда нужным, востребованным, занятым. В то же время именно он уговаривал всех и себя, что надо продать акции: «Сейчас самое время». Он понимал, что придется уйти с работы, что он там всем надоел. Например, Зятьков считал, что он все время в тени из-за присутствия Старкова. Муж понимал — идет бурное развитие капитализма, и ему по своим взглядам и по здоровью пора уходить. Понятно, у него уже были и слава, и богатство, но он устал от работы».

Глава десятая

КАРМИЧЕСКИЙ КРУГ

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.
Борис Пастернак

Справка: Старкову после ухода из «АиФа» было тяжело. Он привык к яркой, наполненной событиями жизни, к окружению множества известных людей, а тут он вдруг оказался обеспеченным человеком, но не у дел...

Старков считал, что денег много не бывает, а с ними можно купить и здоровье, и любовь, и счастье. Сразу было понятно, что раньше он жил бедно, поскольку быстро уверовал в еще неисследованную силу денежных знаков. И вот теперь пришла пора убедиться, так ли это.

Наталья Желнорова, журналист: «Уходя из «АиФа», при расставании, я сказала Зятькову, что Старков тоже уйдет скоро, буквально следом за мной, так как ему здесь будет очень скучно. Ведь редакции оставались очень послушные люди. Зятьков, помню, удивился и не поверил моему прогнозу.

Теперь, когда и Старков так больно и страшно покинул родные пенаты, я чувствовала, что жизнь нашего папы снижает свои бешеные обороты. Время от времени я звонила ему домой. И вот однажды он предложил: давай встретимся, поговорим.

Мы встретились на Старом Арбате, недалеко от дома, где он жил. Разговаривали долго, обо всем, перескакивая с темы на тему, и тут он спросил о том, что его, как я поняла, больше всего «занозило»: осуждаю ли я его за то, что он так поступил?

Чувствуя его сильные страдания, я ответила, что в целом, даже понимая своих коллег, не осуждаю: «Во-первых, вы старше любого из них минимум на 15-20 лет. И по сути дела были для всех нас учителем, братом, папой. Как можно на отца обижаться? Во-вторых, у вас по возрасту уже нет возможности заработать новые деньги. В-третьих, вы создали эту газету, и на самом деле, она — главное детище именно вашей жизни. Так что имели право. А в-четвертых, разве справедливо было бы, если бы кто-то из других акционеров первым — тайно — продал акции и оставил лично вас «на бобах»?»

Со своей стороны, мне тоже было интересно узнать, созрел ли он морально (хотя бы теперь, спустя пару лет, и уже чисто гипотетически), до реализации той моей идеи, о которой я говорила на Сретенье — дать всем в руки какое-то дело и пусть им занимаются... «Нет, нет и нет! Ни за что! Самостоятельность без моего контроля– нет, это невозможно!»

Что ж, тогда мне все стало ясно: наш путь был неотвратим. А я-то все корила себя, что недостаточно воздействовала на него, расписывая все прелести «раздачи наследства выросшим сыновьям».

...Провожая меня к машине, он несколько раз сказал, что он очень и очень рад нашей сегодняшней встрече».

Елена Старкова, дочь: «В последние два года жизни он как будто чувствовал, что скоро его не станет. Поэтому у него было стремление все обустроить: построить в Переделкино дом, купить мне квартиру поблизости от них, обустроить эту квартиру. Шла такая внутренняя мобилизационная подготовка. А когда он все это сделал, то резко сдался, уже не боролся за свое здоровье, за свою жизнь. Мне кажется, что ему стало неинтересно жить. По-моему, в человеке не могут сосуществовать без реального выхода две такие разные и такие сильные личности. Уверена, это была основная из причин, почему он

сдался перед смертью. Эти внутренние личности (одна жесткая, прагматичная, вторая — нежная и чувствительная) его и погубили.

В последний год у меня с ним происходили интересные вещи. Это были не беседы, а пребывание с ним в одном пространстве. Я помню, приехала после отпуска на дачу. Он любил арбузы, и я притащила один огромный. Мы сидели на открытой веранде, ели этот сладкий арбуз и молчаливо смотрели друг на друга. До моего отъезда в отпуск у меня здесь была вечеринка. И от нее еще остались приятные внутренние ощущения. Мы вместе с отцом смотрели на закат солнца. Я думала потом, какая у нас с ним произошла странная встреча! На духовном плане он всегда был закрыт от меня. Он был в этом плане очень стеснительным, а тут вдруг мы МОЛЧАЛИВО открывались друг другу».

Юлия Кузнецова, жена: «Когда муж уходил из «АиФа», то надеялся остаться президентом. Конечно, он не ожидал, что с ним так поступят его ученики-коллеги. Для него это был сильный моральный удар. Особенно, эта история с письмом, когда один из его замов ходил по редакции и требовал от журналистов, чтобы они подписали письмо, в котором отказывались работать со Старковым, если он вдруг вздумает вернуться...

А потом он сам переключился — стал строить загородный дом, был полностью поглощен и стройкой, и дизайном (даже дочь Лену уговорил пойти в школу дизайнеров). Мне казалось, что он просто перевернул страницу в своей биографии.

В конце жизни он уже больше прислушивался к нам, и, может быть, даже изменил какие-то черты своего характера. Дома стал более мягким, более терпимым. Чувства наши переросли во что-то даже большее, чем любовь. Он уже не мог без меня. Многие думают, что у меня была тяжелая жизнь с ним. Да нет. Во-первых, он меня не обижал, во-вторых, я сама не навязывала ему какие-то свои взгляды. Наша жизнь шла параллельно. Мой отец всегда учил меня уважать мнение любого человека, с которым ты общаешься, и пытаться понять его.

А вот со здоровьем у него была беда. У мужа была гипертония, инсульты, немела рука, анализы были плохие. Потом начал подкашливать. О своей болезни он ничего не знал, но чувствовал себя плохо, не хватало сил, наступала большая утомляемость. Ему надо было лечь в хорошую клинику, чтобы его обследовали, но он не любил больницы, нигде не обследовался, говорил: «Я лучше пойду в поликлинику и сдам анализы».

Елена Старкова, дочь: «Особенно заметно отец сдал в последние две недели. Он уже не очень четко формулировал фразы и мысли. Я помню такой момент, когда мы пришли к нему в больницу. Я, Боря, и еще кто-то... Как всегда, я опоздала, захожу, они меня ждут, а отец уже совсем немощный, не может встать с кровати, лежит. И вдруг начинает на меня кричать из-за того, что я опоздала! Он три недели на меня не кричал! И все уже думали, раз он не кричит ни на кого — происходит что-то совсем нехорошее. Мы с Борей отворачиваемся и говорим: «Слава Богу, все нормально». Он вроде как перестал на какой-то момент контролировать, что вокруг него происходит, отпустил вожжи, а теперь опять взял все под свой контроль, в свои руки. Мы этому крику тогда очень обрадовались.

Помню, как мы приезжали в больницу, а папа в принципе с нами и не разговаривал. Мы стремились его подбодрить, а он не хотел слушать. Он сдался. Такому упрямому человеку, когда говорят — ну, съешь еще ложечку, он отвечает — не хочу, не буду.

За несколько дней до его смерти я с Ваней была у отца в больнице. Тогда я рисовала одну картину. Ему нравилось, что я рисую, но он еще, конечно, не знал, что потом буду этим серьезно заниматься. Возможно, он этого и хотел, но и боялся, ведь здесь такая тотальная свобода — ты ни к какому графику, ни к какой дисциплине не привязан, у тебя полная независимость. Он боялся, если я стану совсем независимой, меня потеряет все население планеты. И в то наше посещение он меня спрашивал, что я рисую, что происходит вокруг: как дома дела, как Ваня, как на работе.

Последняя встреча с отцом была примерно за 20 часов до его смерти. Она, естественно, была самой тяжелой — я по глазам его видела, он уже понимал, что уходит.

В последние дни с ним близко общался Боря Маненков, наш водитель (недавно он сам трагически потерял единственную дочь). Человек, который ни разу не предал ни отца, ни нас. Я помню, уже в больнице папа просил его о нас заботиться. Ходили к отцу в больницу и Володя Суичмезов, и Боря Павлов (он тоже недавно умер).

Юлия Кузнецова, жена: «Кончилось тем, что у него произошел и инфаркт, и инсульт в одно и то же время. То есть сгорел моментально. Думаю, что он не понял, что умирает, он сам не ожидал этого. Правда, он никого не хотел видеть, допускал только меня одну. Он умирал очень тяжело, потом потерял сознание и так, не приходя в сознание, ушел от нас. Ему было всего 64 года, он не собирался так рано умирать.

Многое он смог бы сделать еще, но не успел. Я надеюсь, что он так и не понял, что уходит. Его последними словами были: «Как там дочка?» Эти слова были произнесены за три дня до смерти. Я тоже не могла поверить, что муж уходит. Думала, вытащим. Но врачи ничего хорошего уже не обещали. Говорили, что надо готовиться к худшему. Только под конец он сам начал понимать, что уходит. Все время волновался, что будет со мной, с дочерью. В конце жизни он купил квартиры для меня, для дочери, построил дом, и все радовался, что вот теперь что-то и нам останется после него. Он боялся, что мы сами не справимся в жизни.

Его последние дни были ужасными, он находился в полусознательном состоянии. Был на снотворных, дышать не мог, у него был отек легкого, дышал через трубку. Меня к нему уже не пускали. Но я все же надеялась на какое-то чудо, думала, что все обойдется. Мы не религиозная семья, но в последний год он сам стал носить крестик. Я ему принесла, освятила и он его надел. Но не исповедовался, не причащался. Раньше я думала, что верующим легче переносить «разлуку» с жизнью, а сейчас считаю наоборот: если человек совершал какие-то проступки, грехи, то ему перед смертью становится совест-

но и от этого еще тяжелее. Я не исключаю, что когда он заболел, какое-то обращение к Богу у него было. Если бы сейчас была возможность сказать ему буквально одно слово, я бы ему сказала: «Прости».

Елена Старкова, дочь: «Мама брала на себя многие проблемы и выдерживала много ударов, она всегда очень дипломатична. Зачастую он не мог что-то прямо сказать какому-то человеку, тогда говорила она. В какой-то степени он убегал от ответственности, перекладывал ее на маму. Здесь они были очень гармоничны. Мама после смерти папы стала более чувствительной, могла даже расплакаться. Она так долго держалась, столько лет контролировала себя! Без него она успокоилась. В какой-то степени ей стало легче, в какой-то степени — сложней. Но она сама себе выбрала такого мужа. Я тоже сама выбираю себе по жизни мужчину. Чаще всего — тоже сложного. Но такого сложного и сильного, как папа, я не хотела бы. Все-таки я не дипломат, как мама, и люблю жить своими чувствами.

Был ли папа крещеным? Это тайна, которую мы не знаем. Родителей его уже не было, но, я думаю, что моя бабушка все-таки его покрестила «в домашних условиях». Когда отец умер, мы посоветовались со священником, оказывается, есть такая церковная служба, когда неизвестно, был ли крещен человек. И мы его отпевали.

«Мой дядя самых лучших правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог...» — много смысла имеет эта пушкинская строфа. Уважать себя и отец нас заставил... своим уходом. Но не только уважать. Я считаю это странным для себя, но его уход — самая большая моя победа. Если бы он еще жил, жил, жил, у меня не было бы жизни. У меня даже не было бы выбора в этой жизни.

Честно говоря, при нем я ни за что не смогла бы так вырасти, как сейчас, потому что я женщина, он бы меня просто задавил.

Я очень изменилась со времени его смерти. Тогда я не замечала того, что заметила сейчас. Он был человеком, который за меня решал все: мою личную жизнь, круг моих друзей, мою профессию и работу. Иногда я думаю, что его ранний уход связан с тем, чтобы дать мне свободу.

...Если бы случилось чудо, и у меня была возможность встретиться с папой всего на одну минуточку, я бы ему сказала: «Папа, Бог есть. И ты раскройся Ему». Все его любили, но все-таки он считал себя вроде как недолюбленным. Я поняла, что у всех, кто рвется к высотам, существуют проблемы с любовью. Думаю, что не было у него такой женщины, которая по-настоящему его любила. Я своих детей целую, говорю им, что люблю их. А мама этого, в силу своего воспитания, не делала. Она могла поцеловать меня в щечку, в лобик, в головку. Она дистанцировалась от нас, не показывала своих чувств. Мама в этом состоянии очень комфортно себя чувствует. Но теперь с ней что-то произошло, и мой сын Ваня с радостью ушел к ней жить. Младший сын Платон тоже может растопить ее сердце...».

ОН УШЕЛ ОТ НАС. НАВСЕГДА

Жизнь, как Вселенная, темна.
Мерцают звезды душ несчастных.
Вот там зажглась еще одна.
А там еще одна... погасла.

В.С.

Справка: 4 декабря 2004 года от тяжелой болезни на 65 году скончался Владислав Андреевич Старков.

Коммерсантъ: **«Последний аргумент»**

Умер основатель самой тиражной в мире газеты.

Когда в 1980 году Владислав Старков пришел в газету «Аргументы и факты», она была пропагандистским самоучителем для лекторов общества «Знание» — информационный бюллетень не попадал даже в розничную продажу и открытую подписку. Главным редактором издания Владислав Старков проработал 22 года.

Три года назад Владислав Старков расстался с акциями газеты, передав их Промсвязьбанку, и фактически покинул набравшее при нем популярность издание, сохранив, правда, за собой пост шеф-редактора издательского дома «Аргументы и факты». Говорят, что Владислав Старков очень тяжело переживал этот уход. (ЮЛИЯ Ъ-ТАРАТУТА 06.12.2004).

Новые известия: Он придумал «АиФ»

Старков был уникален. СМИ закрывались и вновь открывались, главные редакторы и целые команды журналистов сменялись, его величество «глянец», как асфальт, закатывал едва зазеленевшие лужайки действительно свободной прессы в России. Старков стоял на романтических позициях рубежа 80-90-х в буквальном смысле насмерть.

Вот еще факт для Книги рекордов Гиннесса: неизвестно, как в мире, но у нас точно нет второго такого Старкова, основавшего и четверть века (!) возглавлявшего популярнейшее издание. Из «АиФ» — как русская литература XIX века из гоголевской «Шинели» — вышли все нынешние «толстушки» и «уикенды», по своим тиражам уже сопоставимые с детищем Старкова. Но по качеству, корректности освещения даже самых «жареных» тем и по доброй репутации — это надо еще крепко подумать. (Михаил Поздняев 06.12.2004)

Николай Зятьков, главный редактор: «Из рассказов тех, кто ближе общался с ним, не звучало, что он сильно страдал. Меня удивляло, что он неожиданно меньше, чем ожидалось, воспользовался своими деньгами после продажи акций. Когда он работал, то ездил на все оперные премьеры, например, на Зальцбургский фестиваль, в Вену, Берлин, Нью-Йорк. Я думал, что он будет еще больше свое время, силы и деньги тратить на удовольствия. Но у него тогда было большое увлечение — он хотел достроить свой загородный дом. Может быть, сама жизнь в данном случае, как некая закономерность, подвела к этому. Ничего не бывает случайно. А если бы не было ухода, может быть, было еще хуже.

Если рассуждать с точки зрения православия, то, конечно, все предопределено. И сказать, что отход от дел, изолированность к этому подтолкнули... не могу утверждать, так как не знаю деталей, мы не тесно общались в эти последние годы, лишь поздравляли друг друга с днями рождения, изредка созванивались по каким-то делам.

Николай Солдатенков, журналист: «Какие ошибки он совершил? Слишком многих сделал акционерами. Притянул в редакцию своих друзей — это отрицательно повлияло на обстановку в коллективе. И он сам же за это поплатился. Допустил к акциям акул-банкиров. Они

его и съели. Надо было выкупить у скандального Перушкина акции по любой цене, но удержать газету, не допустить чужих. Тогда она была бы гораздо интереснее, чем ныне.

Какие мои ошибки — был ленив, мало знал свои права, не стал делать свой бизнес, пока был под крышей «АиФа». Крыша ушла, и мы стали никому не нужны. Ни Старков — ему перестали звонить, кланяться, говорить комплименты — ни я, ни другие... Наш опыт остался невостребованным. Многие люди поклонялись креслу и газете, а не делу... Очень многое он мне дал, раскрыв мои возможности, но то, что впоследствии произошло, очень закономерно, хотя и больно».

Сергей Касатский, сват: «Я вспоминаю встречу Нового, 2001 года. Леночка тогда была беременна. Мы все собрались, заранее приготовили всякие конкурсы, каждому расписали подарки и повесили их на елку. Владислав Андреевич приехал из Великобритании и привез замечательные фонарики. Встретив Новый год, мы вышли на улицу и пошли гулять с фонариками по Арбату. Затем мы пришли домой, пили чай, смотрели телевизор. Нам всем было радостно. В марте этого года родился Ванечка. Кто же тогда знал, что так скоро Владислава Андреевича не станет...».

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ

Уже нет цели, да и нету смысла
К чему-то рваться, биться и дерзать.
Все чаще, чаще возникают мысли,
Что что-то я не смог кому-то доказать.
В.С.

Андрей Угланов, журналист: «После смерти Владислава Андреевича прошло несколько дней. Он все еще не был похоронен — возникли трудности с выбором места. И, как видно, в последний раз он решил нам напомнить о себе.

В тот день мы как всегда пришли на первый этаж редакции в столовую, на обед. Все, кто хоть в какой-то степени считали себя начальниками, а вернее — «старослужащими», сели как обычно за длинный стол по левую сторону от входной двери. Сидели молча, лишь иногда о чем-то переговариваясь. В головах у всех продолжала сидеть одна мысль: не может быть, что этого человека — огромной глыбы, кому сам черт был не брат и кто всегда был везунчиком, уже нет. Это он всегда сидел здесь, за этим длинным столом на глазах у всей редакции, ничем не выделяя себя среди остальных...

В памяти о том дне — белая скатерть, пустые тарелки. Еды почему-то не было: то ли обед уже закончился, то ли мы собрались раньше времени. Передо мной сидела Роза Сергазиева и Саша Аврух. Рядом, кажется, слева — Вячеслав Костиков. Между ними, в перекрестии воображаемых диагоналей стояла широкая тарелка. Кто-то поставил на нее солонку и склянку-бутылочку с соевым соусом, у нее было широкое горлышко, и два пластмассовых носика на крышке.

Мы перебрасывались словами. Высказывали предположения, почему так долго не хоронят Самого. Загадкой оставалась и причина его смерти. По нашим понятиям, она была просто невероятной. Он и после отхода от дел оставался деятельным и большим человеком. Продолжал строиться, путешествовал. Да, иногда мы слышали, что он слегка хандрит, случаются депрессии. Но у кого это не бывает? И вот...

Уже не помню, о чем конкретно мы говорили — его осиротевшие ученики и улыбающийся новый редактор. Но душа Старкова, а вернее — его астральное тело — оказалось среди нас. Нет, никто не думал о чуде. О том, что из загадочного мира астрала к нам может прибыть гонец от него или он сам. Но бестелесный призрак обнаружил себя самым явным образом. Во время тяжелого молчания с короткими репликами о Нем стоявшая на тарелке бутылочка с соевым соусом вдруг шелохнулась и упала со звоном на бок. Темно-коричневый соус начал тягуче выливаться на сверкающую белую поверхность тарелки...

По законам физики этого произойти не могло. Банка с соусом имеет широкое дно и упасть на ровной поверхности не может. При-

зрак Самого привлек к себе внимание сразу четырех человек, между которыми и стояла тарелка.

Какое-то время, секунды, мы молчали. Никто поначалу и не подумал, что нам дан Знак, а может — последний привет. Понимание того, что это именно так, пришло позже. Когда иного объяснения «перевертышу» так и не было найдено.

Есть, правда, одно предположение. В этом здании когда-то была Главная военная прокуратура СССР. Тысячи и тысячи полок с расстрельными делами сталинской эпохи хранились здесь десятки лет. Перед нашим вселением в этот дом он стоял пустым и заброшенным. Стены его раскололись. Поэтому, если и есть в Москве дома, куда возвращаются души умерших, то это — он, на Мясницкой, 41. Так что бывшие военачальники вполне могли показать туда путь новичку. Он ведь тоже был из семьи военного».

Виталий Игнатенко, генеральный директор агентства ИТАР-ТАСС: «Владислав Старков был первопроходцем. Сейчас нет ни одного редактора, похожего на него. Все, кто сегодня работает в нашем цехе, только повторяют то, что сделал он. Настолько много нового он открыл в современной журналистике. И прежде всего — это абсолютное доверие к читателям, абсолютное доверие к своим собственным журналистам. Сочетание вот этих доверий и родили потрясающее внимание читателей к «Аргументам и Фактам». Никто другой не мог с ним соревноваться именно по этому «показателю».

Естественно, что и люди, которые так или иначе соприкасались с газетой, — кого интервьюировали, или которые сами давали материалы, — тоже старались держаться этого порога искренности и доверия к тем, кто утром будет читать «АиФ». Можно даже сказать, что он своим талантом высек эту высокую читательскую любовь. Вся его газета формировалась по принципу: знает ли он человека лично, съел ли он с ним пуд соли. Многим этот подход покажется не очень плодотворным, но на самом деле в то время, когда он начинал, такое дружеское плечо ему было совершенно необходимо.

Владислав только с виду был мягким, покладистым, на самом деле он мог противостоять любому давлению, а оно действительно было очень велико во время его руководства «Аргументами». Конечно, первые лица государства искали дружбы с ним, но когда какие-то материалы им не нравились, они старались выбить Старкова из седла. К счастью, никому сделать это так и не удалось.

События, произошедшие перед его смертью, я бы расценил как трагическое совпадение всех входящих кризисов — в стране, в газете, в душе. Тогда они сошлись в одной точке. Может, он сам не смог что-то неважное отбросить, не смог на что-то не обращать внимания. Он был максималистом, он хотел одновременно решить все эти кризисы: творческие, организационные, редакционные, общественные. Но, естественно, не мог. К сожалению, он уже не являлся «законодателем мод», а другим он не хотел быть! Никогда не хотел быть вторым. Для нашей профессии это правильно, это единственная позиция, которая достойна уважения. Из-за нежелания быть вторым, повторяться, такие люди быстро сгорают, быстро разочаровываются в своей профессии, даже уходят из нее.

Я считаю, что он был человеком очень страдающим. Ему было больно и удивительно, что коллектив, который он собрал и вырастил, поступил по отношению к нему так неделикатно. У этих молодых орлов крылья стали такими острыми, что они сильно ранили его, старого орла. И от этого у него было какое-то внутреннее разочарование. Может быть, это было разочарование человека, который полностью испил чашу уважения, невероятной преданности, даже подобострастия. И теперь эта чаша пуста. Ему казалось, что он достоин большего внимания, почитания. Он ушел, когда все проблемы коллектива остались в прошлом. Тогда решил, что свою миссию выполнил.

Все наше общение со Старковым складывалось из череды поступков с его стороны. Он и жизнь расценивал, как сплошные поступки. Мы всегда с ним общались на позитивной ноте, мы друг друга всю жизнь поддерживали. Он из числа тех людей, которые не любили жаловаться. Мне было тяжело — он был радом со мной, ему тяжело — я тоже старал-

ся быть радом с ним. В то же время, когда мы встречались, то не говорили о том, что его расстраивало, или что меня вгоняло в уныние. Мы старались быть позитивными. Владислав был прекрасным другом, бережно относился к людям, знакомым, к тем, с кем когда-то учился.

Каждый из нас от общения с другим чему-то учится. Он меня научил одному: человек, уверенный в себе, уверенный в том, что он свое дело делает правильно, в конечном итоге, оказывается победителем. Даже, когда все вокруг считают, что это неправильно, неверно. Если сам человек убежден в чем-то, он окажется победителем. Владик был такой! Если была бы возможность сказать ему всего одно слово, я бы сказал: «Держись!»

Алла Пугачева, певица: «Долгая и счастливая дружба связывала нас с Владиславом Старковым. Мы часто встречались, я с большим удовольствием приезжала к нему и на работу в «АиФ», в это прекрасное здание на Мясницкой, и на его уютную дачу в Переделкино. Я могла рассказать ему любую историю из своей жизни, и он всегда старался подбодрить меня, особенно в нелегкие времена, которые случаются в жизни каждого человека, надавать мне кучу полезных советов. Не обязательно, что я все их тут же «исполняла», иногда мне требовалось время, чтобы дозреть до них и только спустя время я могла по достоинству оценить его житейскую мудрость.

Когда меня обижали другие газеты, а это бывало нередко, я знала, что Старков и его журналисты защитят меня, не дадут распространяться обо мне никакой неправде.

Вспоминаю, как перед первыми «Рождественскими встречами» Владислав уговаривал меня выйти на сцену в строгом, длинном, черном платье. Он часто бывал за рубежом, посещал лучшие оперные залы мира, и ему хотелось, чтобы я выглядела на сцене именно как настоящая оперная певица. Но я же пою на эстраде! А здесь другое отношение к внешнему виду. Здесь, извините, надо быть «ближе к людям, чтобы они тоже к вам потянулись». Но однажды я, чтобы угодить Старкову, появилась на сцене в том виде, как он хотел. Владис-

лав с женой сидели в первом ряду концертного зала. Когда он увидел меня «в длинном, черном, строгом платье», он просиял. Но тут я повернулась к нему спиной, и... зал ахнул: сзади на платье был разрез почти до талии, и вся эта «красотища» в стразах!

Наверное, у меня было предчувствие, что моему верному другу очень плохо. Но я и допустить не могла, что его скоро не станет. Помню, когда Владислава с сердечным приступом забрали в больницу в Романовом переулке, я решила навестить его. Боже, как мы крутились по этому узкому переулку, потому что моя длиннющая машина не могла развернуться и намертво там застряла. Но Владислав был растроган, когда я вошла к нему в палату. Он моего появления не ожидал. Расспрашивал меня о планах, о здоровье, о концертах, о дочери и внуках. Он, как всегда, больше обо мне заботился, чем о себе. Рассказал, что слушал мои новые диски с последними песнями. Конечно, по традиции надавал мне массу советов. Он это очень любил. А сам был уже слабый, бледный. Но я никак не думала, что это одна из наших последних встреч.

Спасибо ему за нашу дружбу, за наши теплые отношения. Сейчас его жена Юля и дочь Лена с сыновьями живут в том же доме, где и я обитаю. Иногда вижусь с ними, но Владислава, к моему большому огорчению, с нами уже нет. Порой мне его так не хватает! Но все равно мне очень повезло, что рядом был этот верный и надежный человек. Я бы ему сказала «Благодарю!».

ПРОЩАЛЬНОЕ «ПРОСТИ!»

Жизнь! – Миг... Закат... Трагические дни...
Ты был судья себе, друзьям и близким.
И вот свое последнее прости
Они несут к тебе с поклоном низким...

В.С.

Наталья Желнорова, журналист: «Мы тоже виделись с ним, а также с Юлией Федоровной и Леной в его загородном доме в сентяб-

ре, за три месяца до его смерти. Он был похудевшим, загорелым, но казался даже помолодевшим. Мы много обо всем разговаривали, но и в голову не могло придти, что это наша последняя встреча...

Потом Юлия Федоровна сказала, что он лег в клинику на обследование, мы ждали, когда его обследуют, подлечат. Впереди у него должна была быть интересная, насыщенная поездками, концертами, внуками жизнь. Но... неужели он пришел в этот мир, только чтобы проделать свою сумасшедшую, напряженную работу, а сразу после ее завершения ему было приказано уйти?

В ту осень перед своей смертью он почти каждую ночь мне снился. Суть снов была такой. Он приходит ко мне домой, одинокий и потерянный, а у меня все что-то было не в порядке. То идет большой ремонт в квартире, и просто негде его принять. То — грандиозная уборка, или какая-то иная запущенность и неприглядность, он снова уходит. То просит поесть, я открываю холодильник, а там пусто. Он, как птица, бился в окно, и никто не открывал ему даже форточку.

Наутро я просыпалась разбитой и несчастной, звонила его жене Юле, с которой мы всегда были в хороших отношениях, просила ее допустить меня (по праву коллеги) в палату к Старкову. Я знала, что он осознавал мою сильную энергетику и, возможно, надеялся, что с помощью нее смогу ему помочь. Юля отвечала, что его или вот-вот выпишут из больницы, или он никого не хочет видеть, или выглядит так неважно, что ему будет неприятно, если кто-то увидит его в таком состоянии...

Потом я поняла, что во снах моих он всегда застигал меня врасплох, совершенно не готовой к его неожиданному приходу. Этим сны намекали на что-то, что я поняла после его смерти. Я была совершенно не готовой к его неожиданному уходу! Смерть его тоже пришла к нам врасплох. Никто не ожидал ее такого раннего появления.

Честно говоря, больше всего мне хотелось привести к нему священника для причастия. Мне думалось, что он уже не будет против этого так, как, по словам жены, был раньше. Еще мне хотелось сказать ему о том, что «аифовцы» его по-прежнему любят, и пережива-

ют из-за его болезни; хотелось поставить в палате его любимую музыку и просто подержать его слабые руки в своих горячих руках.

Много раз он говорил такую фразу: «Были бы деньги, а здоровье — купим». Он слишком уповал на деньги. Однажды я предложила жене и дочери Старкова одно альтернативное лекарство, но они не рискнули его применить без согласия врачей (что вполне понятно). Потом, когда я в качестве одного из вариантов предложила им забрать отца на выходные домой (в больнице ему давали только антибиотики), чтобы сделать уколы с этим лекарством, Леночка воскликнула: «Домой? Как бы он обрадовался!»

С грустью подумала я о том, что человек может построить и нарядить в красивые интерьеры хоть целые кварталы домов, но в самую тяжелую минуту жизни его могут и не допустить туда. Там — место для здоровых, сильных, успешных. А больным и слабым отведено на земле другое место — чужое и равнодушное к их боли и страданиям.

Было страшно даже представить себе, что привыкший к обильному окружению из друзей, коллег, готовых немедленно выполнить любое его желание (и даже надоедающих ему своей любовью), сейчас, когда он слаб, болен, угнетен, когда ему нужна их помощь, он лишен ее. И в больном состоянии должен переживать такое ненавистное ему одиночество. И никто не крутится вокруг, не призывает все силы земные и небесные, чтобы спасти его, защитить ото всех бед. И лежит он беззащитный, как младенец, отягощенный не только тяжелой и мучительной болезнью, но и еще раскаленным обидой сознанием взрослого, много пережившего и передумавшего человека.

...Но все же я знаю места, где люди чаще всего умирают в своей постели, и три дня и две ночи до встречи с землей проводят там, где и жили — росли, женились, где каждый уголок напитан их жизненной аурой. Там усопшего ночами не оставляют одного, а оплакивают, и священник часами читает псалтырь, а когда устает, его продолжают читать близкие умершего, чтобы и лежа в гробу, он слышал, как его здесь любят, и как страдают от такой потери... Так делают в простых небогатых семьях, и что-то глубоко человеческое проявляется в таких похоронах.

Лет за пять до смерти Старкова наша семья потеряла одного своего члена (моего отчима), я ездила на похороны, а когда вернулась, шеф по своей неизменной привычке стал расспрашивать, что было и как. Я подробно описала ему эту скорбную процедуру. И как все съехались, и как отпевали, и как все сделали правильно, «по чину» — и музыка, и цветы на дороге, по которой движется процессия.

Старков почему-то дольше, чем следовало «по этикету», расспрашивал, потом задумчиво молчал, а потом совершенно неожиданно сказал: «Знаешь, а я ему завидую. Я бы тоже хотел так умереть». Кто-то вошел в кабинет, и мне не удалось выяснить, чему же здесь можно было позавидовать? С другой стороны, отчим умер в 85 лет, а наш главный не дотянул даже до своего 65-летия...

Об этом разговоре мне напомнила моя мама, когда мы с ней навещали могилу Старкова на Троекуровском кладбище. Она увидела памятник, поставленный его женой и дочерью: фигура Старкова как бы проходит через глыбу красноватого гранита, стремясь к укрепленному рядом шару — олицетворению одновременно и Земли, и яйца, как символа жизни. Тогда, после похорон моего отчима, я рассказала своей маме о такой удивительной «зависти» шефа, а вот сама забыла...

Вспомнила я и еще один наш долгий и очень теплый разговор. Он был последним в стенах «АиФа». Перед этим я вернулась из поездки, в которой навещала с подарками большой детский дом, а потом, увидев, что подарки остались, одарила ими еще и больных детей в больнице, а затем заехала и к старикам-ветеранам, которые собрались за столом с нехитрыми яствами в местном Доме культуры. Они немножко выпивали по поводу Рождества и пели задушевные песни...

Ветераны послали горячие приветы «АиФу», и Старкову, попросили меня выпить с ними и спеть. То ли я душевно все описывала, то ли у шефа в тот момент были свои особые внутренние ситуации, но он вдруг так мечтательно сказал: «Ох, как бы я сейчас все бросил и уехал туда!» Пораженная его словами, я подумала: «Насколько же мы не знаем своего главного редактора!» Если бы у меня была возможность сказать ему хотя бы одно слово, я бы сказала: «Помню».

Глава одиннадцатая

НЕ С НИМ ТРУДНО, А БЕЗ НЕГО…

Почто все мы пропитаны мерзостью,
А не донником и не трезвостью?
Пуповина с Землей перерезана
Будто вены на руках разрезаны…
В.С.

Наталья Бояркина, журналист: «У него голова была фантастическая, и был совершенно необычный, какой-то дьявольский ум. Он находил среди массы идей одну и иголочкой втыкал ее туда, куда надо было. Спасибо ему за все, спасибо за тот счастливый кусок моей жизни, который я прожила в «АиФе» при нем. Я стала серьезным журналистом, думаю, благодаря Старкову. Могу гордиться, что работала в лучшей газете страны в лучшие ее годы.

Мы все время куда-то выезжали, у нас часто были капустники. (Теперь все это кануло в Лету). Помнится, у нас была такая приятная традиция: сотрудникам в их дни рождения на планерке дарили цветы, говорили добрые и приятные слова, были аплодисменты. Что такое букет цветов для редакции? Скажем прямо, не так много, редакция не разорилась бы, а людям приятно. Сейчас даже этой маленькой традиции нет. А при Старкове, если сотрудник редакции женился (даже в третий раз!), он что-то получал в подарок. Я выходила замуж второй раз, мне подарили телевизор, который проработал 12 лет.

Не могу сказать, что я была приближенным к Владиславу Андреевичу человеком. Все-таки у нас была дистанция. Но я помню его заветы при моем выборе школы для ребенка. И сейчас, когда моя дочь

говорит: «Фу, я получила три балла, буду пересдавать», то я по принципу Старкова напутствую ее: «Плюнь и разотри! Кому твои оценки нужны? Главное, что ты здорова».

Виктория Шкаровская, журналист: «Коллектив Старкова боялся. Но — все-таки и любил. Как любят отца: со всеми его заскоками, плюсами и минусами, и чего больше, понимаешь только тогда, когда его не станет.... А еще, что не с ним трудно, а — без него».

Виктория Андреянова, художник-модельер: «Есть люди, которые сыграли в моей жизни особенную роль. Среди них — Владислав Андреевич Старков. Он мой Учитель в отношении к работе, к семье, к классике и авангарду, к театру и музею и бог знает еще к чему — наверно к жизни вообще... Мне не хватает его...»

Елена Коренева, друг и строитель: «Мне очень грустно, что мы не выполнили последнее желание Владика. Перед тем, как от нас ушел Владик, мы в том доме были с моим сыном и невесткой. И мой сын сказал Старкову, что это будет просто преступлением, если не сделать портфолио. Надо, чтобы кто-то это увидел. На что Старков сказал: «Да, Гена, это моя мечта и я ее обязательно осуществлю». Но, увы, к сожалению, он этого не осуществил. Поэтому я его жене Юле и сказала, давай, мол, сделаем портфолио в его честь, потому что он очень этого хотел, об этом мечтал. Он привез из Испании часы Сальвадора Дали, повесил их на первом этаже и сказал: «Это последняя точка, мы завершаем все, что мы с тобой сделали».

Анатолий Мамцис, друг: «Он и предчувствовал крах свободной прессы. Он всегда выше всего ставил работу в газете. Был строг, и многие его ненавидели. Я часто говорил ему правду прямо в лицо, его реакция была отрицательной, ему эта правда не нравилась, но он и это принимал. Когда однажды у нас с ним зашел разговор о том, что я могу уехать за рубеж, он не только не отговаривал меня, но и содей-

ствовал моему отъезду. Живу я сейчас в Америке, в Сан-Диего. Мы встречались с ним в Нью-Йорке. Я все ему здесь показывал, но Америка не вызывала у него позитивных эмоций.

Конечно, каждый из друзей воздействует друг на друга. Я, например, у Владика научился бескомпромиссности. Для меня это настоящий подвиг. Последняя наша встреча состоялась 23 сентября 2004 года, это был мой очередной приезд в Москву. Владик уже тогда неважно себя чувствовал, очень уставал. А буквально месяца через два пришло сообщение о его смерти... Как будто Вселенная рухнула».

Тамара Фатеева, секретарь: «О щедрости Владислава Андреевича можно говорить долго, настолько велик список его добрых дел. Он помогал людям получить жилье, давал распоряжения, чтобы во время инфляции индексировали зарплату сотрудникам, выдавал премии, в общем, оказывал всяческую материальную поддержку и заботился о благосостоянии всех своих работников.

Мы жили этой необыкновенной жизнью. Владислав Андреевич потирал руки, когда было все хорошо. А когда ему что-то не нравилось, все летело, журналисты выходили от него в слезах, заново переписывали материалы. И все равно самое лучшее время было именно в те годы».

Лиза Штайгер, подруга, журналист, переводчик: «Я хочу сказать, что нас объединяет не смерть Старкова, а его жизнь, потому что каждый из нас был в какой-то момент, а, может быть, даже годы, причастен именно к его жизни. Его жизнь была, как и он сам, незаурядной, неординарной. И я уверена, что каждый из нас, по крайней мере, о себе могу сказать на сто процентов, обогатился от общения с этим человеком. А также многое понял, многому научился и многое познал. Эти его нити жизни нас объединили».

Лариса Хлебникова, сотрудник: «Владислав Андреевич был человеком непростым, многие его побаивались, но другого такого редактора крупнейшей газеты страны уже не будет. После его ухода

я проработала еще пять лет и разделила участь многих «бывших» аифовцев — попала под сокращение. Но до последнего дня на наших «отдельских сборищах» все вспоминали «золотой век» Старкова».

Людмила Новикова, журналист: «Я вспоминаю, как он обращался с журналистами. Я говорю ему: «Все, больше не могу». А Владислав Андреевич: «Ты ж моя дорогая, ты ж моя золотая, кто ж кроме тебя». И все — идешь ему навстречу. У него была необыкновенная интуиция, это, наверное, от Бога, воспитать такое невозможно. Он всегда чувствовал, какой материал надо ставить, а какой нет. И в тот, золотой, век мы жили, как при коммунизме, очень хорошо и дружно. И сейчас те ребята, которые остались, говорят — теперь уже совсем не то. Таких людей, как Старков, больше нет. Я всегда буду помнить о нем».

Лидия Ершова (Скрябина), журналист:«Не знаю, в год какого животного родился Старков, но он был капризен, вспыльчив, обидчив, падок на лесть, подозрителен, бодлив, брыклив и злопамятен. И все же он был гений. Именно он затрапезную брошюру в несколько листочков для обиженных богом пропагандистов-тугодумов, выходившую жалким приложением общества «Знание» на «туалетной бумаге», преобразовал в мощный, успешный бренд «АиФа» с фантастическими тиражами и всенародным почитанием. Он сделал это с малой и не всегда профессиональной командой, потому что Старков любил живых людей и часто брал на работу не спецов-журналистов, а приглянувшихся ему «людей с улицы».

Иногда я думаю, что он умер так рано потому, что добился полного успеха. Он дотащил «АиФ» до потолка, и энергия подъема стала пробуксовывать, пожирая самою себя. Надо было бросить «АиФ» и заняться чем-то совершенно другим. Хотя я почти всегда на него злилась, мне потом долго не хватало этого невыносимого человека».

Андрей Угланов, журналист: «Когда раньше собирались, было совсем грустно, а сейчас более-менее улучшилось состояние. И мы вспо-

минаем что-то хорошее, романтическое. Мне досталось духовное наследие от Владислава Андреевича, чему я безумно рад. Я полностью копирую свою газету «Аргументы недели»: и верстка та же, и темы. Такое чувство, говорят читатели, что она была всегда. Это удалось потому, что Владислав Андреевич многое от себя вложил в мою голову.

У меня на столе лежит фотография 1988 года. Тогда на каждый выпуск номера выезжали в «Московскую правду», где печаталась наша газета. На фото — я, Мещерский и Старков. Я, когда увидел, что нас фотографируют, сделал безумно задумчивое, умное лицо, весь погруженный в себя. Глядя на всех, кто на снимке, кажется, что самый главный — это я. Благодаря Старкову я нашел себя. И мало того, мне еще повезло, что его дело, которое он начинал, я сейчас продолжаю».

Александр Минкин, журналист: «14 декабря 1989 года. Умер Сахаров. В воскресенье было прощание, в понедельник похороны. Я написал заметку в «Московские новости», заместитель главного редактора Бандура бросил ее в урну, сказав: «Нас это не интересует». Я вытащил ее из урны, позвонил Старкову, он вернул готовый номер «АиФ» из типографии, и кусок моего текста (процентов сорок) кое-как воткнули в самую многотиражную тогда газету планеты: 22 139 954 экземпляров. Вот такие факты».

Николай Головко, экс-руководитель лекторской группы ЦК КПСС: «Я как только мог, так и помогал Владиславу, его газете. Видимо, за это он сделал мне бесплатную подписку на «АиФ» и добавил на заявлении своей рукой «пожизненно». Вроде мелочь, но мне было очень приятно, от всего этого веяло каким-то теплом и заботой, будто я по-прежнему рядом с ним, по-прежнему важен и нужен ему. Но умер Старков и... все прекратилось. Зятькову уже все равно, кем я был, и что для «АиФа» делал. Масштаб личности уже не тот». Мы гордились Старковым, с большим уважением относились к «АиФу», сожалеем о его раннем уходе. Если бы мне дали слово что-то сказать ему, я бы сказал: «Молодец!»

Светлана Егорова, журналист: «Наша ностальгия по тем «золотым временам» связана не столько с молодостью, сколько (как у спортсменов) с мировыми рекордами. В «АиФе», на мой взгляд, каждый взял свою олимпийскую планку. И даже те, кто ушел из редакции, не опустились ниже. Планка осталась на этом же уровне, просто каждый себя реализует по-другому. Поэтому сегодня мы можем легко общаться, даже не видясь много лет. Нам есть, о чем говорить, мы все находимся на одной платформе. За все это Старкову — спасибо».

Авангард Леонтьев, актер: «После ухода из «АиФа» Старков оказался не у дел, хотя привык рулить большим кораблем. Думаю, что и это поспособствовало его раннему уходу, хотя он очень талантливо внедрился в строительство своего нового дома, многих удивил своими инженерными способностями. Но он сам понимал, что это занятие не его уровня, это не та планка, которую он способен взять. Привык стремиться к большему, а когда не стало перед ним такой задачи, организм начал быстро сдавать.

Я у него спрашивал: «Тебя не обидели в «АиФе»?» Он отвечал: «Нет, никто меня не обидел, у меня все в порядке, я состоятельный человек, не волнуйся за меня». Он слишком сильный человек, чтобы его обидеть. После ухода из газеты он мне не казался сломленным, обиженным. Я в нем такой психологической перемены не видел... Мне очень жаль, что я потерял такого надежного друга. Если бы у меня была возможность сказать ему единственное слово, я бы сказал: «Спасибо», потому что он умел затрачиваться на друзей».

Мария Варденга, сценарист: «Этот взмах (я могу летать!) — вечный двигатель, способный в любую непогоду завести воображение — до сих пор живет в моем сердце. Каждый раз, принимаясь за новую работу, я закрываю глаза, отвожу в сторону руку, и...

Я лечу. Потому что... он верил! А пропуск с надписью «навсегда» до сих пор у меня хранится. Смотрю на него и слышу те прощальные слова: «Чего ж ты у меня все ищешь? Ведь выйдешь одна на дорогу,

обернешься — и заплачешь! Скажешь: где мой Владислав Андреевич любимый, где? Зачем я, дура маленькая, от него ушла?»

Как всегда, он был прав. Но чтобы это понять, потребовалась жизнь».

Николай Попадьин, друг, сотрудник: «Он был сильным волевым человеком, и в то же время его душа была ранима. Его переживания, а порой и страдания, сильно отражались на его душевном состоянии. Но он не впадал в депрессию, не расклеивался, не хандрил. Он находил в себе силы и как будто «перезапускал» свой внутренний мир на сегодняшний день. На «день», как он считал, от которого зависит будущее всего, что нас окружает, сближает, дает надежду завтрашнего дня... И как-то естественно родился из этого наш любимый новогодний тост: «За сегодняшний день, чтобы он не был хуже завтрашнего»...

Владимир Торопов, помощник: «Старкову в конце все уже надоело. Он говорил, что я тяну все сам, а остальные заняты своими делами. Он был разочарован в сотрудниках, переживал за газету, она же была ему как его ребенок. Он этим занимался всю жизнь, у него не было ничего больше в жизни.

Когда он стал богатым человеком, он покупал антикварные предметы, но это все равно не было ему утешением. Когда ушел из редакции, ему стало нечего делать, он сгорел в том плане, что он же привык работать, все анализировать, советовать. Конечно, и ошибки у него были, как и у всех людей. Кого-то он приблизил очень близко, наверное, не надо было так приближать. Кого-то, наоборот, не брал в расчет. Он в последнее время на работе очень замкнулся в себе, перестал с кем-то советоваться. Меня уволил, я даже не знаю из-за чего. И мы несколько лет уже не общались. Если бы мне можно было передать ему одно слово, я бы сказал: «Спасибо».

Николай Зятьков, главный редактор: «Я был бы счастлив с ним встретиться. И не потому, что человек умер и надо говорить о нем

хорошие слова. Мне просто хочется с ним поделиться, посоветоваться, не смотря на то, что мы так часто критиковали его советы. Именно сейчас, когда человек изначально, изнутри все о газете, о политиках знает, он, наверное, дал бы какой-то совершенно нестандартный совет, как он всегда умел делать.

Этот совет я сначала воспринял бы с удивлением. А потом, подумав некоторое время, возможно, к нему прислушался. Просто хотелось бы поговорить не с любым ушедшим человеком, а именно со Старковым. Вот этого не хватает в последнее время, исключительно потому, что есть коллеги, есть близкие, они в курсе, они знают всю эту кухню, но все равно никто так пристально, глубоко и четко всего этого не представляет. Не с кем все это обсудить и найти какое-то оптимальное решение. Если бы была такая возможность, я сказал бы ему: «Ты молодец!».

Дмитрий Макаров, журналист: «Человек был большой, и время было такое большое, а сейчас наступило время пигмеев. Удержаться на таком месте — Эвересте — это безумно трудно.

Почти каждый день я по разным поводам вспоминаю Владислава Андреевича. Думаю, не только я. А 8 декабря 2009 года мне приснился сон. Будто я сижу в кабинете Старкова в «АиФ» в мягком удобном кресле, и мы разговариваем так, будто не было ни его скандального ухода из газеты, ни смерти. Мы ведем с ним долгий неторопливый разговор, важнее которого ничего нет. Но все когда-нибудь кончается, кончается и наш разговор. В дверь незаметно входит его друг, Владимир Суичмезов. Он несет в руках что-то свернутое в трубку и передает это Старкову. Владислав Андреевич разворачивает сверток, и я вижу перед собой настенный календарь, такой же, какие мы выпускали каждый год. Он протягивает мне его и говорит: «Это тебе на Новый, 2010-й год».

Если бы люди совершали меньше ошибок, то человечество имело бы меньше детей. Теперь я понимаю, что любя без памяти театр, он сам был трагическим актером и режиссером. То есть своего рода Гамлетом... Я бы сказал Старкову, если бы была такая возможность: «Спасибо».

ФИНИТА ЛЯ...

А жизнь мудра без всяких доказательств,
Что состоялось в ней, то ты и пережил.
В ней не было важнее обязательств,
Чем творческий порыв твоих душевных сил!
В.С.

Андрей Бинев, журналист: «Хороша идея о книге, посвященной нашему уникальному редактору. Именно — уникальному, потому что он всегда стоял особняком от всех своих коллег, и стоял очень в выгодном удалении от них, от снобов, и выиграл в этом не только впечатляющим тиражом основного издания (не говоря уже о приложениях, в котором мы были, благодаря ему, истинными новаторами), но и умением сохранить костяк своих «детей», даже после того, как они разбрелись по жизни, но все равно составили благодарную семью.

Так бывает только у мудрых родителей. Ну, ушли детки по своим дорожкам, а все равно отчий дом греет спины, и память согревает.... А все отец! Его не стало, но силы, вложенные им в детей, продолжают давать всходы. Вот, мне кажется, главное в этом человеке. Это его сила. А слабостей у всех людей много. Их не стоит вспоминать и не стоит сравнивать с другими.

У каждого свой скелет в шкафу. Без этого не бывает родовых поместий. Без скелетов и привидений. Между прочим, при покупке недвижимости в Англии за это платят отдельно, и даже больше, чем за саму недвижимость. Вот такое воспоминание. Оно меня не отпускает. И очень, очень пригодилось мне. Особенно, когда я наблюдал в других изданиях и в теле-радио-компаниях, где работал, за суетой «творцов». О них не осталось памяти большей, чем они сумели для себя отбить от общей породы. А это всегда меньше, чем монолит, от которого все и отбивалось. У нас же, благодаря Старкову, именно монолит и оставался, и потому гигантским (соответственно масштабам камня) был и тираж, и значение, и потому причины и след-

ствия, которые мы ставили в том же порядке, как «Аргументы и факты» (а не наоборот!), сохраняли свою логику».

Ирина Солганик, журналист, Израиль: «Говорят, он просто устал, впрочем, все уже неважно после того, как его похоронили на Троекуровском кладбище. В день его похорон у нас шел дождь, я бродила под тель-авивским обложным белесым небом, по приморским трущобам, разбрасывая апельсиновые лепестки; вспоминать было приятно — видимо, возраст. Но бесконечно грустно, что его более нет...»

Александр Фишман, сотрудник «АиФа»:

«Памяти Старкова»

Он был волшебник. В незабытый год
Такого и фантаст бы не придумал:
Совковой прессы самый чахлый плод
Стал всех сильней, когда волшебник дунул!
Он гнал с порога лень и хренотень,
Безмыслие, бездарность и беспечность.
Пусть бюллетень живет какой-то день,
Газета — это вера в бесконечность.

Двужильный, он двух жизней не прожил.
Чуть-чуть лишь можно сердце успокоить:
Что начал — совершил и завершил.
Построил то, что он хотел построить.

Он с нами был и весел, и суров,
А с вихрями — держался, словно глыба...
О, Владислав Андреевич Старков,
Вы слышите прощальное «спасибо»?

/10.12.2004.

Владимир Суичмезов, друг: «Ко мне подошел Алик, солидный, с седеющими усами, и протянул фотографию: «Помнишь?» На старом черно-белом снимке пять молодых улыбающихся физиономий. Из той далекой моей жизни смотрят пять пар глаз: вот это — я, одетый в какую-то хламиду, вот Женька, а вот и сам Алик, совсем еще мальчишка, самый юный в нашей компании. Внизу на траве, голова к голове, возлежат две веселые подружки. Где они теперь, что рассказывают своим детям и внукам про то незабываемое лето?

Мы вернулись в Ласпи — страшно подумать — лет через двадцать. К берегу прилепился небольшой дельфинарий, а недалеко в море торчали два бетонных островка, вероятно, для будущего ресторана. Оставшийся в нашей памяти вид «необыкновенной художественной силы» теперь заметно изменился. Мы с трудом нашли ту маленькую полянку, где стояла палатка, дерево, которое укрывало нас от солнца. Уходили молча. Было такое чувство, будто побывали в чужом доме, который когда-то принадлежал нам.

...Теперь замолчавшая навсегда «Спидола» доживает свой век у меня в кладовке. Рука не поднимается выбросить эту ненужную вещь. Участники той незабываемой крымской эпопеи разбрелись по свету, а иных уж нет: на том снимке, что мне показал Алик, нет Владика. Он тогда долго выстраивал нашу смешливую неподатливую группу, потом скомандовал «чи-и-из» и нажал спуск фотоаппарата».

Тамара Фатеева, секретарь: «Как-то перед Рождеством вижу сон. А в нем — Старков. Что-то такое мнет в руках, а потом старательно лепит... Пригляделась я, вижу строит что-то вроде замка. «Что вы делаете?» — спрашиваю. «Разве не видишь? Строю! Хочу, чтобы с высоты это красиво смотрелось...»

Послесловие

ОТ СРЕТЕНЬЯ ДО СРЕТЕНЬЯ ЧЕРЕЗ ПРОЩЕНИЕ

Когда-то кавказские старики просили певцов: «Спой мне грустную песню, но что бы в ней радость была».

В этой книжке — незатухающая память о нем — ярком, сильном, противоречивом, талантливом Старкове. А у таланта свои права. Он выбивается из стада, ему всегда тяжело: нет достойных соперников, а если есть — то еще хуже...Талант не хочет мириться с посредственностью, с невежеством, с ленью. Талант требует к себе почтения, уважения, любви. Но по отношению к другим он бывает груб и безжалостен. Жить рядом с талантом — это всегда и радость, и боль...

Все эти стадии мы прошли в своем любимом «АиФе», рядом с любимым редактором. И затушевывать какие-то страницы из его жизни — все равно, что выкидывать «грустные слова из радостной песни».

...Когда-то у журналистов не было денег, мы друг у друга занимали «от рубля до трешки», а если удавалось перехватить у коллеги десятку, это было большим везением! В то время мы крепко дружили, доверяли друг другу, могли стеной стоять (и стояли!), когда это надо было. Иногда у главного редактора собирались за городом на его даче (половине дома), разговаривали, ели — пили все, что приготовила его жена Юлия Федоровна. Она являлась его талисманом, и благодаря ее утонченности, сдержанности и мудрости семья для нашего редактора всегда была крепким тылом, этаким амортизатором всех «аифовских» страстей. И нам, гостям, в этой семье было так хорошо!

Потом Старков построит большой и красивый дом, в котором можно принять хоть американского президента, но туда уже никто, кроме

друзей, не приедет. У него будут большие деньги, будет время на любое удовольствие, которое только душа попросит, но это будет уже не в радость, потому что всем, и в первую очередь радостью, он привык обязательно с кем-то делиться. Главными ценителями его успехов, конечно же, были читатели. Однако стечением роковых обстоятельств вожак был отбит от своего стада. И связь с читателями оборвалась...

Но до этих грустных слов у нас была радостная песня. Нам было даровано судьбой большое счастье — в сплоченной команде с удивительным капитаном создать свой корабль и проложить свой магистральный путь в Медийном море к миллионам своих читателей.

Такая яркая совместная жизнь с главным редактором была нам роскошным подарком. «Но все хорошее, друзья, дается нам недешево».

Коллеги часто упрекали своего Главного за любовь к интригам. Но может быть, интриги по-старковски — это заново расписанные роли? «Если ты сегодня играла Бабу-Ягу, то завтра сыграй-ка Золушку. А ты, Гамлет, примерь-ка на себя колпак королевского шута!» Также менялся и репертуар: трагедию сменяла комедия, за ней следовала мелодрама. Вот где «собака порылась» — как говорил Горбачев.

Старков, скрытно мечтающий о подмостках, сам перепутал театр с газетой. Но и это было знаком Судьбы: соединив в себе режиссера и главного редактора, он сумел в журналистике достичь невиданных высот. Может, здесь и был его внутренний протест против «упрямого замысла судьбы» и против «распорядка действий», где расписаны все роли?

...Наша команда (а, может, это и впрямь труппа?) — вначале была сильная и сплоченная. Сколько раз я ни попадала (на время, в командировках) в другие коллективы, но нашей команде они и в подметки не годились. Не случись все так, как случилось, она взяла бы еще многие творческие и производственные высоты. А подбирал команду тщательно — как камешки в свою корону — именно он, Старков. У каждого было место, где человек максимально раскрывался. И не важно, где это было — на свету, то есть на подмостках, либо за сценой, в тени рамп. И это относилось не только к пишущей братии,

но и к тем, кто двигал наше дело дальше: издавал, распространял, строил, кормил, возил, собирал рекламу... Все работали и сами были «на пятерку». Всех он попробовал «на зуб». Так и хочется написать — «в прямом смысле».

Диапазон интересов Старкова был огромен. «Знаешь, я у тебя учусь» — часто говорил он, уверена, что не только мне, но и каждому. Он, как жаждущий в пустыне, по капле собирал от нас эту живительную влагу жизни, чтобы потом переработать ее в своем «плавильном котле», и выдать нам в виде очередного парадоксального задания. Не случайно большинство сотрудников редакции были из разных городов и весей необъятной страны. Он поощрял нашу связь с «малой родиной» и жадно вникал во все, что мы ему после поездок рассказывали.

Каждый из тех, кто был рядом, думаю, вел с Главным свой постоянный внутренний диалог. То, что выдавалось потом в разговоре с ним — было лишь частью скрытого в воде айсберга. В этом диалоге содержалось все, что происходило вокруг нас — в мире, в стране, в душе.

...Уже после всех редакционно-акционерских страстей один журналист из другого издания спросил у меня: «Чой-то я не пойму, кто у вас там кого съел: главный — компанию, или журналисты главного?» У меня сразу всплыл в памяти эпизод, когда моя маленькая дочка, увидев большого жука, очень испугалась. Я спросила ее: «Чего боишься?» Она ответила: «А он меня съест!» Я говорю: «Как же он, такой маленький, может съесть тебя — такую большую?» Она удивленно, как на неразумного человека, посмотрела на меня и по слогам произнесла: «Так он же меня будет есть по ку-соч-ка-м!» Так и этому любознательному коллеге я ответила: «Главный их съедал по кусочкам, а журналисты его целиком». Он уважительно посмотрел на меня, видимо, с трудом переваривая в мозгу эту гастрономическую картину.

Я помню то Сретенье, тот скромный обед, на котором мы никак не могли решить, что делать дальше. А ведь и тогда дело было легко поправимо, возврати мы в свои расшатавшиеся отношения это Бо-

жеское повеление «Возлюбите друг друга!» Но корабль двигался вперед, к ярости, к мстительности. За Сретеньем следовало Прощеное воскресенье, и никто ни у кого тогда не попросил прощения.

Заканчивала эту книгу воспоминаний я тоже в Сретенье, через девять лет после этого же праздника, на котором мы решили расстаться. Тогда мне мучительно хотелось позвонить Старкову в Прощеное воскресенье, но я не позвонила. И во мне гордыня правила бал. А сейчас нужно ли ему наше запоздалое «прости!»?

...Чем больше Главный любил человека, тем меньше давал ему свободы. Мы тоже были обречены жить под его мощным диктатом. Редко кому удавалось вырваться из-под него. Любя и уважая его, мы не приносили нашему главному больших неприятностей. И, может быть, именно поэтому он испытал такое сильное потрясение, когда узнал, что его же собственные ученики написали письмо, в котором предупреждали своего учителя, что они не пустят его в «АиФ», в родной дом, если он захочет туда вернуться!

Это «известие» принесло ему отчаянное страдание. Это была та пружина, которую долго сжимали — сжимали, и она вмиг распрямилась и так больно ранила папу. Может быть, и тяжелое мучительное умирание тоже было приближено этим письмом, но в то же время, возможно, стало и искуплением каких-то грехов перед встречей его души с Господом. Любящим любящих его. И может быть, тогда он понял, что все люди разные — и далекие, и близкие — не стоили его страстей и страданий...

Он высек из нас все человеческие чувства — любопытство, смелость, преданность, выносливость, настойчивость, терпение... Он повысил нам планку, к которой мы должны были тянуться, а если кому-то не удавалось, он «разлюблял» его, стирал свою старую любовь и искал новую — из молодежи. И уже из них начинал лепить новых героев. Но и в них часто не находил «масти», готовой ради творчества на все: для них журналистика была всего лишь работой, а не жизнью. Он долго всматривался в их ряды и грустил, что не те нынче богатыри, не те...

Он был требователен, но не все могли этому соответствовать. Он требовал таланта, любви и покорности — но разве же такое уживается вместе? Он хотел отжать для себя, для дела наши способности и таланты, а остатки, жмых, в котором прятались другие человеческие чувства — честолюбие, ранимость — выкинуть вон, но кто бы позволил так с собой поступать?

Сейчас я понимаю, что наши обиды, разочарования были для нас какой-то дерзкой по замыслу, принудительной «вакцинацией» против предстоящих испытаний. Потому что, кому многое дается, с того многое и спросится.

Одним из испытаний стало расставание для нас с родным домом, с «папой», который до душевных «судорог» нас держал и не «пускал». Как диктатор давил «вольницу», зажимал инициативу. Возможно, и в этом проявилась его суровая отеческая любовь, когда он не хотел отпускать нас от себя, не доверяя нашему взрослению. Он привык все всегда решать за всех. Это испытала и его единственная дочь, которой тоже не хватало воздуха в ее золоченой клетке. И ей удалось раскрыться в своей жизни и таланте — только когда отца не стало... Разорвать эту «отеческую связь» судьбе пришлось силой, а значит — с кровью и болью. И виноватых здесь нет. То, что мы часто считаем виной, является заблуждением другого человека. То, что мы считаем нашей правотой, на самом деле является нашим заблуждением. А по-настоящему Истиной является только Любовь.

Несправедливо считать, что все «предательства» в конце произошли из-за денег. В данном случае сутью раскола стало взросление «детей» и ужесточение «родительского» диктата. Наверное, и деньги тоже сыграли какую-то свою знаковую роль... Но как было на самом деле — никто не знает. Как никто не знал, что наш Главный серьезно болен... Как тут не вспомнить древних философов, которые считали, что «будущее неизменно, неотвратимо и воздействовать на него бесполезно».

Если у человека есть сильный внутренний нравственный стержень, то он удерживает его ото всех демонических ветров. Тогда он

сможет четче определять, где зло, а где — добро. Однако, нам тоже не всегда дано знать, где каждое из них таится. Иногда мы можем добро, если оно послано нам в виде наказания, принять за зло. А в другой раз зло, которое прислано в виде искушения, принять за добро.

Добро и зло — все смешалось тогда у нас, все перепуталось, переплелось. Как из этой гремучей смеси выделить основное? Но — оно выделяется! Мы любили нашего Главного, даже когда... ненавидели! Это было как базовое, крепкое, безоговорочное чувство. Любили его живую, нежную и страстную душу — широкую, как Волга, глубокую — как Байкал, готовую принять в себя всю Россию, всех ее Пупкиных и Марьванн. Если бы мы могли стереть с него фальшивый блеск мишуры этой непродолжительной богемной жизни, то увидели бы простого ростовского парня с большой оравой друзей, которых (это редкость в наше время !) он не предал, не отпихнул от себя, когда стал важным и знаменитым. И они его не предали. И эта верность — верный показатель его высокой ответственности за людей, которых он полюбил и приручил.

Теперь сошла та демоническая пена, а с ней и чувство обиды, непонимания, нежелания простить, уступить... Остались смирение, уважение, теплота, и все то, что вбирает в себя наша любовь к нему и попрежнему сохраняет его для нас, как «большого папу». Потому что, как бы он на нас не кипятился, как бы зло ни кричал кому-то во след: «Уходи! И не забудь, что — навсегда!», но мы-то знали, чувствовали, что он, вложивший в нас частицу своей души, таланта, — НИКОГДА! не вычеркнет нас из своего сердца и своей памяти.

Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
И пока мне рот не забили глиной,
Из него раздаваться будет лишь благодарность.

Иосиф Бродский

Казалось бы, ну что еще можно добавить? Только одно: слава Богу за все — и за скорбь, и за радость!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ГЛАВА ПЕРВАЯ 14
ТРАНЗИТ «ЛАСПИ — МОСКВА» 14
ДРУЗЬЯ НАВЕК 20
РАДИЙНЫЙ МАРАФОН 24
НА ПОРОГЕ СОБЫТИЯ 27

ГЛАВА ВТОРАЯ 30
БЮЛЛЕТЕНЬ С «ПАРТИЙНЫМИ УШАМИ» 30
ЧТО МУСОЛЯТ «ВРАЖЬИ ГОЛОСА»? 33
РАСПРАВЛЯЙ ПАРУСА, «АИФ»! 37
ПРИЛЬНЕМ К ТЕПЛОЙ ГРУДИ НАРОДА 39
ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ — КУЛЬТУРА! 43
ОБ ЭТОМ НАПИШЕТ ТОЛЬКО «АИФ» 46
АВАНТЮРНЫЙ ДУХ СКРАШИВАЛ НАШИ БУДНИ 51
ЧТО СКАЖЕТ МАРЬВАННА? 57
ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА... С КРАСОТОЙ 60
КТО ДОБУДЕТ... ДОМ ДЛЯ РЕДАКЦИИ? 65
«СМИ — ЭТО ПРОСТО... СТИРАЛКА!» 70

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 74
И ГРОМ ГРЯНУЛ 74
АРМИЯ ЗАЩИТЫ 76
ДИСКУССИЯ В КРЕМЛЕ И В РЕДАКЦИИ 84
В КНИГЕ РЕКОРДОВ ГИННЕСА 88
БУДЕМ НЕПРИКОСНОВЕННЫ! 90
ПЕРВЫЕ АКЦИОНЕРЫ СРЕДИ СМИ 93

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 98
А В АВГУСТЕ БЫЛА ВОЙНА... 98
«Я ВСЕГДА ПРАВ!» 102
ЛАБОРАТОРИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ 105
ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ... 113
КАПИТАЛИЗМ РАЗБУШЕВЛСЯ... 117
ПАТРИАРХ СМИ 122

ГЛАВА ПЯТАЯ 127
ЭСТЕТ И МЕЦЕНАТ 127

ГДЕ ВАШЕ МАСТЕРСТВО, КОЛЛЕГИ? ... 135
СЕМЬЯ – ОПОРА И ТЫЛ ... 145
КРЕАТИВНЫЕ НАХОДКИ ... 150
ТРУДНО РАБОТАТЬ С ГЕНИЕМ ... 158
ВИПОВСКИЕ ОБЕДЫ ... 166
ВЛЮБЛЕН И ОЧАРОВАН ... 171

ГЛАВА ШЕСТАЯ ... 179
БОЛЬШОЙ ПАПА ... 179
ИГРЫ С ВЛАСТЬЮ: КТО ЗДЕСЬ НЕЗАВИСИМЕЙ? ... 186
ГДЕ НАШЕ «НЕТ»? ... 193

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ... 198
КУМИР СТАНОВИТСЯ... ТИРАНОМ ... 198
ДЕФОЛТ «АИФА» ... 204
КРИЗИС НАС ИСКУСИЛ... ... 208

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ... 212
ЭТО МЫ, ГОСПОДИ!.. ... 212
ЛЮБИМОЕ ДЕЛО – СТРОЙКА ... 218
«ЗАПОМНИТЕ ЭТОТ ВЕЧЕР» ... 222
«ДЕТКИ» В КЛЕТКЕ ... 225
РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ ... 231

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ... 236
НОВЫЙ ГОД И ВА-БАНК ... 236
ГОРЕ ОТ УМА ... 241
ВСЕ НА ПРОДАЖУ ... 245
ПРИГОВОР СЕБЕ ... 251
«ВСТАНЬТЕ, КТО ВСЁ ИМЕЛ!» ... 254

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ... 260
КАРМИЧЕСКИЙ КРУГ ... 260
ОН УШЕЛ ОТ НАС. НАВСЕГДА ... 266
ПОСЛЕДНЕЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ ... 268
ПРОЩАЛЬНОЕ «ПРОСТИ!» ... 273

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ ... 277
НЕ С НИМ ТРУДНО, А БЕЗ НЕГО... ... 277

ПОСЛЕСЛОВИЕ ... 288
ОТ СРЕТЕНЬЯ ДО СРЕТЕНЬЯ ЧЕРЕЗ ПРОЩЕНИЕ ... 288

www.olmamedia.ru

Официальный дистрибьютор ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
Телефон коммерческой службы: 8 (495) 921-18-90
www.olmamedia.ru

Массово-политическое издание

Желнорова Наталья Николаевна

МИР И ВОЙНА
ВЛАДИСЛАВА СТАРКОВА

Компьютерный дизайн Сергей Степанов
Верстка Ирина Русак
Технический редактор Роза Баторшина
Корректура Татьяна Китаева и Марина Тульская
Ответственный редактор Валентина Говорко

Подписано в печать 17.02.2010.
Формат 70x90/16. Усл. печ. л. 18,5.
Тираж 3000 экз. Заказ

ООО Издательский дом «Время жить»
Москва, Н. Кисловский пер., 7, оф. 511-515,
119311, Москва, а/я 40
E-mail info@timetolive.ru, www.timetolive.ru,
+7 495 6917454, +7 495 6976649

Отпечатано

Электронную версию книги вы можете
найти на сайте www.timetolive.ru
и там же в интернет-магазине приобрести эту книгу